

Марциновский

616.8

М 299

МАРЦИНОВСКИЙ

Нервность и мирозерцание

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Д-ровъ Н. Е. Семенова и С. Б. Фельцмана.

Вып. VIII.

НЕРВНОСТЬ И МИРОСОЗЕРЦАНІЕ.

Очерки психического
лѣченія нервно-больныхъ.

Dr. J. Marcinowski'аго.

2012

Переводъ съ нѣмецкаго.

В. Н. Линдъ.

1952 г.

1972

ИНВЕНТАР
№ 9775

МОСКВА, 1913

Книгоиздательство „НАУКА“.

В. Никитская, 10. Тел. 254—99.

ПО ИНВЕНТАРЮ

№ 6933

616.8

2012

ПЕРЕОБЛІК

Отъ редакціи.

Согласно своей цѣли—познакомить читателей съ современнымъ состояніемъ психотерапіи, редакція предлагаетъ въ настоящемъ выпускѣ очерки Marciniowsk'аго, извѣстнаго Берлинскаго психотерапевта. Если Freud „перегибаетъ палку“ въ сторону сексуальности и символизации, Dubois—въ сторону интеллекта и діалектики, Stekel—въ сторону душевнаго конфликта, то Marciniowski одностороненъ въ направленіи этики и монистическаго идеализма. Изъ столкновенія мнѣній рождается истина, и редакція глубоко убѣждена, что очерки Marciniowsk'аго принесутъ свою пользу какъ нервнымъ больнымъ, такъ и врачамъ.

Вступленіе.

На слѣдующихъ страницахъ я сдѣлалъ опытъ, исходя изъ практическихъ точекъ зрѣнія моей врачебной специальности, изложить міровоззрѣніе, или, — если угодно, — исповѣданіе вѣры. Во многихъ мѣстахъ, конечно, это изложеніе идетъ, повидимому, гораздо дальше ближайшихъ практическихъ цѣлей психотерапіи, однако, связь съ ними можно всюду усмотрѣть, даже и тамъ, гдѣ моей цѣлью является собственное исканіе спасительной истины.

Благодаря этому, кругъ моихъ читателей расширяется, и хотя въ заглавіи моей работы я выставляю только практическую ея цѣль, однако, понятно то побужденіе, которое заставляеть меня питать надежду, что эти строки могутъ попасть въ руки не только нервныхъ больныхъ, но и вообще „ищущихъ“.

То, что я предлагаю вамъ, я могъ бы назвать основами „монистическаго идеализма“. Два прекраснѣйшія понятія міровой мудрости соединены въ немъ въ единую картину міра, и въ такомъ видѣ картина міра соотвѣтствуетъ моему религіозному чувству.

Каждый естественно изображаетъ это на своемъ языкѣ; „почему бы и мнѣ не изобразить того же на моемъ?“ — хотя всѣ мы едва способны лепетать, когда имѣемъ передъ собой нѣчто, столь трудно поддающееся выраженію. Мы можемъ лишь говорить тогда вмѣстѣ съ Фаустомъ:

— Erfüll davon dein Herz, so gross es ist,
Und wenn du ganz in dem Gefühle selig bist,
Nenn es dann, wie du willst.

„Gefühl ist alles; Name ist Schall und Rauch.“—*).

Поэтому я никогда не могъ понять, какъ въ дѣлахъ вѣры и относительно ея формъ можно быть нетерпимымъ и осуждать другіе виды религіозныхъ воззрѣній. Мы всѣ, вѣдь, думаемъ одно и то же, только каждый можетъ выражать это въ своемъ родѣ и смотря по состоянію своихъ знаній. Почему же не хотять наслаждаться поэтическими произведеніями религіозной мысли также совершенно свободно отъ предубѣжденій, какъ и другими художественными произведеніями, и радоваться на проявленія ихъ силы даже и тогда, когда ихъ образъ выраженія не соотвѣтствуетъ языку нашего собственнаго существа!

Пусть же эта точка зрѣнія сохранить силу и для послѣдующихъ страницъ, точка зрѣнія тѣхъ, кто имѣетъ въ виду мои цѣли, а не человѣчески несовершенные способы выраженія.

Въ этомъ смыслѣ я и даю въ напутствіе моему труду слова Гёте, которыми онъ отказываетъ въ требованіи наложить на высшія человѣческія ощущенія цѣпи догматическихъ вѣроученій.

„Frei will ich sein im Denken und im Dichten—
im Handeln schränkt die Welt genug uns ein“!—

(Въ мысли и въ поэтическомъ творествѣ я хочу быть свободенъ. Довольно міръ ставитъ намъ преграды въ дѣлахъ!)

Весной 1905 г.

*) Пусть будетъ сердце полно до предѣловъ,
И если ты нашелъ блаженство въ чувствѣ,
То ты его какъ хочешь назови.
Лишь чувство—все; названье—звукъ и дымъ.

Предисловіе ко второму изданію.

Откровенно признаюсь, что я совершенно не ожидалъ, что мнѣ понадобится переработать эту книгу для новаго изданія.

Правда, встрѣчались мнѣ горячія человѣческія сердца, мимо которыхъ я не могъ пройти на моей жизненной стезѣ. Были и попытки сужденій, на которыя я не могу смотрѣть иначе, какъ съ законной гордостью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мое намѣреніе заставило добрыхъ друзей столько качать головой и породило столько сомнѣній, что я самъ почти пришелъ къ убѣжденію, что мнѣ слѣдуетъ быть довольнымъ скорѣе качествомъ оцѣнки, чѣмъ количествомъ успѣха.

Къ этому присоединилось множество недоразумѣній, о которыхъ я и не думалъ. Не обративъ вниманія на то, что я опредѣленно называлъ это работу очерками, указывая этимъ, что она именно представляетъ противоположность общеобязательной схемѣ, неоднократно ставили мнѣ въ упрекъ то, что я хочу подчинить этой схемѣ всѣхъ безъ различія моихъ больныхъ.

Какъ я уже сказалъ, возможность такого пониманія была далека отъ меня, и я никогда не видѣлъ, что оскорбляю религіозныя чувства кого-нибудь изъ своихъ пациентовъ. Иначе при изданіи книги я самъ бы рѣзче подчеркнул то, что, по моему мнѣнію, было излишнимъ.

Наконецъ, я скоро узналъ, что вторая часть, которая въ первомъ изданіи носила названіе „теорія воли и знанія“, оказалась дурнымъ промахомъ, неприемлемымъ по своимъ теоретическимъ объясненіямъ, и, такимъ образомъ, совершенно не достигала своей цѣли.

Поэтому я рѣшилъ дать второму изданію совершенно измѣненный видъ. Вторая часть и вмѣстѣ съ ней весь теоретическій балластъ были выброшены. Вмѣ-

сто того я помѣстилъ двѣ главы: IV-ю и V-ю, заключающія въ себѣ то, что въ вычеркнутыхъ отдѣлахъ имѣло практическое значеніе.

Само собой разумѣется, что наблюденія послѣднихъ лѣтъ были использованы при переработкѣ всего текста. Чтобы предупредить возможность вышеуказанныхъ недоразумѣній, я обратилъ вниманіе въ очень подробномъ введеніи на врачебную полемику, которая возникла по поводу перваго изданія этой книги; по той же причинѣ я пришелъ къ заключенію, что глава о цѣнности личности и о будущей жизни должна была подвергнуться основательной передѣлкѣ.

Такимъ образомъ, я могу надѣяться, что это второе изданіе не только переработано, но и улучшено; конечно, не въ глазахъ всѣхъ, такъ какъ въ извѣстныхъ кругахъ, въ которыхъ можетъ быть только одно душеспасительное пониманіе, я и раньше былъ и теперь буду осужденъ, какъ „модернистъ“. Конечно, я нахожусь при этомъ въ очень пріемлемомъ обществѣ. Однакоже, я долженъ отвѣтить на нѣкоторыя возраженія, потому что разъясненіе недоразумѣній принадлежитъ къ числу моихъ обязанностей въ качествѣ врача.

Stölzle полагаетъ, что „дѣятельность и страданіе чловека только тогда получаютъ смыслъ и значеніе и пріобрѣтаютъ утѣшительную подкладку, когда бросается взглядъ по ту сторону жизни; безъ этого жизнь была бы страшной бессмыслицей, — тупымъ самоотреченіемъ отчаянія“, и таково слѣдствіе моего образа мыслей! (Lit. Rundschau 1907 г., № 3. Католич. издательство Herder'a).

Но по плодамъ ученія познается его достоинство, между тѣмъ плодами моего ученія я долженъ быть совершенно доволенъ. До сихъ поръ благословеніе было не чуждо моей дѣятельности и давало мнѣ возможность многократно бороться съ „тупымъ отчаяніемъ“. Итакъ, и

опытъ и факты научаютъ меня иному, чѣмъ опасались, исходя изъ односторонней, личной точки зрѣнія. Отчаяніе же я находилъ всюду тамъ, гдѣ человѣку хотѣли насильно навязать міровоззрѣніе, не соотвѣтствующее его природѣ, той природѣ, которая тоже Богомъ вложена была въ его сердце.

Поэтому-то для меня чужой образъ мыслей неприкосновененъ, и поэтому-то я совершенно не понимаю правовѣрной узости. Я это отмѣтилъ опредѣленно: я знаю, что существуетъ безчисленное количество людей, которые по своей природѣ должны думать и чувствовать такъ, какъ думаетъ и чувствуетъ Stölzle. Для нихъ мнѣ не нужно братья за перо. Они имѣютъ своего Hilty и другія книги, полныя прекрасной жизненной мудрости. Но рядомъ съ ними есть безчисленное множество другихъ, для которыхъ все это не годится, и которые будутъ упорно отказываться, если ихъ прямо поучать словамъ Христа и ученію его церкви, какъ этого хочетъ Seeligmüller. (Theolog. Lit. Bericht. 1907, № 2).

Если бы я такъ поступалъ, то я съ первой же минуты оказался бы для большого противникомъ святыхъ для него убѣжденій, и всякая возможность моего вліянія на него исчезла бы. Или думаютъ, что всякій уклоняющійся взглядъ несправедливъ, хотя бы онъ созданъ изъ такой же внутренней необходимости, какъ и правовѣріе? Во всякомъ случаѣ я правильно поступаю, установивъ здѣсь еще разъ, что я нигдѣ не выказываю притязанія на то, чтобы признавать написанныя здѣсь съ опредѣленной цѣлью мысли до такой степени исключительно вѣрными, что безъ нихъ жизнь была бы „страшною безсмыслицей“.

Я знаю, напротивъ, что религіозныя стремленія сотнями способовъ могутъ быть освѣщены свѣтомъ истины, и радуюсь такому богатству формъ. Вездѣ я вижу стремленіе къ Богу, даже тогда, когда оно, повидимому, одѣвается въ чуждыя ему одежды. Это всепроникающее различіе между

конфессіональнымъ попеченіемъ о душѣ и психотерапевтическими пріемами врача не должно бы въ самомъ дѣлѣ быть оставлено безъ вниманія.

Я долженъ также защищаться, когда мнѣ говорятъ, что я моими очерками хотѣлъ указать пути къ развитію будущихъ религіозныхъ формъ! Это уже потому невѣрно, что, какъ, несомнѣнно, вытекаетъ изъ этихъ страницъ, я такъ мало интересуюсь различными формами и способами выраженія, тогда какъ сила религіознаго чувства имѣетъ для меня столь безконечно большое значеніе. (Срав. *Christliche Welt*, 1908 г., №№ 1 и 18).

Если я считаю важнымъ свое положеніе относительно извѣстныхъ вопросовъ міровоззрѣнія, гдѣ я наталкивался на страданіе, обусловленное представленіями, то все же я всегда дѣйствовалъ только какъ носитель раздраженія, побуждающаго къ развитію отдѣльныхъ лицъ во всякомъ, какомъ угодно направленіи, а не только въ томъ, которое я излагаю здѣсь для опредѣленныхъ типовъ людей. Въ какомъ направленіи развивается отдѣльная личность: справа налѣво или обратно,—это для меня безразлично, лишь бы только налицо было развитіе, движеніе впередъ, такъ какъ я всегда имѣю въ виду, что человѣческія натуры совершенно различны, а также различны и тѣ внутреннія необходимости, которымъ онѣ должны повиноваться, когда онѣ чувствуютъ, думаютъ и вѣруютъ. Догматическія же соображенія я до сихъ поръ спокойно отклонялъ указаніемъ на слова Христа: „Въ дому Отца моего обитателей много“.

Для меня безразлично, какая комнатка будетъ тамъ отведена мнѣ, лишь бы я зналъ, что я буду жить у Него.

Dr. J. Marciniowski.

9. XI. 1909.

ВВЕДЕНІЕ.

Значеніе проблемъ міровоззрѣнія во вра- чеваніи.

Въ человѣкѣ живеть непреодолимое стремленіе искать удовлетворительнаго объясненія загадокъ жизни. Все, что кругомъ насъ неясно и непонятно, заставляеть насъ страдать, и мы жаждемъ избавленія отъ этихъ страданій. Единственное средство для этого—созданіе такого міровоззрѣнія, при которомъ вещи являлись бы въ другомъ освѣщеніи, не заставляя насъ страдать, а, напротивъ, дѣлая насъ счастливыми и освобождая насъ отъ невыносимаго положенія, которое будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока мы чувствуемъ все окружающее при нашей безпомощности, какъ грубый и безчувственный произволь. Путь къ успокоенію есть познаніе міронаполняющей идеи божества. Въ ней находимъ мы успокоеніе для нашего „исканія истины“, какъ мы называемъ это страстное желаніе спокойствія.

Но что же здѣсь общаго съ нервною? Очень многое, потому что нервно-больной страдаетъ отъ этой борьбы чувствъ сильнѣе, чѣмъ другіе люди, и для его выздоровленія, для исцѣленія нарушеннаго душевнаго равновѣсія необходимо, какъ основное

условіе, міровоззрѣніе, которое отклоняло бы его разстроенныя чувства отъ личнаго страданія и направляло бы ихъ на мысли о вѣчности, въ которыхъ личное страданіе тонеть. Нервно-больной нуждается въ цѣльномъ міровоззрѣніи для укрѣпленія его нравственныхъ стремленій и для воспитательнаго воздѣйствія на его слабости *).

Между прочимъ, тотъ изъ моихъ читателей, который будетъ относиться къ этимъ страницамъ со всею острою присяжною философскою критики, останется ими менѣе доволенъ, чѣмъ тотъ, который лишь наивно восприметь ихъ. Конечно, философія и метафизика въ основахъ своихъ—науки, но въ своемъ изложеніи; это — поэтическія произведенія, имѣющія цѣлью доставить счастье. Объ этомъ не должны забывать строгіе критики. О различіи взглядовъ я не желаю спорить и не имѣю въ виду полемизировать ни въ какомъ направленіи. Чужое вѣрованіе для меня свято, и я всегда относился къ нему съ уваженіемъ, требуя, конечно, чтобы и мнѣ платили тою же монетою.

* * *

Когда мы, врачи, приступаемъ къ лѣченію хронической болѣзни, то обыкновенно мы различаемъ общее лѣченіе отъ мѣропріятій, направленныхъ на отдѣльные симптомы болѣзни. Такое же различіе должно быть установлено и въ обширной области психотерапевтической дѣятельности. И здѣсь мы различаемъ, рядомъ со спеціальными стремленіями къ устраненію отдѣльныхъ типическихъ явленій посредствомъ внушенія и гипноза, посредствомъ психоанализа и т. п., также мѣропріятія гораздо болѣе общаго

*) Сравни мое сочиненіе: „Борьба за здоровые нервы“. („Im Kampf um gesunde Nerven“). Руководитель къ пониманію и исцѣленію нервныхъ состояній. 3-е изданіе.

характера, которыя я могу обозначить какъ стараніе противодѣйствовать нарушеніямъ душевнаго равновѣсія посредствомъ измѣненія всего жизне- и міропониманія, коротко сказать: *вести проблемы міровоззрѣнія въ рядъ дѣятельныхъ цѣлебныхъ факторовъ.*

Здѣсь, какъ и тамъ, такое стремленіе далеко выходитъ изъ рамокъ узкихъ задачъ врачебной практики. Общее лѣченіе становится вмѣстѣ съ тѣмъ ученіемъ о сохраненіи здоровья всѣхъ. Точно также и врачъ, который по внутреннему побужденію сознаетъ необходимость вліять даже на самыя тонкія и нѣжныя душевныя колебанія человѣка, находитъ противъ нихъ такія средства, которыя часто относятся къ разряду чисто душевно-воспитательныхъ и съ врачебной дѣятельностью въ тѣсномъ смыслѣ слова не имѣютъ почти ничего общаго, и которыя часто позволяютъ совершенно не обращать вниманія на то, имѣется ли, кромѣ того, заболѣваніе въ обычной формѣ. Такимъ образомъ, врачъ оказывается въ предѣлахъ такой области, гдѣ ему приходится разсуждать о томъ, какія группы представленій, встрѣчающихся въ различныхъ міровоззрѣніяхъ, должны быть съ врачебно-психологической точки зрѣнія здоровыми для всѣхъ людей, въ томъ числѣ и для небольшихъ, и какія должны быть отброшены, какъ болѣзненные.

Совершенно ясно, что со многими болѣзненными состояніями не только сочетается душевное страданіе, но что послѣднее служитъ источникомъ и для многихъ тѣлесныхъ формъ заболѣванія. Сюда мы должны отнести смѣло 99% всѣхъ явленій нервноности, такъ что собственно для врача становится труднымъ не усматривать всюду психотерапевтическихъ показаній. Но страннымъ образомъ это произошло лишь теперь, когда психологія и филосо-

фія находятся въ началѣ новаго цвѣтущаго періода, и наши глаза и сердце снова обращены на эти вопросы.

Кончающійся періодъ естественно-научнаго материализма въ своей радикальной исключительности былъ неблагопріятенъ для этихъ тонкихъ оттѣнковъ чувства, которыхъ онъ въ своей кажущейся точности не былъ способенъ взвѣсить и измѣрить. Это былъ недостатокъ, о которомъ мы сожалѣли, какъ о ретроградномъ движеніи во врачебномъ искусствѣ. Теперь врачъ, вооруженный всей суммой новыхъ и цѣнныхъ психологическихъ знаній, приступаетъ къ рѣшенію вопросовъ, бывшихъ до сихъ поръ въ вѣдѣніи профессиональныхъ воспитателей души (Saelesorger); и мы должны радоваться этому возрастанію тяжелой и отвѣтственной работы, которая временами преобразуетъ нашу дѣятельность, возводя ее на высоту жреческаго дѣянія. Такъ заканчивается вѣчный круговоротъ вещей: сначала жрецы были врачами, теперь врачъ долженъ быть снова жрецомъ, носителемъ здороваго, полного цѣлебной силы міровоззрѣнія и борцомъ за него.

Своеобразность нашей профессіи должна придать нашей дѣятельности такія формы, которыя лучше приноравливаются къ особенностямъ отдѣльныхъ людей, чѣмъ это обыкновенно бываетъ при религіозномъ попеченіи о спасеніи душъ. Благодаря этому, трудно вести наше изложеніе въ строгихъ формахъ. И то, что я намѣренъ выяснитъ въ бѣглыхъ очеркахъ, могу сказать, просто въ заглавіяхъ почти невозможныхъ для наполненія главъ, это—лишь указать на немногія направляющія мысли, которыя съ теченіемъ времени выдѣлились для меня какъ особенно важныя.

Но предварительно надо сказать еще одно: стре-

мленіе къ достиженію душевнаго утѣшенія и усиленія внутренней твердости духа чрезвычайно велико, и литература, рассчитывающая дать пищу такимъ алчущимъ, сильно возрастаетъ въ своихъ размѣрахъ. Даже образцы самаго несчастнаго искаженія въ этой области всегда могутъ рассчитывать на обширный кругъ страстныхъ поклонниковъ. Сообразно съ этимъ и врачъ долженъ обладать полнымъ знакомствомъ съ этой литературой, такъ какъ онъ едва ли можетъ имѣть дѣло хоть съ однимъ больнымъ или подавленнымъ судьбой, для котораго онъ не могъ бы воспользоваться той или иной книгой, или который бы не являлся къ врачу вполне пропитаннымъ самыми удивительными принципами, взятыми изъ такихъ книгъ.

Далѣе, мы должны стремиться къ достиженію не только психологическихъ, но и философскихъ знаній, которыя учатъ насъ смотрѣть на разныя существующія на землѣ мнѣнія и міровоззрѣнія, какъ бы исходя изъ высшаго наблюдательнаго пункта, которыя учатъ насъ отличать въ различныхъ міровоззрѣніяхъ то, что въ нихъ есть типическаго, и даютъ возможность пользоваться различными формами выраженія мнѣній, какъ различными языками. Еще лучше будетъ, когда они сдѣлаются для насъ и въ самомъ дѣлѣ лишь разными языками, потому что въ такомъ случаѣ мы получимъ ту успокоительную терпимость, которая отличаетъ точку зрѣнія врачебнаго цѣлителя души отъ болѣе односторонней точки зрѣнія религіозныхъ цѣлителей.

Я не могу отрицать, что въ этихъ вопросахъ наибольшая односторонность часто соединяется съ наибольшою силою дѣйствія. Вѣдь мы повсюду видимъ, что дѣйствіе гораздо больше зависитъ отъ чрезвычайной силы убѣжденія, чѣмъ отъ его содержа-

нія, которое можетъ быть совершенно безсмысленнымъ, доказательствомъ чего служатъ всякаго рода искатели исцѣленія и извѣстный сортъ чудесныхъ цѣлителей. Но этотъ родъ воздѣйствія, однако, вовсе не кажется мнѣ идеальнымъ. Наши врачебныя задачи слишкомъ многообразны, чтобы онѣ могли быть всѣ разрѣшены въ одной формулѣ, и, кромѣ того, то, что мы постепенно въ спокойной ясности можемъ довести до внутренней зрѣлости, имѣеть въ концѣ концовъ болѣе важное значеніе, чѣмъ то, что является результатомъ сильнаго толчка. Вредная сторона нѣкоторыхъ внушеній состоитъ именно въ томъ, что вмѣсто покойнаго и серьезнаго созрѣванія, ими только внѣшнимъ образомъ замазываютъ опасныя мѣста, закрывая ихъ кажущимися успѣхами и не создавая въ дѣйствительности органическаго пріобрѣтенія.

Органическое пріобрѣтеніе! Оно возможно лишь тогда, когда для даннаго рода почвы, подлежащей обработкѣ, выбираются сѣмена, которыя могутъ на ней успѣшно произрастать. Поэтому врачъ долженъ умѣть говорить на различныхъ языкахъ. Чтобы указать въ самыхъ грубыхъ чертахъ, — врачъ долженъ быть правовѣрнымъ съ людьми узкихъ вѣрованій, свободомыслящимъ съ людьми свободныхъ взглядовъ, христіаниномъ съ христіанами, а къ тѣмъ, кто ищетъ исцѣленія въ ученіяхъ древней Индіи, онъ долженъ подойти съ теософической точки зрѣнія, если онъ имѣеть въ виду не только стоять съ ними на одномъ уровнѣ, но и руководить ими.

Вмѣстѣ съ этимъ я прихожу къ требованію, которое можетъ навести на руководителя упрекъ въ нѣкоторой безхарактерности, потому что если въ его рѣчахъ всѣ эти различные языки должны проявляться съ одинаковою горячностью, а это именно такъ и должно быть, — то можетъ показаться, что самъ руко-

водитель имѣеть въ сердцѣ своемъ вмѣсто неизмѣнной ясности только смутные образы безъ свѣжести и безъ жизни. Мы должны указать на эту опасность. Устранить ее мы можемъ лишь тѣмъ, что съ самаго начала проведемъ всюду слѣдующую идею: Вѣчно неизмѣнное, скрывающееся за явленіями и проявляющееся во всѣхъ различныхъ формахъ выраженія, настолько безконечно важнѣе этихъ самыхъ формъ, что послѣднія по отношенію къ содержанію превращаются въ совершенно ничтожныя дѣяности. Распространять такое убѣжденіе, вносить правильную оцѣнку отношенія между содержаніемъ и формой—одно это часто имѣеть терапевтическое значеніе для больного человѣка.

Такимъ образомъ, все это должно одинаково горячо высказываться врачомъ и быть лишь формой выраженія того единаго, что всѣ ищутъ, и благодаря чему могутъ быть устранены всѣ раздоры и ссоры. Коротко сказать: если бы намъ удалось для самихъ себя достигъ всеобщей терпимости, то намъ было бы нетрудно при нашемъ способѣ выраженія сосчитать съ привычными взглядами ищущихъ помощи. Только когда больной увѣренъ въ нашемъ пониманіи и нашемъ нѣжномъ чувствѣ, только тогда можемъ мы указать ему на тѣ ошибки и недостатки, которые составляютъ болѣзненные особенности его личности и его міровоззрѣнія и которые причиняютъ ему страданіе. Въ противномъ случаѣ онъ съ самаго начала отвернется обиженный и будетъ недоступенъ для нашихъ словъ.

Причиняютъ ему страданіе! Конечно, первое, чему долженъ научиться больной, это тому, что характеръ нашего внутренняго отношенія къ проблемамъ жизни и взглядъ нашъ на содержаніе жизни

и міровой смыслъ имѣютъ рѣшающее значеніе для опредѣленія того, будемъ ли мы страдать отъ нашихъ жизненныхъ условій, отъ людей, вещей и обстоятельствъ. „Быть больнымъ и страдать—это двѣ вещи разныя“. Тамъ, гдѣ мы часто не можемъ совладать съ болѣзною, потому что наше искусство и знаніе поставлены еще въ слишкомъ узкія границы, тамъ мы можемъ все же облегчить страданіе, если и не вовсе устранить его, и это бываетъ вовсе не такъ рѣдко.

Теперь отъ этихъ общихъ сужденій мы перейдемъ къ практикѣ, касающейся отдѣльныхъ больныхъ. Высказанная нами мысль имѣетъ для практики большое значеніе. Чтобы тотчасъ же выразить это широкими чертами, мы сопоставимъ ее съ одной изъ важнѣйшихъ системъ міровоззрѣнія, съ воззрѣніями стоиковъ.

Ничто другое не выражаетъ въ такой классической чистотѣ воззрѣнія стоиковъ, какъ слова, записанныя въ дневникѣ императора Марка-Аврелія. „Тебѣ слѣдуетъ только измѣнить твой взглядъ на данную вещь, и ты будешь по отношенію къ ней въ безопасности“. И дѣйствительно, эта лежащая въ самихъ стоикахъ гордая вѣра въ ихъ неуязвимость есть самое сильное лѣкарство, которое мы можемъ предложить той жалкой слабости, которою обычно отличается наше нервное время! Мы не хотимъ ничего болѣе переносить. Мы сдѣлались такими чувствительными, что при малѣйшемъ недомоганіи, полные смертельнаго страха, бѣжимъ къ ближайшему специалисту. По моему мнѣнію, въ этихъ случаяхъ недостаточно того, что мы объяснимъ больному ничтожность его жалобъ и утѣшимъ его; мы должны указать и убѣдить его, что

жалкій характеръ его поведенія есть слѣдствіе его слабого пониманія жизни вообще.

Мы потеряли здоровый взглядъ на хорошія и худыя качества вещей и черезъ это пришли къ ложнымъ жизненнымъ цѣлямъ. Въ этомъ состоитъ ошибка, и это должно быть исправлено. Этому загнанному дѣтскими страхами міровоззрѣнію съ преувеличенной оцѣнкой всѣхъ возможныхъ жизненныхъ обстоятельствъ должно быть противопоставлено міровоззрѣніе съ *правильной оцѣнкой* вещей и условий, т.-е. міровоззрѣніе съ правильно-низкой оцѣнкой всѣхъ этихъ отчасти совершенно неважныхъ виѣшнихъ вещей, относительно которыхъ по крайней мѣрѣ еще очень сомнительно, имѣемъ ли мы право предполагать въ нихъ сколько-нибудь замѣтное вліяніе на наше ощущеніе счастья. Вредъ, причиняемый въ этомъ случаѣ нашему счастью, исходитъ не отъ вещей, а отъ той нашей внутренней точки зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ вещи, отъ тѣхъ представленій, которыя мы съ ними соединяемъ. Нервному больному, да и не только ему одному, никогда нельзя достаточно серьезно внушить, что не вещи намъ что-нибудь дѣлаютъ, а лишь мы сами создаемъ себѣ страданіе черезъ вещи, которыя въ крайнемъ случаѣ невинно играютъ роль козла отпущенія, и отношеніе которыхъ къ намъ мы готовы несправедливо обратить въ отношеніе воображаемой зависимости, которая для мыслящаго человѣка была бы столь же недостойна, сколь его мышленіе въ данномъ случаѣ было бы ложно.

И это положеніе также заслуживаетъ того, чтобы проводить его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Мы должны проникнуться его содержаніемъ такъ, чтобы

оно сдѣлалось для насъ второю натурой. Наша судьба зависитъ не отъ того, удары чего дѣйствуютъ на насъ извнѣ; напротивъ, цѣнность нашего счастья зависитъ скорѣе отъ того, какъ мы въ данномъ случаѣ оцѣниваемъ событія изнутри. Изъ различія внутренней точки зрѣнія выходитъ, что одно и то же событіе на одного дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ, а другого возвышаетъ.

Къ необходимости столь настойчиво выставить эту точку зрѣнія я пришелъ на основаніи изученія психологіи больныхъ. Изъ господствующихъ у нервно-больныхъ мыслей, съ которыми я ознакомился, наибольшимъ затрудненіемъ для лѣченія были всегда представленія о внѣшней зависимости, такъ какъ на нихъ основано ложное направленіе внутреннихъ цѣлей и желаній, съ которыми пациентъ относится къ своей болѣзни и своему врачу. Это они толкаютъ бѣднаго нервнаго больного въ ложныхъ терапевтическихъ направленіяхъ, гоняютъ его изъ одной лѣчебницы въ другую, отъ одного врача къ другому до тѣхъ поръ, пока, отчаявшись во всѣхъ, онъ малодушно гибнетъ. Виною этого не что другое, какъ представленіе о томъ, что явленія его болѣзни зависятъ отъ всевозможныхъ внѣшнихъ жизненныхъ обстоятельствъ. Только въ себѣ самомъ больной не ищетъ ихъ источника. При полномъ незнакомствѣ съ психогенетическими составными частями всякой нервности онъ ищетъ исцѣленія въ измѣненіи считаемыхъ имъ за важныя внѣшнихъ вещей, вмѣсто того, чтобы искать для этого единственно доступный пунктъ внутри самого себя.

Если мы будемъ изслѣдовать, откуда произошли эти ложныя представленія зависимости отъ внѣшнихъ вещей, возрастающія у больного до степени мучительнаго боязливаго самонаблюденія, благодаря ко-

тому наша эпоха отличается вялостью и безси́емъ, то мы и здѣсь тотчасъ наткнемся на проблему міровозрѣнія, а слѣдовательно, и на необходимость предпринять поправки въ широкихъ размѣрахъ, а не только въ частностяхъ.

Мышленіе нынѣшнихъ культурныхъ людей построено на результатахъ естественно-научныхъ открытій, которыя дали всей картинѣ міра и его внутренняго устройства другой видъ. Проникновеніе въ тайны природы открыло нашему сердцу и нашему религиозному чувству такіе источники, которые, казалось, долгое время были закрыты; однако, между пшеницей выросли и плевелы.

Однимъ изъ важнѣйшихъ положеній естественно-научнаго мышленія является ученіе о необходимости и взаимной зависимости всего происходящаго, положеніе, окончательно разрывающее со всякимъ произволомъ въ большомъ и маломъ и не оставляющее мѣста ни для какихъ исключеній изъ закономерности. Изъ этого, несомнѣнно, слѣдуетъ, что вѣренъ вытекающій отсюда выводъ о томъ, что всѣ жизненныя явленія также надо разсматривать какъ реакціи на раздраженія. Но одностороннее преувеличеніе, съ которымъ во взаимоотношеніи субъектъ-объектъ, т.-е. реагирующій и носитель раздраженія, увидѣли въ раздражителѣ существенную сторону искусственно расчлененнаго явленія, привело къ образованію представленій, которыя подвергли, по крайней мѣрѣ, теоретически, сомнѣнію всѣ наши возможности нравственнаго развитія и на практикѣ принесли тоже огромный вредъ. Причинность сдѣлалась боевымъ лозунгомъ, противоположнымъ прежнему „свободной воли“ и случайности. Но причинностью называется: видѣть ходъ вещей только въ одномъ напра-

вленіи, въ которомъ изъ причинъ вырабатываются слѣдствія.

Мы, однако, имѣемъ не только причины позади насъ, но и цѣли передъ нами. За ближайшими поводами къ нашей дѣятельности мы имѣемъ прежде всего еще болѣе глубокія движущія основанія, находящіяся въ насъ самихъ и непосредственно намъ указывающія на особенности отдѣльной личности, которыя накладываютъ свою печать на формы реакціи въ такой мѣрѣ, что значеніе рода и величины раздраженія сводится къ совершенно ничтожному только поводу. Въ ученіи о специфической реакціи высокодифференцированныхъ органовъ это отношеніе выступаетъ вполне ясно. Но этотъ фактъ не принесъ никакой пользы для общаго пониманія жизни. Люди оказались какъ бы ослѣпленными понятіемъ причинности, и даже теперь истинный естественно-научный матеріализмъ не знаетъ, что дѣлать съ такъ ясно выступающими избирательными свойствами и способностями живого вещества. Пристальный взглядъ, устремленный на приходящія извнѣ раздраженія, какъ на причину всего совершающагося, проглядѣлъ столь очевидный фактъ, что формо-опредѣляющіе факторы жизни въ гораздо большей степени заключаются въ особенностяхъ даннаго индивида, чѣмъ въ раздраженіяхъ извнѣ, отъ которыхъ, какъ люди несправедливо думаютъ, они будто бы уже такъ зависятъ.

Насколько все это помогаетъ утвержденію ложныхъ представленій о нашей зависимости—это достаточно ясно. Изъ этого посѣва выросло нездоровое ученіе о наследственномъ отягощеніи. При этомъ не обратили вниманія на то, что мы наследуемъ также и способности къ преодолѣнію наследственнаго отягощенія, о которыхъ уже священное писаніе утверждаетъ, что онѣ относятся къ злему наслѣдству, которое пе-

решло къ намъ въ наказаніе вмѣстѣ съ грѣхами отцовъ, по меньшей мѣрѣ, какъ 1000 къ 4. Въ заключеніе стали видѣть въ человѣкѣ не что иное, какъ продуктъ его врожденныхъ наклонностей и дѣйствія на него окружающей среды.

Нужно пережить то, какъ освободительно дѣйствуетъ уничтоженіе этого чудовищнаго догмата на людей, въ теченіе многихъ лѣтъ страдавшихъ подъ его рабствомъ. Въ мірѣ нашихъ представленій нѣтъ ни одного положенія, которое имѣло бы столь вредное и столь далеко захватывающее значеніе; нѣтъ ни одной мысли, которая была бы способна сильнѣе и на болѣе продолжительное время парализовать нашу нравственную силу. Врожденныея склонности! — Врожденный характеръ! Неизбѣжная судьба! Всякая попытка воспитанія не имѣетъ смысла. Значитъ, мы не что иное, какъ несвободныя маріонетки! Отвѣтственность, долгъ — бессмыслица. Они не имѣютъ мѣста въ этой системѣ. Наибольшая сила высказывается еще въ томъ, чтобы безъ всякаго стѣсненія осуществлять свое прирожденное безпутство и въ лучшемъ случаѣ видѣть высшее изъ возможныхъ благъ въ томъ, чтобы быть „веселымъ малымъ.“ Стоитъ только подвести подъ эту же формулу столь вѣвшуюся въ наше народное тѣло язву, какъ современный гомосексуализмъ, чтобы заставить раздѣлять мое мнѣніе.

Если бы этотъ матеріалистическій догматъ былъ по крайней мѣрѣ въ спеціальному смыслѣ правиленъ, тогда слѣдовало бы, отдавая дань уваженія истинѣ, постараться примириться съ его послѣдствіями. Но догматъ этотъ и невѣренъ. Безъ сомнѣнія, никакой организмъ не могъ бы дать развиваться въ себѣ тому, что не было бы ему прирождено, какъ возможность или наклонность. Безъ сомнѣнія, мы ежедневно

сознаемъ въ своей жизни вліяніе окружающей среды. Оба эти понятія охватываютъ, однако, собой громадную сумму отдѣльныхъ слагаемыхъ,—и результатомъ избирательныхъ способностей, въ которыхъ выражается наша личная оригинальность, является выборъ изъ многихъ тысячъ находящихся вокругъ насъ возможностей тѣхъ, которымъ мы позволяемъ имѣть на насъ вліяніе.

Такимъ образомъ, мы реагируемъ лишь на ничтожную ихъ часть. Мы можемъ только колебаться вмѣстѣ съ тѣми тонами, на которые настроена наша душа. Все остальное скользитъ безслѣдно мимо насъ. Но настройка принадлежитъ намъ. Внутри насъ самихъ рѣшается вопросъ: какъ и на что мы реагируемъ. Все это, разумеется, въ извѣстныхъ границахъ. Но въ этихъ границахъ, поскольку это зависитъ отъ закономерностей нашего собственнаго существа, мы свободны.

Я, конечно, не предполагаю свободы въ абсолютномъ смыслѣ. Если мы употребляемъ это слово, то мы всегда должны присоединять къ нему объясняющій вопросъ: свободенъ отъ чего? Быть свободнымъ—это значитъ быть независимымъ отъ вещей, внѣ насъ находящихся. То, что, кромѣ того, существуетъ зависимость отъ внутреннихъ свойствъ собственнаго существа, ничего не измѣняетъ въ правомѣрности чувства: въ противоположность внѣшнимъ вещамъ имѣть и нѣкоторое самоопредѣленіе. И это относится ко множеству нашихъ внутреннихъ событий, которыя, несмотря на всѣ ихъ взаимодействія съ окружающимъ міромъ, носятъ на себѣ печать нашего собственнаго существа.

Такой ходъ мыслей долженъ быть противопоставленъ несчастному догмату о неизбѣжной судьбѣ для того, чтобы имѣть возможность раскрыть всю свою

спасительную и освободительную силу. Человѣка, который самъ позволилъ себѣ упасть, надо снова поставить на свои ноги. Онъ долженъ знать, что въ немъ самомъ, его особенныхъ свойствахъ, заключалось то, что ударъ свалилъ его, а не въ ударѣ, потому что онъ могъ научиться перенести ударъ. Онъ долженъ понять, что измѣненіе должно быть произведено не во внѣшнемъ мірѣ, гдѣ его всѣ столь охотно ищутъ,— кто же можетъ удалить съ его дороги всѣ „удары“? Исправленъ долженъ быть онъ самъ. Обстоятельства, обусловливавшія его паденіе, могутъ и должны быть измѣнены. Поэтому онъ долженъ знать, что измѣненіе возможно, что человѣкъ подлежитъ воспитанію, потому что, кромѣ тѣхъ наклонностей, которыя въ немъ до сихъ поръ развивались, существуютъ и другія, и живой организмъ не есть что-нибудь неизмѣнное, окончательно установленное, а, напротивъ, нѣчто развившееся и развивающееся. Но то, что такимъ образомъ сдѣлалось, можетъ каждую минуту сдѣлаться и другимъ, а не застываетъ въ неизмѣнности. Надо открыть только тѣ законы, на основаніи которыхъ совершается такое развитіе, и воспользоваться ими въ своихъ цѣляхъ. На этомъ основывается возможность воспитанія, возможность сознательнаго самопревращенія, самовоспитаніе и возможность на основаніи такого самопознанія личнаго вмѣшательства даже въ ходъ собственнаго развитія. Если мы къ этому прибавимъ еще, что познаніе послѣдствій дѣлаетъ отвѣтственнымъ, то мы благополучно соберемъ снова изъ развалинъ весь арсеналъ нашего нравственнаго оружія и не будемъ больше бояться безутѣшнаго, разслабляющаго безсилія односторонняго матеріализма.

Я очень хорошо сознаю, что, высказывая такіа

положенія, я могу вызвать много противорѣчій, потому что потрясеніе догматовъ не обходится безнаказанно; и то, что одному кажется чистымъ и прозрачнымъ какъ кристалль, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что и другому дѣло будетъ такъ же ясно. Свѣтъ для него преломляется иначе, потому что онъ подходитъ съ другой точки зрѣнія.

Здѣсь, однако, не мѣсто спорить о вѣчной загадкѣ относительно размѣра личной свободы. Я только прошу послѣдовать за мной лишь постольку, поскольку я правильно рассуждаю съ врачебной, т.-е. практической, точки зрѣнія, когда я становлюсь посрединѣ между исключительнымъ отрицаніемъ и признаніемъ полной свободы; то и другое въ своемъ преувеличеніи кажется мнѣ ложнымъ, и въ видахъ выработки сильныхъ стремленій къ цѣли я рѣзко настаиваю на тѣхъ размѣрахъ самоопредѣленія, которыми мы обладаемъ въ границахъ, опредѣлившихся для насъ изъ общей связи всѣхъ явленій.

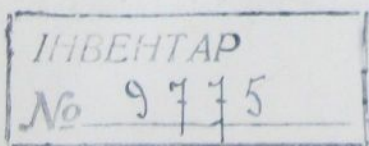
Какъ бы отдѣльная личность ни относилась къ этимъ вопросамъ, основной тонъ всего излагаемаго всегда остается одинъ и тотъ же. Постоянно выходитъ такъ, что на мѣсто неосновательной переоцѣнки значенія внѣшнихъ жизненныхъ условій надо поставить ихъ правильную низкую оцѣнку, и такимъ образомъ уничтожается мнимая отъ нихъ зависимость.

Такъ, напр., нѣкто жалуется на окружающую его среду, въ которой онъ не можетъ быть здоровъ. Онъ долженъ научиться понимать, что прежде всего его настроеніе ищетъ себѣ объектовъ въ окружающемъ мірѣ. Не они сердятъ его, а онъ на нихъ сердится. И объектомъ лѣченія является растерзанность его собственной души, а не окружающая его среда.

Кромѣ того, подобные больные имѣютъ обыкновеніе чувствовать себя обиженными и оскорбленными всѣ-

ми возможными взглядами и дѣйствіями ихъ близкихъ. Въ этомъ случаѣ недостаточно бываетъ уничтожить представленіе о данномъ лицѣ, какъ о виновникѣ произведеннаго страданія. Въ такихъ случаяхъ часто бываетъ слишкомъ много фактическихъ основаній для страданія, хотя, впрочемъ, издѣсь снова виною является ложное мышленіе. Близкіе люди сдѣлали то, что обидѣло больного, но не изъ низкихъ побужденій; часто ими руководили даже очень хорошія побужденія. Или тамъ, гдѣ дѣйствительно имѣлось что-нибудь дурное, можно взглянуть на ихъ дѣйствія съ той точки зрѣнія, что все понять значить все простить. А какъ часто такіе близкіе люди бываютъ гораздо больнѣе и несчастнѣе самого пациента. Здѣсь кстати можно воспользоваться ученіемъ детерминизма, какъ это дѣлаетъ школа Dubois, чтобы выставить глупую обидчивость какъ недомысліе, какъ слѣдствіе ложнаго мышленія и недостаточнаго терпѣнія.

При такихъ условіяхъ развѣ не принадлежитъ воспитаніе дѣйствительно добрыхъ чувствъ къ мѣрамъ лѣченія нервной раздражительности, развѣ не должно оно признаваться вполне подходящимъ средствомъ для избавленія нервной семьи отъ постоянно дурнаго настроенія и лучшимъ средствомъ преодолѣть это настроеніе, „дѣйствуя изнутри“? Мы должны мѣрить двоякаго рода мѣрками: одной неумолимо строгой—самихъ себя, другой съ неизмѣнной добротой—другихъ людей. Такимъ образомъ мы вносимъ въ ученіе Dubois весьма существенную поправку, потому что такъ, какъ понимаютъ детерминизмъ швейцарскіе позитивисты, значить не только понимать все въ процессѣ развитія, но и отказываться отъ произнесе-

нія заслуженнаго осужденія нравственно дурныхъ поступковъ ¹⁾).

Далѣе, одно изъ самыхъ часто встрѣчающихся разстройствъ есть та вытекающая изъ общаго недовольства раздражительность, то наводящее страхъ безпокойство и та безпредметная тоска, отвѣтственными за которыя мы дѣлаемъ все возможное изъ нашей окружающей среды: мѣсто жительства, семью, климатъ, должностныя обязанности и Богъ знаетъ что еще. Больной не долженъ никогда считаться съ такими взглядами. Онъ долженъ знать, что это только собственное его безпокойство, которое проэцируется во внѣшній міръ и оттуда отражается какъ отъ зеркала. Если онъ будетъ мѣнять мѣсто, врача, способъ лѣченія, занятіе или еще что-нибудь, то онъ будетъ переходить отъ одного разочарованія къ другому, а упадокъ духа и уныніе будутъ становиться все глубже. Онъ не можетъ выльзть изъ своей кожи; его безпокойство идетъ всегда вмѣстѣ съ нимъ, и всякая работа мысли по ложнымъ путямъ мышленія будетъ всегда снова питать новыя представленія, мѣшающія выздоровленію.

Это воспитаніе правильной внутренней точки зрѣнія потому такъ трудно, что оно столь прогиворѣчитъ ближайшимъ инстинктамъ слабаго человѣка; но оно все же дѣйствительно, — въ этомъ все дѣло. Представимъ себѣ, напр., такой случай: больной прицѣпляется къ своимъ представленіямъ, относящимся къ чему-нибудь опредѣленному, отъ чего онъ ожидаетъ исцѣленія, напр., къ какому-нибудь совершенно опредѣленному медицинскому предписанію въ родѣ гипноза или тому подобнаго. Физиологическія дѣйствія нашихъ врачебныхъ мѣропріятій мо-

*) Справн. Zbinden. Psychologische Auffassung der Nervosität.

гутъ быть ненарушимо приведены въ исполненіе въ томъ только случаѣ, когда болѣзненно преувеличенныя ожиданія будутъ устранены, и ихъ мѣсто займетъ спокойно взвѣшивающій разумъ, потому что мы знаемъ: теченіе физиологическихъ процессовъ опредѣляется вниманіемъ, здѣсь, слѣдовательно, влияніемъ страха передъ неудачей, такъ какъ творящая чудеса вѣра, не знающая никакихъ сомнѣній, мало свойственна нервнымъ больнымъ, тогда какъ, напротивъ, боязнь неудачи тѣмъ ближе къ нимъ, чѣмъ страстнѣе были желанія и требованія. И опять обобщеніе на всю область міровоззрѣнія напрашивается само собой.

Не безконечно ли много страданій и разочарованій приноситъ такое несчастное „ожиданіе“? Дѣло не только въ томъ, что больные заранее предполагаютъ въ своемъ врачѣ совершенно опредѣленный образъ дѣйствій и способъ выраженія, какой они желали бы для себя, потому что они его считаютъ очень „важнымъ“, и не въ томъ, что они, какъ больные, дѣлаютъ мутнымъ источникъ своего исцѣленія, но и въ качествѣ просто людей они поступаютъ безразсудно. Таковы „непонятые“, которые становятся мученіемъ вѣрнѣйшихъ своихъ друзей потому лишь, что послѣдніе, на примѣръ, возвращаясь изъ другихъ атмосферъ, не принесли съ собой домой какъ разъ того настроенія, которое отъ нихъ желалось и ожидалось.

Благодаря этимъ въ самой основѣ своей эгоцентрическимъ желаніямъ, мы становимся въ зависимость отъ ихъ исполненія, и здѣсь въ девяти десятихъ случаевъ подтверждается старинное правило: „и здѣсь, какъ повсюду, дѣлается иначе, чѣмъ думаютъ“. Такимъ образомъ, оправдывается острова: не задумывай ничего, — тогда не ошибешься.

Ощущеніе несчастья отъ „неудачъ“ этого рода можетъ быть избѣгнуто, такъ какъ оно причинено собственной неправильной точкой зрѣнія Упадокъ духа, возникающій въ насъ вслѣдствіе продолжающихся неудачъ, при спокойномъ хладнокровіи оказывается тоже излишнимъ. Правда, думаютъ, что трудно охранить отъ него такого больного. Это возможно; но тѣмъ важнѣе это сдѣлать. Такимъ образомъ, слѣдуетъ питать свою жизнь представленій воззрѣніями, которыя учатъ проходить мимо вещей, дѣлающихся иначе, чѣмъ о нихъ предполагали и желали, съ усмѣшкой говоря: „бываетъ и такъ“.

Я могъ бы продолжать рядъ примѣровъ до безконечности. Почти каждый случай приноситъ съ собой новыя точки зрѣнія этого рода. Но я хотѣлъ лишь показать, какъ плодотворна можетъ быть для терапевтическихъ цѣлей уже одна, единственная направляющая линія въ области проблемъ міропониманія. И я еще разъ настаиваю на томъ, что не слѣдуетъ удовлетворяться борьбой по этому рецепту съ отдѣльными явленіями. вмѣсто отдѣльныхъ представлений, мы должны имѣть въ виду склонность къ образованію такихъ представлений вообще, и соотвѣтственно этому и терапію въ общемъ ея значеніи понимать такъ, что она должна заботиться объ исправленіи всего міровоззрѣнія и жизнепониманія пациента. Такъ какъ мы желаемъ привлечь къ дѣлу излѣченія человека его нравственныя силы, снабдивъ всѣ силы его организма тѣми могучими импульсами, которые часто бываютъ въ состояніи произвести столь сильное и чудесное дѣйствіе, то мы не должны проходить мимо религіозныхъ воззрѣній, хотя бы здѣсь передъ нами и выступало нѣчто нездоровое. А нездороваго здѣсь много.

Я говорилъ объ ученіи стоиковъ. Оно можетъ

быть искажено, доведенное до безразсудныхъ размѣровъ равнодушія. Я упомянулъ о древнихъ индусахъ и при этомъ подумалъ о многихъ нервнo-больныхъ, которые какъ мотыльки на свѣтъ подлетаютъ ко всему необыкновенному и чаще всего достаются въ добычу самымъ страннымъ сектамъ. Теософическое движеніе, въ формѣ котораго древне-индійскій буддизмъ вербуетъ сердца нашихъ столь склонныхъ къ дѣятельности сѣверянъ, сумѣло, какъ и настоящій буддизмъ, доведенный искаженіемъ до смѣшного, привести къ квіетизму, который далеко оставляетъ за собой даже утрированное ученіе стоиковъ. Присущая большинству сектъ бездѣятельная мечтательность требуетъ съ нашей стороны также исправленія.

Однако, на основаніи выставленныхъ нами точекъ зрѣнія мы должны остерегаться, чтобы не выплеснуть ребенка вмѣстѣ съ корытомъ, и отбросить цѣлое направленіе, когда оно испорчено лишь отдѣльными его представителями. При каждой ошибкѣ можно и должно указывать на великое, прекрасное и здоровое, существующее во всѣхъ направленіяхъ. Силу характера стоика, его душевную неуязвимость и его спокойную доброту мы можемъ также найти и у просвѣщенныхъ мудрецовъ браминскихъ воззрѣній. Тамъ, однако, гдѣ выступаютъ наружу пессимистическія отрицанія жизни буддистовъ, предпочитающихъ вовсе не ощущать страданія и наслажденія, тамъ мы можемъ, какъ противобѣсъ имъ, выставить идеальный образъ челоуѣка, который не только безстрастно, внѣ личныхъ желаній, чувствуетъ красоту добра, но имѣетъ и достаточную силу, чтобы испытать до глубины страданія и радости міра, не подвергаясь опасности потерять въ асть надъ своими ощущеніями и своими дѣйствіями и сужденіями. Это и значить: „не быть затронутымъ стра-

даниємъ и наслажденіемъ“, это и составляетъ благородный смыслъ древней мудрости.

Надо сказать еще нѣсколько словъ о представленіяхъ въ кругу христіанскихъ міровоззрѣній. Всѣ человѣческія слабости, самоосужденіе и узость находятъ здѣсь себѣ мѣсто, какъ и все возвышенное, доброе и благородное. Несмотря на это, здѣсь больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, направленіе, въ которомъ слѣдуетъ воздѣйствовать, опредѣляется характеромъ каждаго отдѣльнаго случая, а не личнымъ вкусомъ врача. Все несамостоятельное должно безпощадно уничтожаться; только воззрѣнія, отличающіяся широкими чертами, имѣютъ цѣнность, и ничто не должно насъ удерживать отъ прохожденія мимо тѣхъ группъ представленій, которыя оказываются вредными.

Такъ, напримѣръ, можетъ оказаться рѣшающимъ для всего содержанія жизни даннаго человѣка то, какъ ему въ молодости наговорили объ идеѣ грѣха и о принципиальной испорченности человѣческой природы. Я имѣлъ дѣло съ больными, которые въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ страдали отъ воображаемой негодности или нечистоты ихъ существа до полного уничтоженія ихъ душевныхъ силъ и которые потомъ метались во всѣ стороны и каждымъ своимъ словомъ и выраженіемъ лица какъ будто просили извинить ихъ въ томъ, что они еще осмѣливаются существовать. Это—кандидаты на самоубійство на основаніи недоразумѣнія въ понятіи о грѣхѣ и ложной отвѣтственности; люди, которые влачатъ свое существованіе подъ игомъ чудовищной идеи о наказаніи за такія дѣйствія, устраненіе которыхъ было внѣ ихъ власти. Нужно самому видѣть то ликованіе, которое прорывается въ душѣ такого человѣка, когда ему можно показать: „это вовсе не было грѣхомъ“,

когда ему оказываютъ довѣріе и уваженіе и такимъ образомъ поддерживаютъ его на первыхъ трудныхъ шагахъ, которые онъ пытается сдѣлать въ жизни и тѣмъ сравняться съ другими сынами человѣческими.

Нервность есть почти всегда слѣдствіе тяжкихъ внутреннихъ конфликтовъ. То, что мы знаемъ о нервныхъ формахъ болѣзней, есть только тѣлесная форма выраженія для этихъ долго остающихся неразрѣшимыми душевныхъ возбужденій и конфликтовъ. Вся внутренняя растерзанность рисуется такимъ образомъ на поверхности въ видѣ гіероглифовъ. Старая борьба, которая постоянно должна возобновляться, потому что въ нашей груди живутъ двѣ души; старая борьба между властными влеченіями нашего существа и преградами, возникающими для нихъ изъ препятствій, воздвигаемыхъ собственной жизнью представленій,—борьба, въ которой наши больные въ мучительномъ безсиліи или грызущемъ сомнѣніи бьются о стѣны, воздвигнутыя общественной нравственностью изъ совѣмъ другихъ побужденій, чѣмъ тѣ, которая вытекаютъ изъ внутренней необходимости отдѣльныхъ личностей,—эта борьба, благодаря несвободному и ошибочному понятію о грѣхѣ въ средѣ узкомыслящаго, лицемѣрнаго общества, должна вести къ нарушеніямъ душевнаго равновѣсія, такъ какъ такіе конфликты не распутываются, а только разбиваются.

Отсюда вытекаетъ для насъ необходимость вмѣсто несвободной, кажущейся морали поставить широко начертанное и высшее пониманіе жизни, при которомъ грѣхомъ должно признаваться только то, что грѣшитъ противъ святаго духа правды и внутренняго убѣжденія.

Что такіе взгляды заключаютъ въ себѣ свою карму¹⁾, и что мы считаемъ возможнымъ спокойно отдѣлить ихъ отъ идеи наказанія и награды, вліять на которыя мы иногда полагаемъ возможнымъ посредствомъ усердной молитвы,—это не вредитъ нашимъ нравственнымъ поступкамъ. О выработкѣ нравственнаго поведенія и идетъ дѣло при лѣченіи нарушеннаго душевнаго равновѣсія.

На слѣдующихъ страницахъ я имѣю въ виду указать на примѣрахъ, какъ я стараюсь эти основныя положенія высказывать въ живомъ разговорѣ, когда волны жизни принесутъ къ моему берегу бѣдника, потерпѣвшаго кораблекрушеніе, чтобы онъ нашель здѣсь успокоеніе и черезъ нѣсколько времени, заново снаряженный и лучше вооруженный, снова началъ бы борьбу съ жизнью. Онъ учится смотрѣть на свою судьбу другими глазами, а это составляетъ дѣйствительную потребность многихъ.

¹⁾ „Карма есть буддійское вѣрованіе, состоящее въ томъ, что не только складъ характера каждаго человѣка, но и вся судьба въ этой жизни есть послѣдствіе его поступковъ въ предшествующей жизни, и что добро или зло нашей будущей жизни точно такъ же будутъ зависѣть отъ тѣхъ нашихъ усилій избѣжанія зла и совершенія добра, которыя мы сдѣлали въ этой“. Л. Н. Толстой. (Прим. редакціи).

I. Нервность, рассматриваемая как душевный конфликт и роль логики.

„Докторъ, скажите же мнѣ прежде всего, что въ самомъ дѣлѣ называется неврастеніеѣй? Разъ ужъ я чѣмъ-нибудь боленъ, то я желаю, по крайней мѣрѣ, точно знать, что это такое“.

Это можетъ быть описано въ немногихъ словахъ, однако, оно обнимаетъ собою всю вашу душевную жизнь, что вы и должны провѣрить во всѣхъ частностяхъ согласно моимъ объясненіямъ. Это объясненіе внесетъ для васъ ясность во многія откошенія, которыя очень настойчиво требуютъ такого объясненія, если вы не хотите страдать отъ нихъ.

Нервность есть именно нарушеніе душевнаго равновѣсія, которое является тогда, когда жизнь чувствъ черезчуръ усилена, а переработка впечатлѣній разумомъ, напротивъ, отстываетъ на задній планъ.

Не то, чтобы неврастеникъ всегда былъ нелогичнымъ человѣкомъ—далеко не такъ. Но какая мнѣ польза отъ плаща, когда онъ свернуть,—что стоитъ логика, если ею не пользуются! Въ этомъ все дѣло.

Впечатлѣнія у нервно-больныхъ перерабатываются слишкомъ исключительно подъ вліяніемъ чувствъ; соотвѣтственно этому у нихъ образуются и воззрѣнія, и это совершается раньше, чѣмъ вообще логика успѣваетъ выразить свое сужденіе по этому поводу, вы-

сказать критическій взглядъ на впечатлѣніе и принять участіе въ переработкѣ его въ сужденіе.

Вы, конечно, припоминаете образъ, употребленный мною для объясненія этихъ отношеній¹⁾. Я сравнилъ дѣятельность нашего головного мозга съ работою въ министерствѣ, которое въ своей организаціи раздѣлено на два большихъ отдѣла: отдѣлъ *G*—для дѣлъ чувства и отдѣлъ *L*—для логики.

Начальникъ отдѣла *G* въ вашемъ министерствѣ—вѣсколько раздражительный господинъ, не обладающій спокойной увѣренностью, которая была бы желательна въ его положеніи; изъ-за такого расположенія духа всѣ его мѣропріятія, результаты его дѣятельности, производятъ впечатлѣніе раздражительной слабости, что выражается греческимъ словомъ „неврастенія“.

Такимъ образомъ, мы просто имѣемъ дѣло съ повышенной раздражительностью чувствительныхъ центровъ нервныхъ больныхъ, съ болѣе живою ихъ способностью къ воспріятію впечатлѣній въ этомъ отношеніи, и изъ этого развивается тотъ тонкій родъ ощущений, благодаря которому нервный больной приходитъ въ конфликтъ съ суровостью и грубостью окружающаго.

Если бы это было не такъ, и если бы неврастенникъ вслѣдствіе своей усиленной впечатлительности не дѣлался всегда такъ легко игрушкою внѣшнихъ впечатлѣній, то его высшую и болѣе тонкую организацію никакъ нельзя было бы назвать слабостью. Напротивъ, нервный человекъ представляетъ во многихъ отношеніяхъ типъ, значительно лучше организованный и болѣе способный къ дѣятельности, чѣмъ грубый холодный типъ со своей гораздо менѣ богатой внутрен-

¹⁾ Срав. „Im Kampf и т. д.“, стр. 88.

ней жизнью. Но—и здѣсь-то находится камень преткновения—чтобы использовать эту нервную организацию и, несмотря на то, имѣть возможность остаться здоровымъ и счастливымъ, нужно, чтобы къ такому чрезвычайному изобилію чувствованій оставалась примѣшана хорошая доза логики и не такъ, чтобы она прилаживалась всегда потомъ, когда уже слишкомъ поздно и, когда, благодаря чисто чувственной переработкѣ внѣшнихъ или внутреннихъ возбужденій, создались уже представленія и сужденія, которыя потомъ будетъ трудно исправить: *semper aliquid haeret.*

* *
*

Такимъ образомъ, представленія и сужденія нервно-больныхъ часто бываютъ неправильны и безразсудны; они основываются на недостаточной переработкѣ пережитаго въ нашихъ душевныхъ центрахъ. И тѣ, кто смотритъ на нервность, какъ на душевную болѣзнь въ миниатюрѣ, далеко не совсѣмъ неправы въ этомъ мнѣніи, такъ какъ наша точка зрѣнія на міръ вслѣдствіе этого негармоническаго образования представленій сдвигается съ мѣста, становится „съ ума спешшей“. Мы видимъ вещи подъ косымъ угломъ зрѣнія; поэтому онѣ и являются намъ другими, чѣмъ онѣ есть.

Прошу васъ не принимать этого утвержденія слишкомъ трагически. Съ такимъ діагнозомъ вы находитесь въ очень приличномъ обществѣ. Какой-нибудь недочетъ имѣется болѣе или менѣе у всѣхъ насъ. Даже всѣ наши сужденія въ концѣ концовъ ошибочны, потому что всѣ они чисто-субъективны и никакъ не могутъ сдѣлаться объективными, потому что ощущающіе органы нашей души слишкомъ несовершенны и прежде всего недостаточны для того, чтобы это могло быть иначе. Имѣемъ ли мы ощущенія для магнетическихъ

токовъ? — Нѣтъ. Для электрическихъ напряженій? — Можетъ быть, самыя смутныя, но настоящихъ ощущеній вовсе нѣтъ. Но сколько еще между небомъ и землей есть такого, о чемъ мы не имѣемъ никакого представленія, потому что совсѣмъ не имѣемъ для этого нужныхъ органовъ чувствъ и не въ состояніи еще замѣнить недостающій органъ искусственнымъ, какъ это, напр., удалось намъ сдѣлать для магнетизма посредствомъ качающейся стальной иглы. Вспомнимъ затѣмъ о невидимыхъ, но столь сильныхъ лучахъ, съ которыми мы ознакомились благодаря открытіямъ послѣдняго десятилѣтія. Я напоминаю о Рентгеновскихъ лучахъ и радіоактивности.

Итакъ, наше сужденіе основывается на нашихъ ощущеніяхъ, и тамъ, гдѣ при образованіи сужденій мы забываемъ подвергнуть это основаніе логической критикѣ, тамъ наше чувство принимаетъ все за чистую монету и вѣритъ на-слово своимъ ощущающимъ органамъ, вѣритъ и тому, что они говорятъ объ ощущеніяхъ какъ въ тѣлесной, такъ и въ душевной области.

Эта легковѣрность присуща всѣмъ людямъ, только она тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе нервность, и въ такомъ случаѣ она выбиваетъ нашу душевную жизнь изъ равновѣсія, несмотря на то, что рядомъ въ нашемъ распоряженіи имѣлась хорошо заученная логика, которая легко могла бы предотвратить застываніе на лишенной критики точкѣ зрѣнія дѣтскаго мозга. Эта форма образованія сужденій именно больше всего свойственна ребенку, не имѣющему еще возможности судить критически, и меньше всего взрослому мужчинѣ, который обыкновенно обладаетъ болѣе совершенной логикой, тогда какъ женскій полъ при сужденіяхъ легче поддается вышеуказаннымъ ошибкамъ. Ихъ способъ сужденія Мёбіусъ считалъ даже возможнымъ назвать въ своей извѣстной бро-

шюрѣ „физиологическимъ слабоуміемъ женщины“, причѣмъ онъ, однако, позабылъ указать на то, что въ распоряженіи женщины имѣются зато интуитивныя силы, которыя часто значительно превосходятъ по качеству мужскія силы сужденія, связанныя съ логическимъ мышленіемъ.

Какъ и вездѣ въ природѣ, такъ и здѣсь нѣтъ рѣзкихъ границъ между нормальнымъ и болѣзненнымъ. Нервность начинается въ здоровомъ состояніи и простирается другимъ концомъ до настоящихъ душевныхъ заболѣваній. Полной гармоніи въ идеальномъ смыслѣ вообще не существуетъ для нашего мозга, и наши различія характеровъ и личныя особенности имѣютъ въ концѣ концовъ свое основаніе въ этихъ же дисгармоническихъ привычкахъ переработки впечатлѣній, которыя мы называемъ нервностью, когда онѣ переходятъ за извѣстные предѣлы.

Склонность къ такимъ выступленіямъ за предѣлы — повышенная возбудимость — позволяетъ намъ, такимъ образомъ, прежде всего достигать болѣе богатаго и счастливаго содержанія жизни, чѣмъ какого мы могли бы достичь безъ этой мнимой слабости. Однако, такая склонность во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ и опасность, — опасность преувеличенія, которая ведетъ къ нарушенію душевнаго равновѣсія; послѣднее, однако, излѣчимо, а нервное предрасположеніе нѣтъ, я почти сказалъ: „Слава Богу, нѣтъ“!

Вы видите, дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы привлечь къ работѣ логику и правильно ее использовать. Критика разума должна тоже научиться работать, и мы должны приучаться къ ежедневной тяжелой мелочной работѣ, чтобы разумъ тоже говорилъ свое слово. вмѣстѣ съ тяжестью его рѣшеній онъ долженъ дать противовѣсъ противъ слишкомъ поспѣшно выбро-

шенныхъ на чашку вѣсовъ выраженій чувства. Если вы этого достигнете, то вы научитесь смотрѣть на мѣръ другими глазами, и тогда онъ уже не будетъ для васъ источникомъ страданія, не будетъ васъ обижать и оскорблять.

Эта мудрость не нова. Уже древніе стойки учили, что требуется только измѣнить свой *взглядъ* на вещи, чтобы быть отъ нихъ въ совершенной безопасности. И они были правы. Не *вещи* причиняютъ намъ страданіе, а наши мнѣнія о вещахъ, наши *представленія* о нихъ.

Я сказалъ вамъ, что нервно-больной въ силу своей болѣе тонкой жизни чувства постоянно приходитъ въ столкновеніе съ грубой дѣйствительностью. Это есть именно то, что заставляетъ насъ страдать. Мѣръ оказывается не такимъ, какимъ бы мы его желали видѣть, совсѣмъ не такимъ, какимъ бы онъ могъ удовлетворять наше чувство. Мы жаждемъ сказокъ и горько жалуемся на нашъ терновый путь, подобно заблудившимся дѣтямъ. Поэтому мы и нуждаемся въ міровоззрѣніи, которое избавило бы насъ отъ этого внутренняго противорѣчія, если только мы должны найти покой и счастье въ этомъ мѣрѣ безчувственныхъ фактовъ.

Но какъ могло бы насъ избавить отъ этихъ конфликтовъ такое міровоззрѣніе, которое не исходило бы изъ того положенія, что оно прежде всего должно измѣнить и правильно установить наше мнѣніе о вещахъ. Сами вещи остаются какъ онѣ были; но въ другомъ освѣщеніи онѣ пріобрѣтаютъ не только другой видъ, но и другое значеніе. Это и есть то, къ чему мы стремимся.

Поэтому мы должны снова и снова приподнимать покрывало, скрывающее отъ нашихъ близорукихъ

глазъ святыню Саисса¹⁾.— Оно должно спадать постепенно, по частямъ; и мы до тѣхъ поръ не успокоимся, пока не узнаемъ, какой смыслъ имѣетъ этотъ до сихъ поръ непонятный міръ объектовъ, который насъ печалитъ и оскорбляетъ своей безчувственностью.

Избавленіе можетъ къ намъ притти только черезъ такое міросозерцаніе, которое позволитъ намъ заключить миръ со всѣмъ окружающимъ. Никакимъ другимъ путемъ нельзя найти разрѣшеніе этого конфликта, въ который насъ вводитъ нашъ способъ ощущенія, потому что „страны праведныхъ“²⁾, которую искалъ бѣдный сибирякъ, не существуетъ, и намъ она вовсе и не нужна.

Не въ окружающемъ насъ мірѣ лежитъ причина нашей нервности и нашихъ страданій, а въ насъ, въ негармонической работѣ нашихъ образующихъ представленія центровъ. Здѣсь, а не тамъ должно найтись и исцѣляющее измѣненіе!

Вотъ почему я посвящаю себя психотерапіи, потому что никакимъ другимъ способомъ лѣченія я не могу такъ непосредственно напасть на очагъ болѣзни и пресѣчь зло въ корнѣ. Правда, неврастенія имѣетъ также и тѣлесныя основанія, которыя я обстоятельно изложилъ уже раньше, указавши и на требующіяся обстоятельствами средства физическаго и діететическаго характера, такъ какъ весь образъ жизни имѣетъ большое вліяніе на сохраненіе свѣжести и дѣеспособности нашихъ нервовъ. Но для больныхъ еще

1) Святыня Саисса—богиня Нейтъ. Плутархъ и Платонъ передаютъ слѣдующимъ образомъ саисскій догматъ: „Я—все бывшее, настоящее и грядущее; моего покрывала никто не открывалъ; плодъ, рожденный мною—солнце“. (Прим. редакціи).

2) Макс. Горькій. „На днѣ“.

важнѣе образа жизни ихъ пониманіе жизни. Изъ него вытекаетъ основное настроеніе, которое имѣетъ очень большое значеніе и для страданія и для исцѣленія.

Иной нервный больной папоминаетъ мнѣ маленькую недрессированную собачку, которую надо держать на привязи, и которая въ безумномъ раздраженіи рвется, чтобы освободиться отъ наложенныхъ на нее цѣпей. Она рветъ и мечетъ, падаетъ на землю, валяется; надѣтыя на нее повязки давятъ ей шею и угрожаютъ ее задушить. Господи! бѣдный звѣрекъ долженъ только спокойно итти своимъ опредѣленнымъ путемъ, и онъ почти и не чувствовалъ бы цѣпей, наложенныхъ на него судьбой, чтобы вести его на помочахъ.

Такъ создаемъ мы себѣ страданія собственнымъ поведеніемъ. Судьба ведетъ насъ всѣхъ, одинаково надувая, и какъ будто находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы насъ дразнить, точно міромъ вещей распоряжаются коварные чертенята. Если мы обращаемъ на нихъ вниманіе и сердимся на нихъ, то мы можемъ быть увѣрены, что они еще бѣшенѣе начнутъ свою игру. Только когда мы, — также и въ душѣ, — отказываемся отъ всякой защиты и, можетъ быть, даемъ знать насмѣшливой шуткой, что мы стоимъ выше нашей внѣшней участи, только тогда скрываются докучливые духи; дразнить людей, которые не сердятся, не стоитъ. — Задача судьбы оказывается выполненной, и та нравственная ступень, къ которой мы стремились, достигнута.

Вы должны когда-нибудь сами испытать, что значить, когда страданіе сопровождается безнадежностью и дикимъ отчаяніемъ, или когда спокойное самоуваженіе или вѣрующая покорность дѣлаютъ его

почти совсѣмъ нечувствительнымъ, тогда вы повѣрите мнѣ, что то, что я вамъ говорилъ о міровоззрѣніи, какъ цѣлительномъ средствѣ, имѣеть чисто практическое основаніе.

II. Полезныя примѣненія. Объ ошибочномъ пониманіи и состояніи обиженности.

„Знаете что, докторъ: съ логикой часто бываетъ, что она вовсе не помогаетъ. Что вы, напр., скажете о слѣдующей исторіи: сестра моя недавно написала мнѣ нѣчто совершенно безобидное, а я по этому поводу страшно взволновался. Я все потомъ объяснилъ себѣ по вашему „логическому“ рецепту, и пришелъ къ заключенію, что я совершенно безосновательно сдѣлался жертвой громаднаго недоразумѣнія; но ощущеніе горечи не уменьшается“.

— Ну, такъ вы имѣете какъ разъ практическое доказательство справедливости моихъ словъ, когда я называлъ вашу нервность поспѣшностью чувства. Вы создаете себѣ ложныя сужденія, которыя заставляютъ васъ страдать, и—что здѣсь хуже всего—другіе должны страдать при этомъ. Въ этомъ случаѣ послѣдующее разсмотрѣніе дѣла немного помогаетъ. Но это имѣетъ значеніе только для даннаго случая, когда уже ничего не поправишь, а не для будущаго времени, для котораго мы можемъ извлечь отсюда важныя поученія.

Подойдемъ ближе къ вопросу. Ваше раздраженіе было такъ глубоко, что въ основаніи его должно лежать еще что-нибудь другое.

„Да, похоже на это. Моя сестра поддразнила меня, и именно такимъ образомъ, что это вызвало воспоминаніе о старыхъ дѣлахъ, о которыхъ она, мо-

жетъ-быть, ничего и не знаеть. Въ моей молодости она относилась ко мнѣ съ такимъ пренебреженіемъ, которое меня обижало сильнѣйшимъ образомъ, и ея теперешнее подтруниваніе напомнило мнѣ объ этомъ“.

— И старое раздраженіе выросло; и вы приняли безобидныя слова за зло, и ваше раздраженіе ими было совершенно неосновательно. Видите: здѣсь возникъ цѣлый рядъ представленій, которыя существовали у васъ безъ завершенія, подобно душевнымъ постороннимъ тѣламъ, или, правильнѣе, оставались какъ безсознательное теченіе подъ поверхностью. Ваше безразсудное поведеніе въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ, такимъ образомъ, мститъ вамъ за себя. Зачѣмъ вы не сказали тогда же своей сестрѣ, что вы были обижены? Увѣрены ли вы, что столь тяжело ощущаемое вами пренебреженіе вообще существовало? Вѣроятно, и оно составляетъ только продуктъ вашего личнаго чувства, а никогда не входило какъ составная часть въ жизнь представленій вашей сестры.

Вашей обязанностью было сказать ей, что она причиняла вамъ страданіе. Этого требовало искреннее отношеніе между вами. Теперь же вы создали длящееся раздраженіе, душевное напряженіе, которое, конечно, вы не можете устранить посредствомъ логики. Вы, конечно, смягчили ваше раздраженіе яснымъ разсмотрѣніемъ недоразумѣнія и убѣжденіемъ въ отсутствіи намѣренности, но вы можете освободиться отъ него, только откровенно высказавшись; только тогда, когда къ критицѣ разума присоединится соответствующее движеніе чувства. Здѣсь должно быть сопутствующее чувствомъ дѣйствіе, — впрочемъ, всякое дѣйствіе сочетается съ чувствомъ. „Отъ страстей исцѣляются не разсудкомъ, а другими страстями“ (Бёрне).

Правильный путь къ освобожденію отъ всѣхъ та-

кихъ мучительныхъ нагроможденій незаконченныхъ раздраженій состоитъ, такимъ образомъ, не только въ логическомъ ихъ расчлененіи, но и въ слѣдующемъ за нимъ поступкѣ. Это должно быть правиломъ вашего поведенія, когда вы находитесь передъ ложно сложившимся личнымъ сужденіемъ.

Но еще важнѣе было бы предотвратить такое сужденіе посредствомъ внутренней точки зрѣнія, которую я могъ бы выразить въ такихъ словахъ: кого я люблю, тотъ никакъ не можетъ меня обидѣть!

„Какъ, докторъ, кого я люблю?—Отъ мнѣнія и образа мыслей того, кто мнѣ безразличенъ, я могу холодно, съ усмѣшкой перейти къ порядку дня. Но чѣмъ ближе кто-нибудь моему сердцу, тѣмъ чувствительнѣй огорчитъ меня его поведеніе“.

— Нѣтъ, но только тѣмъ требовательнѣе будете вы къ нему относиться. Тѣмъ болѣе вы будете склонны требовать отъ него совершенно опредѣленнаго образа дѣйствій или даже молчаливо предполагать его заранѣе. И вы будете разстроены, если онъ самъ собою не будетъ вполне точно соответствовать вашимъ желаніямъ, чего, разумѣется, большею частью не бываетъ. Неспособный къ предугадыванію, онъ ежедневно и ежечасно огорчаетъ васъ своимъ „недостаткомъ пониманія“. И при этомъ вы одни являетесь источникомъ своего страданія, а никто другой.

„Хорошо, если меня оскорбляютъ по недогадливости,—тогда вы, можетъ быть, и правы; однако, я полагаю, что ударъ, нанесенный мнѣ по недосмотру, причиняетъ ровно столько же боли, какъ и нанесенный съ намѣреніемъ. Однако, если бы моя сестра огорчила меня намѣренно,—я только теоретически предполагаю такой случай,—даже и тогда ощущеніе

обида, по вашему мнѣнію, не имѣло бы никакого основанія“?

— Если она поступила такъ безъ намѣренія, по недосмотру, то она сама будетъ чувствовать недовольство, когда замѣтитъ, что она сдѣлала, и тогда я желалъ бы, чтобы вы не повели бровью и не показывали боли, потому что иначе ея боль усилится. Я также вовсе не требовалъ, чтобы вы не чувствовали никакой боли, а только, чтобы вы не чувствовали „личной обиды“; это я назвалъ бы отсутствіемъ любви и доброты — даже въ случаѣ намѣреннаго оскорбленія.

Я бы желалъ, чтобы вы такъ высоко стояли надъ вещами, чтобы такіе случаи не могли бы лично васъ затрогивать и не касались бы васъ. Надъ вещами и событіями, а не надъ людьми, иначе вамъ слѣдуетъ только прощать и извинять, когда вы будете оскорблены. Я думаю, что любовь не требуетъ основаній для прощенія; для нея не нужно никакихъ предпосылокъ.

Любовь сохраняетъ неизмѣнное спокойствіе и, какъ любовь, не можетъ быть поколеблена вещами. Она знаетъ, что то, что случилось, не соотвѣтствуетъ настоящему внутреннему существу того, кого любятъ. Ея увѣренность въ этомъ столь неизмѣнна, что даже въ случаѣ обиды она остается безличной и непоколебленной. Обиженнымъ можно быть только въ другомъ, а не лично относительно себя самого. И даже если другой человекъ утверждаетъ, что онъ хочетъ сдѣлать вамъ вредъ, то мы должны улыбаться и говорить: я это лучше знаю, потому что я тебя люблю.

Мы не должны возлагать даже стыда прощенія на того, кто насъ обидѣлъ, но изъ нашей любви и доброты долженъ истечь тотъ источникъ, который семь

разъ семьдесятъ смоетъ и изгладитъ обиду, — источникъ неисчерпаемаго богатства любви.

Мы не должны становиться выше того, кто причинилъ намъ непріятность, не должны стоять и рядомъ съ нимъ, чтобы подать ему руку; мы должны стоять ниже его, чтобы поддержать его силой нашей любви, такъ какъ онъ причинилъ больше вреда и боли самому себѣ, когда хотѣлъ насъ обидѣть. Поэтому мы должны чувствовать боль за него, а также сердиться, по-моему, но не вслѣдствіе личной обиды, зовущей къ мщенію, а изъ внутренней необходимости къ благоразумному оказанію помощи.

Если вы научитесь такъ думать, то вмѣсто множества созданныхъ вами самими недоразумѣній, отъ которыхъ страдаете и вы и другіе люди, вы увидите много чистой радости, возникающей изъ вашей способности къ любви, и перестанете жаловаться на всевозможныя „неудовлетворяющія“ васъ отношенія и чувствовать себя непонятымъ страдальцемъ.

„Стало-быть, не слѣдуетъ ничего ожидать и требовать отъ своихъ ближнихъ“.

Желать и просить — да! но требовать, предъявлять претензіи или ожидать — ни въ какомъ случаѣ!

Припомните, что я говорилъ отцу *) объ его удивительномъ способѣ предъявлять претензіи на утерянное довѣріе своего сына, какъ на простую сыновнюю обязанность, и какъ я ему указывалъ, что онъ долженъ требовать довѣрія своего сына только отъ себя самого. Кто чего-нибудь добивается, то пусть это будетъ такъ, какъ будто онъ получаетъ подарокъ отъ себя самого.

*) Срав. „Im Kampf... и проч.“, стр. 81. „Объ обращеніи съ нервными больными“.

Вашей любовью вы должны заставить своих ближних быть такими, какими вы хотѣли бы, чтобы они были, потому что сердечная доброта есть величайшая власть на землѣ. Это есть то, что освобождаетъ васъ отъ страданія черезъ вашихъ ближнихъ. Ожидать отъ этого успѣха? Это не отвѣчаетъ смыслу моихъ словъ. Вообще, вы ничего не должны ожидать отъ вашихъ ближнихъ, потому что вы получите неутѣшительныя ощущенія. Но вы должны радоваться отъ всего сердца всякому подарку любви, который вамъ даритъ судьба; только не слѣдуетъ требовать того, что имѣетъ цѣнность только какъ свободный даръ!

III. О ложномъ вниманіи къ болѣзненнымъ состояніямъ.

„Если я, докторъ, вѣрно васъ понялъ, то вы не придаете собственно лѣченію моихъ недуговъ никакого значенія?“

И да и нѣтъ. Собственно лѣченію самихъ недуговъ, конечно, нѣтъ, потому что этимъ я бы оказалъ вамъ плохую услугу. Но лѣченію того очага, откуда берутъ начало ваши недуги, я во всякомъ случаѣ придаю значеніе.

Дѣло въ слѣдующемъ. Я уже говорилъ вамъ, что вы должны признавать за сущность нервности неправильную переработку въ головномъ мозгу впечатлѣній; поэтому тамъ же, — въ жизни представленій — слѣдуетъ искать и начальный пунктъ лѣченія, который соотвѣтственно этому долженъ состоять въ сознательной и цѣлесообразной переработкѣ этого неправильнаго содержанія представленій.

Назовите это, пожалуй, внушеніемъ или душевнымъ вліяніемъ, — важна только самая сущность.

Техника же лѣченія можетъ быть, конечно, очень разнообразна. Возьмемъ для примѣра ваши желудочныя расстройства. Что они имѣютъ нервный характеръ, на это указываетъ уже ихъ капризность. Вчера вы переварили въ пріятномъ обществѣ цѣлую гору майонеза изъ омаровъ безъ всякаго вреда, а сегодня васъ убилъ дѣтскій супъ.

Я, конечно, могъ бы съ важной миной назначить вамъ до мелочей измышленный діететическій режимъ,

исчисленный по калоріямъ и развѣшенный по порціямъ. Посредствомъ столоваго термометра, по приложенной таблицѣ вы могли бы точно опредѣлять температуру суповъ и овощей и т. д. Вы могли бы восхищаться заботливостью вашего врача и съ горячею ревностью слѣдовать его совѣтамъ, которые сильно бы импонировали вамъ множествомъ „продуманныхъ частности“.

При постепенномъ измѣненіи этихъ предписаній я могъ бы вести васъ туда, куда бы я хотѣлъ. Такимъ образомъ, вы бы научились опять наслаждаться всѣмъ тѣмъ, что привычно для всѣхъ смертныхъ, и вы бы цѣнили меня, какъ вашего спасителя.

Но чего бы я достигъ кромѣ этого?—Вы бы на всю жизнь не освободились отъ представленія, что соблюденіе совершенно опредѣленныхъ предписаній и запрещеній относительно діеты имѣеть для васъ чрезвычайную важность. А именно отъ этой жалкой зависимости я и желаю васъ охранить, тѣмъ болѣе, что она не обусловлена фактическими основаніями, а зависитъ только отъ вашего представленія. Вы бы достигли своей цѣли освободиться отъ желудочнаго страданія лишь кажущимся образомъ.

Нѣтъ, мнѣ кажется будетъ и достойнѣе и болѣе соответствовать степени вашего образованія, если мы непосредственно подойдемъ къ мѣсту страданія и примемъ за самое содержаніе ложно образовавшагося представленія. Мы хотимъ разрушить неправильную ассоціацію, соединяющую извѣстныя представленія, тѣ самовнушенія, на которыхъ основывается ваша воображаемая зависимость отъ опредѣленной діеты.

Вы ассоціируете, исключительно на основаніи чувства удовольствія отъ вкушенія той или другой пищи съ какимъ-нибудь непріятнымъ органическимъ ощущенемъ, которое имѣеть мѣсто въ то же время, но

происходить, можетъ-быть, совсѣмъ отъ другихъ причинъ, входитъ, однако, въ сознание вашей изнѣженной душевной жизни. Отчего это произошло? Кто можетъ это всякій разъ установить! Довольно того, что такъ есть, и вы ищете виноватаго. „Ага“,—говорите вы,—„вѣроятно это телятина“! И эта произвольно принятая „вѣроятность“ становится для васъ непоколебимой достовѣрностью. Можно предполагать, что если это кушанье вообще повредило, то только своимъ количествомъ, но съ этихъ поръ оно помѣщено на черную доску.

То же произошло и съ рисовымъ пудингомъ, то же и съ черникой, и такимъ образомъ подверглись бойкоту и другія кушанья. Вы научились добросовѣстно и заботливо наблюдать,—правильный переводъ этого будетъ значить: болѣзненно обращать вниманіе,—и вы сдѣлали очень интересныя наблюденія въ родѣ того, что отъ теплой черники крѣпитъ, а отъ холодной слабить и т. п. Вы еще не изъ самыхъ худшихъ. Я знаю людей, которые такимъ способомъ ограничили свою пищу до степени голодной діеты, результатомъ которой было тяжелое истощеніе.

Надо ли смотрѣть на такого больного какъ на безразсуднаго ребенка и смѣяться надъ нимъ, относясь къ его суевѣрью, повидимому, снисходительно? Конечно, обязанность врача состоитъ въ томъ, чтобы заботливо установить относительно разстроенаго пищеваренія, что въ немъ не относится къ области нервности. Но все остальное — это не диспепсія, а самовнушеніе и должно лѣчиться какъ таковое, чтобы для больного стало ясно неправильное сочетаніе представленій и образованіе на этомъ основаніи ложныхъ сужденій. Онъ долженъ научиться не довѣрять слѣпо своему чувству, безъ обращенія къ

критикъ разума, обоснованной опытами тысячекратнаго сравненія ощущеній.

И еще надо сказать, я счелъ бы за неприличное сомнѣнiе въ вашемъ здоровомъ разсудкѣ, если бы я не обратился непосредственно къ нему. Стрѣлка наверху неправильно поставлена, но сдѣлайте нажимъ со стороны разсудка, — и вредъ предотвращенъ.

Тотъ видъ лѣченія, который былъ мною отвергнутъ, далеко не безполезенъ. Я даже признаюсь вамъ откровенно, что я принужденъ часто употреблять его, потому что многіе больные такъ удручены своимъ положеніемъ, что недоступны сразу для спокойныхъ представленій. Однако, съ такими „скрытыми внушеніями“ можно попасть въ неприятное положеніе; поэтому прямой путь для меня принципиально пріятнѣе.

Такъ, мы имѣли одну больную сердцемъ, которая вслѣдствіе долгаго лежанія сдѣлалась нервной. Чтобы противодѣйствовать ея боязни и ея невѣрiю въ давно возвратившуюся силу сердца, мы прописали ей согласно предыдущему рецепту гимнастическія упражненія и прогулки, исполнявшіяся при ежедневномъ увеличеніи требованій. И вотъ, на второй недѣлѣ съ больной сдѣлался припадокъ одышки, и хотя онъ и не зависѣлъ отъ слабости сердца, однако, больная тотчасъ же пришла къ непоколебимой увѣренности, что, назначивши сказанное предписаніе, мы глубоко ошиблись относительно состоянія ея сердечной силы. Случайно происшедшее обстоятельство давало ей, по видимому, право это предполагать; и по цѣлымъ недѣлямъ бѣдная больная оплакивала нашу „ошибку“ въ лѣченіи съ совершенно неосновательными страхами и заботами.

Не было ли бы благоразумнѣе, если бы ей съ самаго начала было дано дѣловое объясненіе, и гимнастическія упражненія были предписаны въ такой формѣ,

которая исключала бы возможность подобнаго недоразумѣнія при могущихъ быть случайностяхъ, благодаря необходимой долѣ „критики“?

Я вовсе не сомнѣваюсь въ пользѣ гимнастическихъ упражненій послѣ состоянія слабости,—напротивъ. Только форма и смыслъ предписанія должны соотвѣтствовать вышесказанной психологической точкѣ зрѣнія. Больного не оставляютъ лежать безъ всякаго лѣченія. Но ввести въ его сознаніе, что съ нимъ дѣлается все возможное, можно и совсѣмъ другимъ способомъ, чѣмъ такой кружной дорогой, съ помощью недостойныхъ дурачествъ.

Мы, врачи, въ этомъ отношеніи дѣлали раньше много ошибокъ. Мы всегда хотѣли лѣчить отдѣльныя явленія и болѣзни вмѣсто того, чтобы смотрѣть на человѣка, какъ на цѣлое. Если намъ удастся оказать пользу цѣлому, то всѣ нервныя припадки, которые существуютъ у больного, отпадутъ отъ него, какъ засохшіе листья осенью. Вы, однако, хотите всегда дѣлать на выворотъ. Вы хотите начать съ исцѣленія, прежде удалить отдѣльныя явленія, а потомъ сдѣлаться здоровымъ. Такъ, однако, ничего не выходитъ, и ложно поставленныя требованія трудно удовлетворить согласно желанію.

Если мы хотимъ подвергнуть энергичному мѣстному лѣченію отдѣльныя нервныя явленія, то этимъ мы прямо подтверждаемъ ихъ мнимое значеніе вмѣсто того, чтобы подводить ихъ подъ должную мѣрку. Я только еще больше обратилъ бы ваше вниманіе на существующее разстройство и укрѣпилъ бы его неправильное соединеніе съ остальными представленіями. Поэтому страданіе не можетъ быть излѣчено и должно постоянно становиться тѣмъ упорнѣе, чѣмъ больше мы дѣйствуемъ противъ него. Это мы должны были

наблюдать въ тысячахъ случаевъ, прежде чѣмъ стать благоразумнѣе.

Мѣстныя нарушенія оставляются въ покоѣ, говоримъ мы теперь. Ихъ лѣчатъ, не придавая имъ значенія, какъ они того и заслуживаютъ, и этимъ даютъ органамъ, нервнымъ путямъ и центральнымъ ассоціаціоннымъ аппаратамъ спокойствіе и время для того, чтобы они могли, наконецъ, выйти изъ ихъ раздраженнаго состоянія. Остальное уладится само собой.

IV. О ложной цѣли и о ложной волѣ.

„Докторъ, то, что вы называете правильно низкой оцѣнкой вещей и отношеній, если быть послѣдовательнымъ, должно примѣняться и къ моей болѣзни. Такъ для чего же я вообще нахожусь здѣсь? Я въ концѣ концовъ пришелъ для того, чтобы избавиться отъ своихъ страданій, которыя, къ сожалѣнію, далеко не ничтожны“.

Опять та же старая пѣсня, то же заблужденіе. Этимъ усиліемъ, этимъ страстнымъ стремленіемъ къ исцѣленію вы только поддерживаете ваше страданіе. Вы, очевидно, невѣрно понимаете его природу. Всякая нервность вызываетъ нездоровья, нецѣлесообразныя возбужденія и напряженія; да, ея внѣшнія проявленія имѣютъ въ себѣ что-то *судорожное*, пока дѣло не дошло до потери силъ и изнеможенія. Чѣмъ больше вы боретесь съ этимъ состояніемъ, чѣмъ сильнѣе вы желаете его измѣнить, тѣмъ ощутительнѣе оно дѣлается для васъ, вслѣдствіе чего судорожное напряженіе сохраняется или даже усиливается. Такимъ образомъ, страстное желаніе становится препятствіемъ для выздоровленія, *такъ какъ оно направлено по ложному пути.*

Позвольте мнѣ выяснить это подробнѣе; это достаточно важно, даже въ томъ случаѣ, если вамъ будетъ трудно слѣдить за мной, такъ какъ ваше вниманіе не вполне сосредоточено на этомъ предметѣ. Оно все еще занято вашимъ желаніемъ и не можетъ справиться

съ противорѣчіемъ, что стремленіе къ здоровью можетъ служить препятствіемъ къ выздоровленію.

„Да, но вѣдь это очень естественно. Каждое неразумное животное стремится выйти изъ непріятнаго состоянія, и мой инстинктъ противится тому, чтобы я просто покорился страданію. Энергично бороться съ нимъ, приложить къ этому всѣ старанія такъ, чтобы никто ничего не замѣчалъ, вотъ что мнѣ проповѣдывали всю мою жизнь, и въ этомъ заключается источникъ силы...“

И что же, помогло это вамъ? Не сдѣлалось ли, наоборотъ, гораздо хуже? Не жаловались ли вы мнѣ сами недавно, что подобныя увѣщанія кажутся вамъ несправедливыми и лишеными смысла? Если бы вы могли побороть ваше страданіе *вашей волей*, то неужели вы давно не достигли бы *вашей цѣли*? Вѣдь *ваша болѣзнь* не доставляетъ вамъ удовольствія. Итакъ, если дѣло идетъ только о томъ, чтобы захотѣть, какъ всегда говорилъ вашъ отецъ, — пожалуйста, чего же вы дожидаетесь?

„Да, но вы сами произносите проповѣди противъ „жалкаго безсилія нашего времени“ и, видя Богъ, не очень-то нѣжно обращаетесь съ нами“...

Итакъ, ошибка, повидимому, заключается въ чемъ-то другомъ, а именно: въ ложномъ *направленіи вашей воли*, въ неправильномъ *выборѣ цѣли*. На что мнѣ нужна величайшая энергія, если она, исходя изъ ложнаго пункта, обречена заранѣе на бесплодныя усилія и можетъ только повысить, а не устранить ваше нервное напряженіе!

Конечно, это стремленіе отвѣчаетъ вашему инстинкту. Естественно и понятно, что вы ограждаете себя отъ страданія, но отъ этого ваше поведеніе ничуть не дѣлается болѣе *правильнымъ*. Вашъ инстинктъ долженъ *переучиться*,

Вы ѣздите на велосипедѣ? Да, въ такомъ случаѣ вспомните то время, когда вы еще нетвердо сидѣли. Велосипедъ валится, что тогда дѣлаете вы инстинктивно? Вы откидываетесь въ другую сторону, не правда ли? И результатъ тотъ, что велосипедъ окончательно падаетъ на землю. Впослѣдствіи, когда вашъ инстинктъ приучился, вы умѣете направлять тяжесть вашего тѣла въ сторону паденія, и вотъ велосипедъ постепенно самъ собой поворачивается подъ вами.

Поэтому вы должны говорить „да“ совершающемуся, соглашаться съ нимъ! Не отрицать, не хотѣть другого, не бороться, не отклоняться въ сторону, какъ бы это ни казалось естественнымъ сначала. *Здѣсь* лежитъ ключъ къ разгадкѣ. Воля побѣждаетъ только тамъ, гдѣ передъ ней есть положительная цѣль; она бываетъ побѣждена тамъ, гдѣ она направлена на отрицаніе. *Отрицаніе* есть само по себѣ ложная цѣль.

Поэтому ничто не удастся тому, чьи мысли направлены на отклоненіе, на то, чего не должно быть. И развѣ не вполнѣ ясно, что такъ и должно быть? Всегда въ такихъ случаяхъ *вниманіе* направлено на отрицаніе, но *оно* опредѣляетъ ходъ совершающагося, а не воля.

Вы этому не вѣрите? Вы думаете, что направленіе воли опредѣляетъ совершающееся?—Да, когда воля и вниманіе дѣйствуютъ заодно, тогда кажется, что это такъ, но тамъ, гдѣ этого нѣтъ, перевѣшиваетъ направленіе вниманія.

Возьмемъ примѣръ. Мы говорили о ѣздѣ на велосипедѣ. Вы упражняетесь на дорогѣ,—передъ вами торчитъ дерево. Чортъ возьми, только бы не наѣхать на него! Вы поворачиваете въ сторону—конечно слишкомъ рано — только для того, чтобы налетѣть на препятствіе, котораго опасались, на отрицательную цѣль, какъ я это называю, къ которой направлено

дѣйствіе даже и въ томъ случаѣ, если цѣлью служить „то, что должно быть избѣгнуто“.

Смотри прямо—далеко впередъ на цѣль, которой ты хочешь достигнуть, которой ты, безъ сомнѣнія, достигнешь—пусть мысль о неудачѣ не приходитъ тебѣ въ голову—тогда ты *само собой* пройдешь мимо всѣхъ препятствій на твоёмъ жизненномъ пути, можетъ быть, даже не замѣтишь ихъ.

Такимъ образомъ, представленіе о достиженіи, не знающее сомнѣнія, уже впередъ считающее цѣль достигнутой, ведетъ къ побѣдѣ, къ успѣху, однимъ словомъ—къ могуществу. Только тогда воля и вниманіе направлены на одно. Итакъ, смотрите только на свои цѣли,—тогда вамъ не потребуется ни энергии, ни стараній, тогда все дѣлается само собой и приходитъ съ увѣренностью лунатика къ хорошему концу.

Для этого надо, конечно, воспитать себя, а также и другихъ, потому что въ этомъ направленіи мы безконечно грѣшны. Уже нашимъ дѣтямъ мы прежде всего говоримъ о томъ чего они *не* должны дѣлать, что недозволено, что нехорошо, что несправедливо. Насколько производительнѣе была бы дѣятельность людей, и насколько они были бы счастливѣе, если бы вмѣсто этого ихъ съ дѣтства приучали видѣть всюду хорошее, прекрасное, справедливое, благородное, сильное и бессознательно стремиться къ этому, имѣя въ виду и нося въ душѣ положительныя цѣли. Въ этомъ тайна всякаго искусства воспитанія.

Маленькій мальчикъ долженъ учиться писать. „Не пиши такое длинное f“,—говоритъ понимающая учительница. „Такое длинное“, „такое длинное“, все время слышится ему; „такое длинное“ живетъ въ его вниманіи; баць, слѣдующее f пишется еще длиннѣе, потому что для перевода: „не такое длинное, значить

короче“ требуется громадное напряженіе, которое не слѣдуетъ оцѣнивать слишкомъ низко. Почему не сказать тотчасъ же: „Дитя мое, это очень хорошо, только напиши немного покороче—и будетъ еще лучше,—ну, ты видишь, что можешь это сдѣлать“!

Таково ученіе о положительныхъ и отрицательныхъ цѣляхъ и о вниманіи, какъ о направляющей силѣ въ дѣйствиіи. Поэтому я никогда не буду звать къ вамъ: „Постарайтесь, сдѣлайте надъ собой усиліе“. Но я укажу вамъ путь къ тому, чтобы сдѣлаться такимъ, что вамъ не понадобится дѣлать надъ собой усилія. Наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы достигъ такого состоянія, когда все благородное и сильное дѣлается *само собой*, безъ всякаго усилія и особаго напряженія воли съ нашей стороны.

Усиліе требуется только тамъ, гдѣ дѣло не подвигается само собой, и тамъ оно обыкновенно бываетъ чѣмъ-то ложнымъ, отрицательнымъ. Вниманіе приковывается къ неудачамъ, и тутъ приходится споткнуться, какъ спотыкается застольный ораторъ, потому что онъ боится этого. Къ чему послужить ему тогда всякое желаніе не споткнуться! На что направлено вниманіе какъ рефлекторъ, то всегда и случается. Имѣй, напротивъ, передъ собой твою рѣчь, то, что ты хочешь сказать, и настоящее слово найдется само собой.

Вполнѣ ясно, что это такъ и должно быть. Дайте человѣку отрицательное представленіе о цѣли, и онъ очутится какъ бы въ пустомъ пространствѣ, безъ цѣли. Я вижу кучера, который ѣдетъ въ невѣрномъ направленіи; я знаю, что онъ хочетъ ѣхать къ Уклею, а собирается повернуть къ Эйтину—„Гей, это дорога не къ Уклею!“—кричу я ему. И что же? Человѣкъ внезапно теряетъ цѣль, и всякое дѣйствиіе прекращается.—„Гей, дорога къ Уклею налѣво!“.—„Да, такъ,

благодарю“, и онъ сворачиваетъ въ другую сторону, не особенно смущаясь.

Такимъ образомъ, могущество, успѣхъ, достиженіе—все это зависитъ отъ того, чтобы передъ нами была положительная цѣль. И тѣмъ важнѣе это положеніе, когда дѣло идетъ о нервныхъ людяхъ, которые и такъ склонны къ ложному напряженію, которые ни за что не могутъ приняться безъ сознательной преднамѣренности и такимъ образомъ сами препятствуютъ цѣлесообразному ходу самыхъ простыхъ дѣйствій своимъ „желаніемъ сдѣлать все какъ можно лучше и правильнѣе“, своими прокля... усиліями.

Нельзя, конечно, быть намѣренно наивнымъ, и подобное требованіе было бы столь же безразсудно, какъ извѣстный совѣтъ: „Вы не должны все время объ этомъ думать и такъ волноваться“! У меня есть письмо одного больного, который по поводу такого совѣта своего врача пишетъ брату: „Ну, и, конечно, я страшно волнуюсь, потому что я не долженъ объ этомъ думать и не знаю какъ это сдѣлать“.

Да, какъ это сдѣлать?

Прежде всего не надо этого *желать*. А какъ же? Очень просто, дѣлать что-нибудь совершенно другое, что не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ болѣзни или къ тому состоянію, изъ котораго хотятъ выйти.

Все, что вы въ качествѣ больного (*sub specie aegroti*) дѣлаете съ точки зрѣнія вашей болѣзни, не можетъ помочь вамъ. Это вызываетъ лишь напряженное ожиданіе, и, такимъ образомъ, всякій успѣхъ подрывается въ корнѣ. Поэтому же нельзя намѣренно отвлечься, это должно притти извнѣ. Обо всемъ, что вы дѣлаете какъ бы въ ожиданіи награды, можно сказать: нѣтъ ему никакой награды. Но когда вы, наконецъ, перестанете разсматривать все съ той плачев-

ной точки зрѣнія, что́ это вамъ принесетъ, будетъ ли способствовать вашему здоровью или повредить вамъ, когда вы перестанете видѣть въ вашемъ благосостояніи центръ, вокругъ котораго долженъ вращаться весь міръ или, по крайней мѣрѣ, ваша семья и окружающіе васъ, короче, когда у васъ будутъ положительныя цѣли вмѣсто отрицательныхъ, — тогда въ отклоненіи вашего вниманія съ больного на здоровое уже само собой будетъ заключаться награда, исцѣленіе.

До тѣхъ поръ вы должны, однако, работать надъ собою и не останавливаться до тѣхъ поръ, пока подобный взглядъ на вещи не сдѣлается вашей второй натурой, ибо вы должны этого достигнуть.

„Но, докторъ, когда я хочу сдѣлаться здоровымъ, это тоже положительная цѣль. Вы противорѣчите самому себѣ“.

— Нѣтъ, милый другъ, потому что это слово имѣетъ у васъ совершенно отрицательное содержаніе: я не хочу имѣть того-то и того-то. И кромѣ того, вы дѣлаете еще вторую ошибку, которая ничуть не лучше отрицательнаго понятія о цѣли, а именно: вы хотите своей волей повлѣять на извѣстное состояніе.

Представьте себѣ только, какъ слѣдуетъ, что это за бессмыслица — хотѣть или не хотѣть какого-нибудь состоянія. Вы осуждаете вашихъ близкихъ, когда они ожидаютъ отъ вашей воли, чтобы ваши мысли повиновались вамъ, а сами дѣлаете гораздо болѣе грубую ошибку, думая употребить вашу волю противъ состоянія вашего тѣла, вашихъ нервовъ, вашего мозга; я могу въ данномъ случаѣ дать вамъ только одинъ совѣтъ: пожалуйста, оставьте это.

„Но если я хочу отъ этого избавиться?“

Желаніе въ подобной формѣ усилить только ваше

напряженное состояніе, я уже вамъ это говорилъ... Когда я вижу, понимаю, что нѣчто безцѣльно или даже вредно, то я оставляю это. Вы сами могли въ этомъ убѣдиться. Когда вы боретесь съ судорогой, она усиливается; когда вы покоряетесь ей, говорите ей „да“, она проходитъ сама собой. Ваше дѣйствіе только усилило дикое сопротивленіе вашихъ нервовъ. Покоритесь—въ этомъ все дѣло. *Нельзя хотѣть состояній, можно хотѣть лишь поступковъ.*

— „Да, на практикѣ это такъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я не борюсь съ припадками, они стали легче“.

Я правъ и въ теоріи, когда запрещаю вамъ все, что соотвѣтствуетъ *внутренней оборонѣ*, и, такимъ образомъ, при разборѣ внутреннихъ точекъ зрѣнія мы снова возвращаемся къ вашей болѣзни. Теперь вы поймете, что я долженъ научить васъ достигнуть черезъ *презрѣніе* къ болѣзни спокойствія, необходимаго для вашего выздоровленія. Результатъ даетъ мнѣ право назвать это *правильной* оцѣнкой. Но она только въ томъ случаѣ послужитъ вамъ къ исцѣленію, когда она сдѣлается вашей второй натурой, когда вы совершенно проникнетесь ею, такъ что она будетъ всегда въ васъ, а не являться только *ad hoc*, когда ваши нервы опять начнутъ шалить.

„О, докторъ, но вѣдь трудно совсѣмъ отказаться отъ желанія выздороветь! Вы отнимаете у меня всякую надежду“.

У меня и не было намѣренія сдѣлать вамъ жизнь совершенно легкой; только черезъ борьбу научаемся мы побѣждать и одерживать верхъ надъ судьбой. Мы и оперативное вмѣшательство не относимъ къ средствамъ развлеченія, а рассматриваемъ его только съ точки зрѣнія необходимости. Но одно словечко вы проглядѣли. Хотя я и сказалъ, что вы должны научиться отказаться отъ надежды на выздоровленіе,

но только сначала отказаться и потому, что это лучший путь къ выздоровленію, въ то время какъ вашъ образъ дѣйствій въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ приводилъ все къ тѣмъ же печальнымъ результатамъ. Поэтому попробуемъ мой способъ.

Но оставимъ теоріи,—образы дѣйствуютъ живѣе. Вообразите, что ваше нервное состояніе воплотилось въ наростъ на рукѣ,—конечно, это только иносказательно, — и вы являетесь къ врачу съ понятнымъ желаніемъ освободиться отъ этого нароста. Ну, я долженъ вамъ сознаться, что всякое лѣченіе только принесетъ ухудшеніе,—оно раздражитъ опухоль, и она, несомнѣнно, увеличится и сдѣлается болѣзненнѣе, что лежитъ въ самой природѣ данной болѣзни. Да, но опухоль мѣшаетъ вамъ при работѣ? Это, конечно, плохо, но ничего не мѣняетъ въ положеніи вещей. Я долженъ на основаніи хорошо продуманныхъ разсужденій и прежде всего на основаніи богатаго опыта посовѣтовать вамъ ничего не предпринимать. Покоритесь обстоятельствамъ, скажите „да“ вашей судьбѣ, научитесь умѣлыми и осторожными движеніями избѣгать боли, научитесь, *несмотря* на опухоль, работать, пользоваться вашей рукой, и я обѣщаю вамъ, что опухоль сначала не будетъ больше раздражать васъ и наконецъ пройдетъ. Это также лежитъ въ самой природѣ вещей. Она исчезаетъ, когда вы перестаете заботиться о ней; она нѣкоторымъ образомъ существовала только потому, что на нее было обращено ваше вниманіе.

Скажете ли вы, что я отнимаю у васъ надежду на выздоровленіе? Я назову это указаніемъ вѣрнаго пути. Я хочу быть вашимъ проводникомъ. Почему же вы не хотите слѣдовать за мной? Мнѣ кажется, я лучше знаю дорогу.

Исцѣленіе, къ которому она ведетъ, находится на

высокой горной вершинѣ. Пока дорога шла прямо, вы охотно шли за мной. Но теперь, когда она, повидимому, отклоняется въ сторону, вы не желаете идти дальше. Дорога идетъ вдоль долины, думаете вы,—она не можетъ вести къ цѣли, это—невѣрный путь! О, какъ вы близоруки! Если я теперь предоставлю васъ вашей судьбѣ, то вы скоро заблудитесь въ непроходимой чащѣ и наконецъ натолкнетесь на крутую стѣну, которую не можетъ преодолѣть никакая человеческая сила. Послѣдуйте за мной даже, если дорога „сначала“, повидимому, ведетъ въ сторону, даже если вы думаете, что такимъ образомъ вы отказываетесь отъ исполненія вашего страстнаго желанія. Этимъ окружнымъ путемъ я вѣрнѣе проведу васъ на вершину. Какъ ни кажется дорога крутой спереди, въ обходъ ея можно достигнуть. Для этого требуется только извѣстное самоотреченіе.

Вы приходите ко мнѣ съ надеждой, что я своимъ искусствомъ облегчу ваши страданія. Я же доказываю вамъ, что преслѣдую иную цѣль. Вы должны сначала отказаться отъ того, къ чему вы такъ страстно стремитесь. Я хочу научить васъ, какъ приобрѣсти иную внутреннюю точку зрѣнія, ту низкую оцѣнку вещей, которая даетъ вамъ возможность быть работоспособнымъ и жизнерадостнымъ *съ* вашимъ страданіемъ и *несмотря* на него. Эта цѣль должна проникнуть все ваше жизнепониманіе, должна сдѣлаться частью вашего міровоззрѣнія; такимъ образомъ, вы будете застрахованы отъ всякаго огорченія. Только тогда, когда вы перерастете ваше страданіе, какъ что-то жалкое, почти недостойное нашего вниманія, вы опять сдѣлаетесь сильнымъ, жизнерадостнымъ и свободнымъ отъ постоянной мысли о томъ, отъ чего вы считаете себя зависимымъ.

V. О произвольномъ. О настоящемъ могуществѣ и о понятіи достижимости.

„Послушайте, докторъ, мнѣ не легко сродниться съ вашимъ пониманіемъ вещей и сойти съ привычнаго пути. Но вы правы относительно отрицательныхъ представленій о цѣли. Теперь, когда я ихъ замѣчаю, я преслѣдую ихъ по пятамъ. И вы правы также въ томъ, что отрицательныя цѣли утомляютъ и удручаютъ“.

Да, онѣ парализуютъ нашу дѣятельность и заполняютъ жизнь нашихъ представленій идеей о неудачѣ, лишая насъ увѣренности въ себѣ. Какъ можетъ при этомъ пробиться въ насъ радостный источникъ силы!

Истощеніе происходитъ прежде всего отъ того, что мы должны дѣлать совсѣмъ другое, чѣмъ то, что носится въ нашемъ умѣ, въ то время какъ при всѣхъ положительныхъ цѣляхъ мы должны только воплотить въ настоящее дѣйствіе внутреннюю воображаемую картину этого дѣйствія*). И почти такъ же парализующе дѣйствуетъ то, когда вы обращаете ваше вниманіе на самую волю, на фактъ воленія, на то, какъ это дѣлается, на технику дѣйствія, вмѣсто того, чтобы сосредоточиться на содержаніи, которое само должно создать технику, выраженіе. На это уже Гёте далъ отвѣтъ: разсудокъ и здравый смыслъ приходятъ безъ искусства, сами собой.

*) См. „Im Kampf....und so w.“, стр. 121.

Ошибка эта особенно часто имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ хотятъ что-нибудь особенно хорошо сдѣлать, и поэтому прерываютъ безсознательное теченіе дѣйствія и спотыкаются, хотя хорошо знаютъ дѣло.

Въ такихъ случаяхъ я едва могу устоять противъ предположенія, что сознательная воля является прямо препятствіемъ для непрерывнаго теченія событія или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-то весьма излишнимъ. Изслѣдуйте, пожалуйста, въ этомъ направленіи нѣкоторые повседневные случаи, и вы найдете въ нихъ полное подтвержденіе моего взгляда. Не будете ли вы, напримѣръ, такъ любезны прослушать меня одинъ разъ съ особеннымъ вниманіемъ и съ особеннымъ стараніемъ, не пропуская ни одного моего слова и все понимая такъ, чтобы запомнить все до слова и быть даже въ состояніи записать.

Вмѣсто того, чтобы просто слушать меня, вы обращаете ваше вниманіе на тотъ фактъ, что вы хотите слушать, а не на содержаніе моихъ словъ, которыя вы почти перестаете понимать.

Или вы хотите, напримѣръ, написать что-нибудь, что не приходитъ само собой, и вы сидите, грызя перо, потому что ваши мысли направлены только на то, что вы хотите писать, а не на содержаніе того, что вы хотите написать.

Надо сначала забыть, что вы нѣчто „хотѣли“; тогда только проходитъ напряженіе, и вниманіе можетъ опять обратиться на настоящую цѣль. Итакъ, я хочу замолвить слово за произвольное въ дѣйствіи, проистекающее изъ беззаботной увѣренности въ побѣдѣ и не знающее сомнѣній и неудачъ.

„Да, но если сначала вы сдѣлали все неправильно, то вѣдь хочется научиться наконецъ дѣлать правильно; это вѣдь не приходитъ такъ, само собой. Вѣдь вы сами называете это правильной техникой воли“.

И, однако, я остаюсь при своемъ мнѣніи. Настоящая техника состоитъ въ томъ, что прежде всего не слѣдуетъ хотѣть дѣлать именно правильно! Беззаботно давать совершаться,—вотъ въ чемъ тайна; тогда все сдѣлается само собой. Уже желаніе „сдѣлать правильно“ является однимъ изъ затрудняющихъ цѣлевыхъ представленій.

Видите ли, мочь—это то, что намъ удастся, а лучше всего удастся намъ то, что мы совершаемъ въ области безсознательнаго. Всякая хорошая работа имѣетъ печать безсознательнаго. Это должно само нисходить на насъ, если мы претендуемъ на что-нибудь порядочное. Это имѣетъ значеніе по крайней мѣрѣ для всякаго интуитивнаго творчества.

Воля должна только дать первый толчокъ; она должна быть только мгновеннымъ актомъ, изъ котораго вытекаетъ дѣйствіе. А затѣмъ самое лучшее, если сознательная воля исчезнетъ, чтобы желаемое дѣйствіе прошло гладко. Да, это самое трудное—дать просто совершаться происходящему, ничего недѣлая и почти не обращая на него вниманія. Въмѣсто того, чтобы добиваться чего-нибудь силой, что всегда приводитъ къ горячему противодѣйствію со стороны безсознательныхъ процессовъ, мы должны только имѣть передъ глазами цѣль, которая должна притягивать къ себѣ движеніе совершающагося, и намъ слѣдуетъ избѣгать столкновеній съ безсознательными процессами.

Позвольте мнѣ рассказать вамъ, какъ для меня выяснился этотъ вопросъ. Я ѣхалъ на лодкѣ съ дамой, которая никогда не правила рулемъ, и я воспользовался этимъ для слѣдующихъ наблюденій. Я попросилъ ее править рулемъ и сталъ обращать вниманіе на всѣ ошибки, заставлялъ ее оглядываться назадъ на зигзагообразную линію воды, говорилъ ей, какъ лучше держаться, какъ тянуть за веревку, какъ

урегулировать движеніе руля и т. д., коротко сказать, я указывалъ ей на всякую мелочь, которую она невѣрно дѣлала. Вслѣдствіе этого дама правила все хуже, и ошибки получали совсѣмъ нелѣпный характеръ. Ей казалось, что она невѣроятно неловка; она готова была плакать,—однимъ словомъ,—она дѣлала безумныя усилія, и вниманіе ея было направлено на все другое, только не на прямую цѣль управленія.

Вы—учитель. Вы замѣчаете, что я описываю цѣлый классъ нервныхъ учителей, которые могутъ добиться только одного того, что они сдѣлаютъ дѣтей тоже нервными.

Я далъ дамѣ время успокоиться, и послѣ прогулки въ лѣсу попытка опять была повторена на обратномъ пути. Я сказалъ ей на этотъ разъ: перестаньте обращать вниманіе на руль, но не выпускайте изъ рукъ веревки. Смотрите впередъ на колокольню и направляйте носъ лодки въ ту сторону; вы должны заботиться только о томъ, чтобы мы шли прямо на нее. „Но какъ мнѣ это сдѣлать, я вѣдь не могу?“ Оставьте это, смотрите только на колокольню. Черезъ минуту дама могла править рулемъ.

„Итакъ, докторъ, чтобы дѣйствовать успѣшно, надо отказаться отъ хотѣнія. Но цѣль-то все-таки должна быть „желаемой“.

Вѣрно, цѣль, но не дѣйствіе. Видите,—человѣкъ называетъ волей многое, что вовсе не есть воля: имѣть намѣреніе, принять рѣшеніе, взяться за что-нибудь; наконецъ, появляется „добрая воля“, которая, какъ извѣстно, самая худшая,—все это я не называю „имѣть волю“, а только просто „хотѣть“.

Серьезная, глубокая, настоящая воля характеризуется прежде всего сочетаніемъ съ представленіемъ увѣренности въ достиженіи цѣли. Только о

такой волѣ говорится: „Гдѣ есть воля, тамъ есть и путь“.

Поэтому я говорю, что самое лучшее изъ всѣхъ положительныхъ представлений о цѣли есть представление о томъ, что „цѣль уже достигнута“. Никакая цѣль не находится для насъ тогда слишкомъ высоко,—мы должны перебросить „стрѣлу нашего желанія“ на „противоположный берегъ“.

Что такое въ сравненіи съ силой, заключающейся въ подобной мысли, слабость трусливаго „я попробую!“ Попробовать—это все равно, что сомнѣваться въ достиженіи своей цѣли. Когда я берусь за что-нибудь, мнѣ не приходитъ въ голову мысль, что обстоятельства могутъ привести къ неудачѣ, и потому мнѣ большею частью все удается. Если мы въ свое время убѣждаемся въ томъ, что извѣстныя препятствія непреодолимы, то все же безразсудно заранѣе создавать себѣ, руководствуясь только нашими чувствами, искусственныя препятствія къ дѣятельности, не имѣющія никакого логическаго оправданія.

Вы такъ часто говорите „я не могу“,—слово, которое не должно было бы существовать для васъ, настоящее воплощеніе жалкой слабости. Но я долженъ сказать вамъ: вы все-таки можете, если у васъ хватить на то мужества. Въ большинствѣ случаевъ для достиженія успѣха только это и требуется.

Ваше безсиліе только видимое; это—задержанная сила, скрытое богатство, а не дѣйствительная бѣдность. Вамъ мѣшаетъ только ваше невѣріе, сомнѣніе въ собственныхъ силахъ, ваша мнимая зависимость отъ всякихъ ничтожныхъ внѣшнихъ вещей.

Итакъ, повторяю еще разъ: кто сомнѣвается въ достиженіи своей цѣли, тотъ недостоинъ побѣды. Невѣріе есть слабость, вѣра—сила!

И еще одно. Чтобы приобрести настоящее могущество, требуется не только вѣра въ достиженіе нашей цѣли, но также прежде всего сознательное воспитаніе нашихъ стремленій (*Triebe*).

Если послѣднія достаточно сильны, чтобы сообщить нашимъ дѣйствіямъ мощный размахъ, то они увлекутъ за собой событія черезъ всѣ препятствія, мимо всѣхъ уклоняющихся въ сторону случайностей, навстрѣчу желанной цѣли. Но если наши дѣйствія не достигаютъ цѣли, и мы теряемъ ее изъ виду, то это значитъ, что сила нашихъ стремленій была недостаточно велика, чтобы сообщить событіямъ нужный размахъ, и мы говоримъ тогда о слабости нашихъ стремленій.

Поэтому для того, чтобы лучше мочь, мы должны имѣть болѣе сильныя *стремленія*, а не болѣе сильную волю. Какъ же этого можно достигнуть? Мы должны правильно питать нашу психику. Для этого намъ нужно выбирать только все самое лучшее и благородное. Всего слабаго и безобразнаго мы должны остерегаться какъ чумы, и такимъ образомъ въ насъ разовьются сильныя и здоровыя стремленія.

Представленія вытекаютъ изъ впечатлѣній, поэтому создавайте себѣ сильныя и глубокія впечатлѣнія вмѣсто многочисленныхъ и поверхностныхъ; въ этомъ спасеніе. Создавайте себѣ представленія, возбужденіе которыхъ рождаетъ волну, обладающую силой. Точно мощный аккордъ проходитъ черезъ всѣ наши процессы и наши дѣйствія, какъ только мы прикоснемся къ этимъ могучимъ и звучнымъ струнамъ.

Поэтому еще разъ: Долой страхъ и невѣріе! Мужественному принадлежитъ міръ,—таковъ смыслъ моего ученія. Не надо никакихъ „я не могу“.

Избери себѣ цѣль такъ высоко, какъ только можешь себѣ вообразить, и вѣрь въ ея достиженіе, — въ этомъ тайна успѣха!

„Я люблю того, кто добивается невозможнаго“.

VI. Зависимость тѣла отъ головного мозга. (Психогенія).

„Докторъ, вы постоянно и настойчиво говорите о моихъ представленіяхъ, о моемъ „міровоззрѣніи“ какъ объ исходномъ пунктѣ лѣченія. Но я все-таки не понимаю, что могутъ имѣть общаго мои представленія съ моими тѣлесными разстройствами“.

А между тѣмъ это ясно. Я объяснялъ уже вамъ по поводу вашего желудочнаго страданія, какъ случайное совпаденіе извѣстныхъ обстоятельствъ привело васъ къ ошибочному выводу, что здѣсь существуетъ причинная связь. Въ поискахъ за „козломъ отпущенія“ вы пошли невѣрнымъ путемъ. Вы должны измѣнить эти воззрѣнія.

„Нѣтъ, докторъ, этого я не думаю. Относительно образованія ложныхъ сужденій мнѣ все ясно. Но что общаго имѣетъ содержаніе представленій съ самой болѣзью, съ болью и разстройствомъ пищеваренія?“

Однако, это почти то же самое. Разсмотримъ болѣе подробно вопросъ о психогеніи, о „душевныхъ условіяхъ“ болѣзненныхъ состояній.

Вамъ слѣдуетъ при этомъ совершенно отрѣшиться отъ мысли, что дѣло идетъ объ объясненіи возникновенія болѣзненныхъ явленій. Вы должны, напротивъ, смотрѣть на психогенію, какъ на свойственный всѣмъ жизненнымъ явленіямъ способъ возникновенія. Во всемъ тѣлѣ нѣтъ ни одного мельчайшаго жизненнаго проявленія, химическаго, физическаго или

какого бы то ни было, которое не получало бы сперва воздѣйствія отъ тока нервной энергіи. Такимъ образомъ, всѣ эти явленія зависятъ отъ нервовъ.

Токи нервной энергіи притекаютъ къ клѣткамъ и органамъ нашего тѣла по нервнымъ путямъ; послѣдніе всѣ имѣютъ свое начало въ большихъ центральныхъ аппаратахъ головного мозга, отъ которыхъ зависитъ, такимъ образомъ, состояніе всѣхъ клѣтокъ тѣла.

Совершается ли все это сознательно или безсознательно, въ сущности не имѣетъ большого значенія. Явленія, которыя у высшихъ организмовъ совершаются обыкновенно безъ участія сознанія, сдѣлались безсознательными въ теченіе всей исторіи развитія живыхъ существъ. Повтореніе много сотенъ тысячъ разъ сдѣлало ихъ устойчивыми, увѣренными въ себѣ явленіями, не требующими постояннаго сознательнаго наблюденія со стороны высшихъ центровъ. Вѣдь они возникаютъ большею частью въ такое время, когда еще не существуетъ такихъ центровъ, т.-е. отдѣльныхъ мозговъ, въ нашемъ—человѣческомъ смыслѣ слова. Мы поэтому называемъ ихъ растительными, такъ какъ они сходны съ явленіями, присущими растеніямъ, которыя, повидимому, въ большинствѣ случаевъ протекаютъ безъ сознанія, свойственнаго животнымъ.

Такимъ же образомъ и дѣятельность нашихъ органовъ постепенно переходитъ за порогъ сознательной жизни, органы научаются обходиться безъ сознательнаго вниманія. Но изъ мѣстнаго хозяйства органовъ исходятъ разные увѣдомленія и отчеты въ видѣ обратно идущихъ нервныхъ токовъ, достигающихъ высшихъ отдѣловъ головного мозга и пробуждающихъ тамъ представленія о состояніи органа.

Если все въ порядкѣ, дѣло продолжаетъ итти сво-

имъ чередомъ, если же что-нибудь не такъ, какъ слѣдуетъ, то органу даются особыя приказанія, которыя должны привести все къ нормальному положенію. Такова картина органическаго разстройства и его естественнаго исцѣленія. Но если мы не будемъ больше называть этотъ автоматическій процессъ органической дѣятельности, протекающей по ставшимъ постоянными рефлекторнымъ путямъ, душевно обусловленнымъ, а будемъ называть какъ процессъ, только руководимый и управляемый изъ центра, то мы поступимъ неправильно, если только принять во вниманіе несомнѣнное вліяніе чисто душевныхъ событій на состояніе нашего тѣла. Зависимость тѣла отъ головного мозга обуславливаетъ указанное вліяніе. Точно такъ же, какъ внѣшнее раздраженіе, только пройдя черезъ головной мозгъ, вызываетъ мѣстное измѣненіе, которое мы называемъ реакціей, точно такъ же нарушенія органической дѣятельности могутъ возникнуть безъ участія внѣшняго раздраженія только отъ раздраженія въ самомъ головномъ мозгу. (2)

Мы должны считаться съ подобными вліяніями не только потому, что они часто могутъ быть рѣшающими и опредѣляющими, но главнымъ образомъ по той причинѣ, что они даютъ непрерывно дѣйствующее основное настроеніе. Если эти вліянія имѣютъ значеніе уже для нормальнаго теченія органической дѣятельности, то ясно, что нарушеніе душевнаго равновѣсія—ошибочное представленіе, ложное сужденіе должны имѣть своимъ послѣдствіемъ значительныя разстройства тѣлеснаго характера. Импульсы, которые нисходятъ къ органамъ, и отъ которыхъ зависитъ состояніе послѣднихъ, являются, такимъ образомъ, лишь выраженіемъ состоянія высшихъ центровъ, т.-е. временно господствующихъ представленій.

Я уже указывалъ вамъ, какой помѣхой является, напр., уже одно вниманіе, одно сознательное наблюденіе надъ тѣлесными движеніями для ихъ правильнаго безсознательнаго теченія. Такое наблюденіе неизбѣжно влечетъ за собой появленіе различныхъ непривычныхъ иннерваціонныхъ токовъ ¹⁾, которые нарушаютъ обычный ходъ вещей, какъ непрошенное наблюденіе и помощь мѣшаютъ дѣлу самаго искуснаго работника.

Точно такъ же, какъ и въ области сознательнаго, безсознательная внутренняя логика событій работаетъ только тогда увѣренно и правильно, когда чувство не вмѣшивается необдуманно въ ея работу, вызывая въ ней разстройство своими ни на чемъ не основанными и предвзятыми мнѣніями. Поэтому нѣкоторыя разстройства пищеваенія правильно называютъ „дурнымъ настроеніемъ желудка“—эмоціональной диспепсіей.

Видите, на основаніи этой связи ваше глубоко подавленное состояніе духа приводитъ къ пониженію вашихъ тѣлесныхъ жизненныхъ проявленій; поэтому вы были усталы и невеселы; поэтому ваши пищеварительныя железы выдѣляли неудовлетворительный сокъ, такъ что вы чувствовали отвращеніе къ пицѣ и худѣли.

Совершенно такимъ же путемъ возбужденія ведутъ къ чрезмѣрной дѣятельности органовъ; нарушенія равновѣсія вашей душевной жизни ведутъ къ беспорядочному теченію тѣлесныхъ процессовъ, причину чего вы видите въ различныхъ внѣшнихъ событіяхъ, въ вещахъ, которыя нисколько въ этомъ не виноваты, но ошибочное обвиненіе которыхъ ведетъ къ столь же ложнымъ терапевтическимъ мѣрамъ.

¹⁾ Иннерваціонные токи—нервные токи, возбуждающіе дѣятельность органовъ и сокращенія мускуловъ.

То, что все это происходит безсознательно, вовсе не должно служить въ будущемъ оправданіемъ для вашихъ судорожныхъ стараній найти козла отпущенія во внѣшнихъ событіяхъ. Въ васъ самихъ находится недочетъ, тамъ и должно быть произведено измѣненіе.

Поэтому я не могу допустить, чтобы вы сваливали ваше истощеніе на переутомленіе. Я вообще очень рѣдко признаю право на это. Немнимый излишекъ работы, а нерасположеніе къ душевнымъ переживаніямъ, сопровождающимъ работу и жизнь, было причиной того, что вы надорвались во время работы.

Помните изъ всего сказаннаго одно: всѣ внѣшнія проявленія жизни суть не что иное, какъ воплощенія, пластическія послѣдствія содержанія вашихъ представленій, сознательно или безсознательно, произвольно или же инстинктивно лежащихъ въ основѣ соотвѣтственнаго иннервационнаго импульса.

И теперь вамъ станетъ ясно, почему я для лѣченія вашего нервнаго страданія, которое я считаю психогеннымъ, слѣдовательно, псевдоорганическимъ, беру за исходный пунктъ не органы вашего тѣла, а вашу психику съ ея неразрѣшенными внутренними конфликтами и напряженіями. Поэтому вы поймете также, почему я придаю вашимъ воззрѣніямъ на жизнь больше значенія, чѣмъ вашему образу жизни, и ставлю первымъ условіемъ вашего выздоровленія здоровое міросозерцаніе.

VII. О психофизическомъ параллелизмѣ и о тождественномъ процессѣ на два фронта. (Душа и тѣло).

„То, что вы сказали о психогеніи, докторъ, представляетъ собою такое смѣшеніе тѣла и души, о возможности котораго я до сихъ поръ не думалъ. Мы больше не въ состояніи различать, гдѣ начинается одно и кончается другое“.

Да, такъ оно и есть. „Нервное“ представляетъ собою переходъ отъ тѣлеснаго къ душевному, при чемъ часто находишься въ недоумѣніи, что слѣдуетъ отнести къ одному, что къ другому. Видите ли, такъ какъ здѣсь не можетъ быть слишкомъ рѣзкаго раздѣленія—жизнь знаетъ только постепенные переходы,—то я неохотно употребляю выраженія: „тѣло“ и „душа“, выраженія, указывающія на рѣзкую границу между этими понятіями или даже на ихъ выраженную противоположность.

О противопоставленіи тѣлеснаго и душевнаго въ насъ можно говорить только въ томъ смыслѣ, что то и другое является противоположными концами одного непрерывнаго ряда. Своимъ вопросомъ вы затрагиваете проблему, которая привлекаетъ вниманіе всякаго образованнаго человѣка.

Эти понятія и воззрѣнія претерпѣвали съ теченіемъ времени много превращеній, начиная съ безусловнаго дуализма, видящаго въ душѣ и тѣлѣ не-

совмѣстимья противоположности, вплоть до монизма матеріалистовъ, которымъ все душевное представляется только высшей функціей тѣлесныхъ процессовъ въ головномъ мозгу, и идеалистовъ, которымъ все тѣлесное кажется несущественнымъ, переходящимъ воплощеніемъ платоновскихъ идей, формою выраженія царящаго въ мірѣ идей душевнаго содержанія.

Между этими воззрѣніями лежитъ то, что натуралисты называютъ психофизическимъ параллелизмомъ, желая выразить этимъ терминомъ, что каждому душевному процессу соотвѣтствуетъ въ непонятномъ соединеніи тѣлесный процессъ, и наоборотъ. Но мнѣ это представляется только замаскированнымъ дуализмомъ. Для параллельнаго движенія требуются по меньшей мѣрѣ двѣ линіи. Не говоря о томъ, что это параллельное движеніе не объясняетъ мнѣ взаимныхъ вліяній, хотя бы мы прибѣгли къ сравненію съ индуцированными электрическими токами, — это уже значитъ произвольно разрывать единство жизненныхъ явленій. А это единство есть требованіе моего мышленія и моего чувства, и я безусловно признаю его.

Душевные и тѣлесныя явленія представляютъ для меня тождественный процессъ, который развертывается только на разные фронты, скажемъ, на внутренній и внѣшній фронтъ. Всѣ мысли, чувства и все, что мы относимъ къ душевной дѣятельности, можетъ быть рассматриваемо только какъ душевное выраженіе субстанціального процесса, а всѣ тѣлесныя явленія только какъ физическое выраженіе душевныхъ состояній.

Такимъ образомъ, для меня разрѣшается загадка о взаимномъ вліяніи другъ на друга души и тѣла, и я могу избрать по желанію одно изъ вышеприведенныхъ монистическихъ ученій, которыя въ своихъ ко-

нечныхъ выводахъ не очень-то отличаются другъ отъ друга, поскольку они оба опираются на ученіе „о тождественномъ процессѣ на два фронта“.

Вы смотрите на меня испуганно, какъ будто я выразилъ ужасно еретическую мысль. Но вы ошибаетесь. Я не собираюсь оспаривать, что вы имѣете душу; я только хочу придать болѣе широкое значеніе и болѣе глубокой смыслъ душевному или, если хотите, божескому началу, находящемуся въ насъ, болѣе глубокой смыслъ, чѣмъ я могу вложить въ узкое понятіе „личной души“. Душевное начало со своими вѣчными цѣнностями не укладывается для меня въ узкія рамки такой ничтожной личности, какъ маленькій человекъ. Мы должны постепенно отучаться придавать себѣ важное значеніе и выучиваться видѣть въ себѣ часть превосходящаго насъ цѣлаго и возвышающихся надъ нами связей. Мы должны выучиваться больше цѣнить нашу связь съ душевнымъ содержаніемъ цѣлаго народа, всего человечества, вообще всѣхъ жизненныхъ явленій, а не чваниться нашей крошечной личностью. Мы должны привыкать чувствовать себя живымъ выраженіемъ общей божеской мысли не для того, чтобы потеряться въ ея безпредѣльности, но для того, чтобы найти себя въ ней въ болѣе чистомъ и высокомъ видѣ. Въ этомъ заключается наше „богоподобіе“.

Но эта мысль означаетъ еще и нѣчто иное. Прослѣдимъ ее не въ великомъ, безпредѣльномъ, а прослѣдимъ ее въ самомъ маломъ; тогда она научить насъ, что и тамъ нѣтъ ничего, что не было бы выраженіемъ „душевнаго начала“.

Таковъ смыслъ словъ, что „Богъ въ насъ“ и „мы въ немъ“.

Вы видите, вашъ вопросъ завелъ насъ нѣсколько далеко, но я вамъ сейчасъ покажу, почему это хо-

рошо. Если мы не будемъ разсматривать нашу жизнь съ возвышенной точки зрѣнія, то мы не научимся понимать ея смыслъ и не придемъ къ спасительному міровоззрѣнію, примиряющему насъ съ нашей личной судьбой. Съ нашей невысокой личной точки зрѣнія намъ трудно произвести настоящій обзоръ, который далъ бы намъ возможность судить о нашей судьбѣ. Только когда мы будемъ обозрѣвать окрестность съ высокой башни, такъ что нашъ горизонтъ расширится, и наша собственная маленькая личность станетъ едва замѣтной, подобно каплѣ воды, которая несетя тамъ въ ручьѣ навстрѣчу великому морю мірового цѣлаго, — только тогда мы можемъ отважиться понять все, судьбу самаго ручья и его теченіе, понять, что такое мы сами, и что значитъ наша крошечная судьба отдѣльной личности. Если мы очутимся внутри бурлящаго потока, мы едва ли сможемъ понять, что значитъ его бушеваніе; но съ выдающейся высоты взоръ слѣдитъ за его теченіемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не вливается въ море и самъ не становится моремъ. Тогда водяная капелька можетъ сказать: я — частица моря, я въ немъ, какъ и оно во мнѣ.

Видите ли, только тогда, когда вы не будете мѣрять вашу личную судьбу, ваше счастье и ваше страданіе мѣркой вашихъ собственныхъ близорукихъ желаній, а будете измѣрять ихъ великой цѣлью міровой мысли, возвышающейся надъ единымъ и личнымъ, — только тогда вы научитесь со спокойнымъ достоинствомъ покоряться судьбѣ и наконецъ сознательно и радостно предоставите нести себя волнамъ потока навстрѣчу къ цѣли, къ морю.

Зачѣмъ я говорю вамъ все это? Зачѣмъ я хочу, чтобы ваши мысли занялись этими вещами? — Вспомните, пожалуйста, то, что я раньше писалъ*) „о дѣ-

*) Ср. „Im Kampf... u. s. w.“, стр. 112.

ятельной покорности, о достойномъ подчиненіи судьбѣ“, — и вы поймете меня. То, что я здѣсь сказалъ, должно развиваться согласно вашей собственной природѣ. Оно должно сдѣлаться широкимъ фундаментомъ, на которомъ вы должны строить свои воззрѣнія, которыя нужны мнѣ въ качествѣ вашего основного настроенія для того, чтобы вы перестали наконецъ бранить свою судьбу; только такимъ образомъ я могу обѣщать вамъ исцѣленіе вашихъ страданій.

VIII. О смыслѣ міровой жизни.

„Докторъ, я начинаю понимать, куда вы меня ведете. Я прочелъ главу о дѣятельной покорности, о достойномъ подчиненіи судьбѣ. Но мнѣ это не удастся. Страстное требованіе моихъ личныхъ желаній такъ долго было единственнымъ, къ чему я прислушивался; теперь я вдругъ долженъ научиться „включать себя“, соединиться въ связи высшаго порядка. Докторъ, что представляетъ собою „это высшее“, чего оно требуетъ, — вѣдь нельзя успокоить свое личное я прежде, чѣмъ узнаешь это?“

Вашъ вопросъ радуетъ меня. До сихъ поръ вся ваша жизнь вращалась вокругъ вашего болѣзненнаго состоянія. Уже давно вы не думали ни о чемъ иномъ. Теперь васъ занимаетъ лучшая мысль, и вы сошли съ обычнаго пути. Развѣ вы не видите, что вы начали равнодушнѣе относиться къ своей болѣзни? Говорю вамъ, что все переѣнится до неузнаваемости, и когда вы разстанетесь со мной, мы оба позабудемъ о разстройствѣ, которое привело васъ сюда. Но къ дѣлу!

Ничто такъ не характеризуетъ послѣдняго столѣтія, какъ могучія изслѣдованія естествознанія. Самая величественная мысль, проложившая себѣ дорогу и занявшая господствующее положеніе, была идея развитія, идея эволюціи. Это зашло такъ далеко, что стали отождествлять естественно-научное мышленіе и мышленіе эволюціонное. Эта идея, которая дала намъ

упоительное представленіе объ единствѣ всего живущаго и о жизненности всего существующаго отъ іона и атома до человѣка и дальше, позволяетъ намъ сейчасъ съ научно обоснованной увѣренностью указать цѣль, о которой вы спрашиваете. Она даетъ намъ ключъ къ тому, „чтобы мы узнали то, что міръ заключаетъ въ самой глубинѣ своей“.

Посмотрите на тѣ формы, которыя вамъ извѣстны,— въ нихъ ясно выражена тенденція эволюціи. Она ведетъ насъ все выше, создаетъ постоянно новые и болѣе цѣнные виды, которые все полнѣе сознаютъ свое божественное назначеніе и все быстрѣе устремляются впередъ къ видамъ, которые еще выше и лучше насъ.

Развѣ не восхитительно сознавать свое участіе въ этомъ процессѣ развитія и нести въ собственной груди свою часть матеріала, предназначеннаго для постройки „высокаго храма всего живущаго“.

Мы должны знать, что такъ оно и есть, и не терять этого изъ вида. Мы должны вѣрно служить этой идеѣ до послѣдняго вздоха и дальше, потому что то, что мы создали здѣсь вѣчно цѣннаго, никогда не пропадетъ даромъ, а послужитъ камнемъ для постройки того храма, о которомъ я говорилъ.

Природа пользуется внѣшними формами міра явленій для того, чтобы дать удовлетвореніе заложенному въ ней дѣятельному стремленію. Виды всего живущаго являются для нея только „средствами къ достиженію цѣли“. Она хочетъ создавать достойное, чтобы его побѣждало достойнѣйшее, и послѣднее порождало бы еще болѣе достойное, идя все впередъ и все выше безъ остановки.

Этому стремленію служимъ и мы. Мы, т.-е. та частица вещества, изъ котораго мы состоимъ, тоже толь-

ко средство къ тому, чтобы развѣивать въ новыхъ и новыхъ комбинаціяхъ, поднимаясь на высшую ступень существованія, то небольшое количество вещества, которое въ болѣе раннихъ формахъ существованія сохраняло въ себѣ тысячу скрытыхъ возможностей. Горе тому, кто не сумѣетъ послужить этой идеѣ! Природа безпощадно повергнетъ его на землю, потому что взглядъ на высокое требуетъ высокихъ точекъ зрѣнія.

Но не только все живущее получаетъ свою тенденцію къ развитію отъ свойственнаго ему стремленія вверхъ, — неорганической міръ, міръ планетъ управляется тѣмъ же закономъ. Онъ состоитъ также изъ существъ, подобныхъ намъ. Нѣтъ ничего мертваго! (sic)

Также и отношенія вещей другъ къ другу, естественные законы, встрѣчающіеся въ этомъ, повидимому, безжизненномъ мірѣ, являются только средствомъ для цѣли одной души. Они существуютъ для того, чтобы направлять вселенную согласно божественной волѣ. Они служатъ ей, а такъ же служимъ и мы, когда подчиняемся естественнымъ законамъ, которые могутъ быть поняты только какъ выразители этого первичнаго стремленія, которое даетъ всему существующему ту форму, въ которой оно и образуется.

Вы видите, какъ идея эволюціи прямо приводитъ къ монизму. Это потокъ жизни, теченіе и направленіе котораго мы должны знать, чтобы понять смыслъ жизни и нашего собственнаго существованія. Мы часто сердимся на него и возстаемъ въ бессильномъ гнѣвѣ противъ спокойнаго могущества этой законмѣрности вмѣсто того, чтобы спросить, чего хотимъ отъ насъ судьба.

Если все совершающееся дѣйствительно слѣдуетъ незнанию нами внутреннему побужденію, то оно должно имѣть для меня смыслъ, который я

могу понять. Смыслъ его для меня въ томъ, что оно возноситъ меня къ болѣе свѣтлой высотѣ.

Такъ оно и есть. Такимъ образомъ это и должно дѣйствовать. Счастье и страданье, несчастье и нужда, грѣхъ и добродѣтели—все дѣйствуетъ на насъ такъ, что ведетъ насъ впередъ; это заложено въ насъ какъ въ части цѣлаго; это заложено въ природѣ всего живущаго. Судьба стучится къ намъ, когда мы созрѣли для новаго шага вверхъ. И когда это случается такъ, мы пользуемся несчастьемъ, мы пользуемся даже грѣхомъ, который пробуждаетъ въ насъ стремленіе сдѣлаться лучшими и „безгрѣшными“.

Не то, чтобы единичная вина посылалась намъ для этой „цѣли“ какъ бы нѣкоторымъ провидѣніемъ,—этого я не думаю. Но согласно общимъ законамъ всего совершающагося въ мірѣ отдѣльныя событія принимаютъ участіе въ достиженіи великихъ внутреннихъ цѣлей. Это лежитъ въ природѣ всего происходящаго, такъ же, какъ и въ нашей собственной природѣ.

И дѣйствительно, намъ необходимы такіе „пробудители стремленій“, иначе мы сгниемъ въ лѣнивомъ спокойствіи. Какъ могли бы мы знать, что сладко, если бы мы вкушали одинъ только медъ! Несчастье не стремится повергнуть насъ внизъ, но хочетъ освободить и развернуть наши дремлющія силы. Вы должны использовать вашу судьбу вмѣсто того, чтобы жаловаться на нее!

То, что мы использовали и совершенно сознательно принудили служить намъ, то мы покорили себѣ, преодолѣли, съ внутренней точки зрѣнія. Такъ можно, нѣтъ, такъ должно возвыситься надъ своей судьбой. Смыслъ ея заключается въ томъ, чтобы научить насъ господствовать надъ ней*).

*) Ср. Метерлинкъ: „Мудрость и судьба“.

Такимъ образомъ и вы должны использовать ваше болѣзненное состояніе, сознательно достигнувъ внутренняго здоровья и выйдя болѣе значительнымъ человѣкомъ изъ кризиса вашей жизни. Такъ, ваша болѣзнь можетъ способствовать вашему движенію впередъ лучше, чѣмъ лѣнивос, лишенное борьбы здоровое состояніе.

Выше стремится поднять насъ судьба, въ какой бы формѣ она ни явилась. Пока что-нибудь происходитъ, мы часто этого не понимаемъ, но впоследствии повязка спадаетъ съ нашихъ глазъ, и мы видимъ, что такъ должно было случиться, чтобы мы могли подняться на ту ступень, на которой мы теперь стоимъ.

„Судьба не успокаивается“, говоритъ Іёрнъ Уль, „пока не заставитъ насъ согрѣшить“. Но дѣло не въ грѣхѣ, „а въ томъ, какъ вести себя послѣ него“. Надо доказать, поняли ли мы призывъ къ пробужденію, созрѣли ли мы для дальнѣйшаго движенія впередъ, приобрѣли ли новыя силы въ борьбѣ съ судьбой, потому что „то, что не убиваетъ насъ, дѣлаетъ насъ сильнѣе“! Паденіе не есть самое худшее, потому что рѣшающій моментъ—это—вставаніе, постоянное стремленіе впередъ. Ваша судьба не въ томъ, что постигаетъ васъ извнѣ, а въ томъ, какъ вы внутренне къ этому относитесь! Пусть одно и то же случится съ шестью различными людьми, и вы будете имѣть передъ собой шесть различныхъ частей, смотря по основному тону міросозерцанія каждаго отдѣльнаго человѣка.

Что нашъ народъ считаетъ еимволомъ своей побѣдоносной силы? Зигфридовъ мечъ, который герой сковалъ изъ отдѣльныхъ кусковъ! Однако, сначала онъ былъ тупой, съ нимъ нельзя было побѣждать, и герой разбилъ его въ куски. Во второй разъ онъ изъ кусковъ сковалъ оружіе, и все-таки оно не могло слу-

жить ему. Тогда трудолюбивая рука испилила его въ прахъ, и тутъ въ третій разъ былъ выкованъ изъ стали „побѣдный мечъ“, который покоришь ему мѣръ и привелъ къ его ногамъ даже драконовъ, великановъ и боговъ.

Нетрудно понять смыслъ этого сказанія. Часто судьба поражаетъ человѣка и разбиваетъ вдребезги его желанія. Затѣмъ у него растутъ силы; онѣ возбуждаютъ и прищипываютъ его. Его мощь и дѣятельность, направленныя къ высокому и благородному, должны развернуться еще больше. Тогда судьба разрушаетъ его душу, разбиваетъ его сердце, пока онъ не возстанетъ, какъ герой, въ сознаниі своего божественнаго призванія. Стремленіе къ свѣтлымъ высотамъ возникаетъ изъ праха и въ очищающемъ огнѣ пріобрѣтаетъ побѣдоносную силу, въ которой заключается цѣль судьбы, ея скрытый для большинства смыслъ. Въ ея господствѣ заложено непоколебимое дѣйствіе.

Поэтому я говорю: не будемъ такъ сопротивляться. Вѣдь мы не знаемъ, куда ведетъ насъ судьба, каждаго въ отдѣльности. Только одно мы знаемъ навѣрное: она ведетъ насъ выше, къ силѣ и къ окончательному выполненію нашей задачи. Что бы ни произошло, одно остается навѣки: что есть, то существуетъ въ силу необходимости. А если такъ, то оно должно быть и хорошо, потому что ничто не можетъ произойти въ мѣръ несогласно съ его собственной природой, въ противорѣчій со стремленіемъ жизни впередъ. Я вѣрю, что даже дурное — частица той силы, которая можетъ творить только хорошее.

Съ этой высоты я спокойно гляжу кругомъ на мѣръ съ его, повидимому, столь жестокими законами, не пугаясь ничего, потому что то, что я вижу

С кем?

за нимъ, какъ смыслъ всего происходящаго, даетъ мнѣ вѣру, непоколебимую твердую увѣренность въ благость этой судьбы, которая можетъ только очистить и возвысить меня, но никогда не можетъ погубить.

Будь, что будетъ; въ концѣ концовъ это приведетъ насъ къ свѣту, хотя бы и черезъ глубочайшій мракъ!

Life?

~ Какъ разъ мы стоимъ въ туманѣ, а впереди насъ
когда нибудь будетъ мракъ. Это не на землѣ
не основательная уверенность, бездоговорно
к счастливости, или же наоборотъ, или же
бы — «Оно должно быть и хорошо»
Такой же уверенности и на самомъ «полю».

IX. О формирующей силѣ окружающаго міра и о личной реакціи, какъ собственномъ дѣйстви.

(Бредъ зависимости).

„Докторъ, вы рассматриваете вещи съ особенной точки зрѣнія. Для меня власть законовъ природы представлялась всегда слѣпою, жестокою и безчувственной“.

Но взгляните на дѣло такъ, чтобы судить объ ихъ власти съ высшей точки зрѣнія, и вы перемѣните свое мнѣніе. Вы дѣлаете ту ошибку, что всегда все видите только съ точки зрѣнія своей собственной, незначительной личности. Вы должны встать на точку зрѣнія всей вселенной, если вы хотите отдѣлаться отъ ощущенія „слѣпой“ безчувственности всего происходящаго въ мірѣ.

Вы слишкомъ прилѣпились къ внешней сторонѣ вещей, къ преходящей, измѣнчивой ихъ оболочкѣ и не обращаете вниманія на внутреннее, неизмѣнное ядро. И потому вамъ показалось цѣннымъ то, что для природы самое маловажное, и вы признали свой жребій жестокимъ, слѣпымъ и несправедливымъ, какъ будто одежда болѣе цѣнна, чѣмъ человекъ, который ее носить и мѣняетъ.

Нѣтъ, любезный другъ, ваша точка зрѣнія была ложной, въ этомъ все дѣло. Глубже внутрь, гораздо глубже внутрь должны мы всматриваться и гораздо глубже жить. Тогда мы узнаемъ, въ чемъ заключаются настоящія цѣнности жизни. И

какъ только мы подыдемся на высоту, то мы можемъ охотно пожертвовать тѣмъ „жестокимъ и безчувственнымъ“, что уже не будетъ имѣть для насъ никакой цѣнности. Къ этому причисляю я весь этотъ окружающій міръ, успѣхи, положеніе и славу, которые мы по справедливости должны низко цѣнить.

„Постойте, докторъ, это не такъ. Въ концѣ концовъ мы остаемся все-таки тѣмъ, что дѣлаетъ изъ насъ такъ низко цѣнимый вами окружающій міръ“.

Какъ? Мы должны быть только продуктомъ того, что насъ окружаетъ? Ничего иного не говоритъ вамъ законмѣрность совершающагося въ природѣ? Маріонетками, танцующими на ниткахъ лишенныхъ любви случайностей лишь съ той разницей, что мы можемъ сжимать кулаки и скрежетать зубами.

Нѣтъ, центръ тяжести всякой реакціи на окружающій міръ лежитъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. „Благородному міръ представляется изнутри, и только пошлomu глупцу является онъ снаружи!“ *). Развѣ вы думаете, что ростъ изнутри кнаружи меньше отвѣчаетъ оклеветаннымъ законамъ природы?

„Однако, вы все же соглашаетесь, что все совершающееся въ мірѣ осуществляется только какъ реакція на внѣшнее раздраженіе. Отчего же такое прервѣніе къ этому послѣднему?“

Дѣйствительно, это такъ, но всякая реакція есть *свое собственное дѣланіе!*

Не внѣшнее раздраженіе служитъ опредѣляющимъ основаніемъ для формы того, что совершается,—оно только поводъ для этого. Но въ качествѣ формирующей причины въ тысячу разъ сильнѣе дѣйствуетъ природа затронутого раздраженіемъ объекта. Слѣдствіемъ его особенностей является то, что

*) Рих. Вагнеръ къ Матильдѣ Везендонкъ.

реакція происходитъ такъ или иначе, и отъ природы объекта зависитъ отвѣтъ на раздраженіе, а не отъ природы самого раздраженія.

Собственная наша природа принимаетъ раздраженіе въ себя, какъ бы оплодотворяется имъ и рождаетъ собственное дѣяніе. Камень не падаетъ, а совершаетъ паденіе. „Жизнь камня—быть тяжелымъ“. (Г. фонъ-Штейнъ).

Безъ сомнѣнія, во всякомъ событіи существуетъ извѣстное взаимоотношеніе. Всегда дѣло идетъ о взаимоотношеніи „субъектъ—объектъ“, при которомъ носитель раздраженія и предметъ, реагирующій на него, съ точки зрѣнія каждаго изъ нихъ могутъ признаваться дѣйствующими, смотря по тому, будетъ ли рассматриваться окончательный результатъ какъ обусловленный раздраженіемъ или же стремленіемъ къ болѣе отдаленнымъ цѣлямъ.

Первый образъ мышленія выражаетъ привычный намъ способъ пониманія событийъ какъ обусловленныхъ причинностью; второй—на ряду съ идеею причинности—выражаетъ внутреннюю необходимость также и телеологическаго пониманія. Основаніе и цѣль въ концѣ концовъ суть лишь двоякое направленіе, въ которомъ можетъ быть понимаемо теченіе событийъ. Оба способа рассмотрѣнія правильны, неправильно только признавать одинъ безъ другого. Однако, въ каждомъ конкретномъ случаѣ, свойство затронутаго раздраженіемъ индивидуума имѣетъ рѣшающее значеніе для опредѣленія характера реакціи, и если мы послѣднюю будемъ называть дѣйствіемъ, то этимъ мы выразимъ собственно вовсе не свойство носителя раздраженія, а самое большее—особенности его отношеній къ реагирующей индивидуальности.

Изъ этого соотношенія вытекаетъ также чувство

самосознанія и его оправданіе, потому что сознательно дѣйствовать во всемъ—это все-таки значить лишь реагировать, и тѣмъ не меньше самосознаніе вытекаетъ изъ глубины личной, душевной жизни, такъ что именно каждое „я“, т.-е. соединеніе въ данный моментъ всѣхъ нашихъ личныхъ свойствъ и представленій, а не какой-нибудь трансцендентальный призракъ, имѣетъ опредѣляющее значеніе для формы реакціи.

Въ этомъ воззрѣніи, которое перемѣщаетъ формирующую силу изъ окружающаго міра и его раздраженій въ самую внутреннюю сущность индивидуальности, въ этомъ подчеркиваніи значенія индивидуальнаго и оригинальнаго во всякомъ событіи, въ которомъ я не только стараюсь понять внѣшнее проявленіе, но въ особенности внутреннее основаніе, я усматриваю поворотный пунктъ нашего столѣтія. Старое поколѣніе принадлежало къ школѣ естественно-научнаго матеріализма, — грядущее снова предоставитъ индивидуальности и телеологическому образу мыслей¹⁾ присущее имъ по естественному праву мѣсто, выходя за тѣ предѣлы, которые ставило себѣ старшее поколѣніе, и радуясь тому, что въ теченіе послѣдняго десятилѣтія идеализмъ нашего времени съ силой бурнаго потока пробиваетъ въ духовной области новый путь. Здѣсь больше не приходится слышать о „формирующей силѣ окружающаго насъ міра“. Но о силѣ, посредствомъ которой индивидуальность образуетъ и себя и окружающій міръ, налагая на него свою печать,

¹⁾ Срав. объ этомъ: Francé „Жизнь растений“ и „Психологія растений“. (Изд. Franck въ Штутгартѣ). Проф. Pauly „Дарвинизмъ и Ламаркизмъ“. Опытъ психо-физической телеологіи и проф. Wolff „Обоснованіе ученія о происхожденіи“ (оба изданія Reinhardt'a въ Мюнхенѣ).

объ этомъ я уже слышалъ нѣсколько сильныхъ словечекъ.

Въ такомъ міровоззрѣніи мы нуждались уже давно. Мы слишкомъ сильно чувствовали себя, какъ жалкій результатъ внѣшнихъ вліяній. Это парализовало нашу нравственную дѣятельность; поэтому можно сказать, что съ этимъ ложнымъ представленіемъ еще не достаточно ревностно боролись, такъ какъ изъ него вытекаетъ цѣлый міръ практическаго материализма, матеріалистическаго пониманія жизни и образа жизни, которые имѣютъ въ себѣ нѣчто уничижающее и лишаящее достоинства, сравнительно съ освободительнымъ характеромъ такой мысли, какъ признаніе реакціи собственнымъ дѣломъ индивида.

Поэтому я имѣю право бороться посредствомъ этой мысли съ нервной слабостью вашихъ влеченій (Triebe), съ вашимъ безсильнымъ и часто малодушнымъ поведеніемъ, боящимся радостной жизненной борьбы. Нѣтъ ничего, что бы вы должны были меньше цѣнить и отъ чего меньше считать себя зависимымъ, чѣмъ этотъ окружающій міръ, — во всякомъ смыслѣ!

* * *

Небезполезно будетъ распространить эту мысль далѣе на практическія области знанія. На наше представленіе о жизни, о болѣзненномъ состояніи и на сродныя понятія падаютъ неожиданные лучи свѣта. Если вы заглянете въ наши учебники, то найдете, что тамъ обо всемъ говорится какъ о слѣдствіи „внѣшнихъ раздраженій“. Болѣзнь производится бактеріей, а не тѣмъ обстоятельствомъ, что я — человекъ вообще, или я, какъ отдѣльное лицо, можетъ быть, вслѣдствіе совершенно безразсуднаго образа жизни, не могу выносить этихъ тварей. Такъ, напр., тифозный гри-

бокъ оставляетъ многихъ незадѣтыми, несмотря на поглощеніе его; у многихъ отъ него дѣлается только легкій катарръ кишокъ и лишь у отдѣльныхъ индивидовъ сразу появляется тяжелый тифъ.

Форма реакціи зависитъ, такимъ образомъ, не отъ внѣшняго повода, а отъ нашей конституціи.

Никакой благоразумный человѣкъ не захочетъ вслѣдствіе этого устроить тифозному грибку ненарушимую идиллію въ нашихъ водахъ, также какъ и я не оставляю вашихъ нервовъ въ невыносимой для нихъ средѣ. Однакоже, настоящее лѣченіе, здѣсь какъ и тамъ, должно быть направлено на конституцію, на расположеніе, на возможность заболѣванія, что имѣетъ рѣшающее значеніе для того, можете ли вы вообще заболѣть или нѣтъ.

Все прошлое столѣтіе знало только именно такой взглядъ на реакцію, согласно которому главнымъ дѣломъ было внѣшнее раздраженіе; природа же реагирующаго оставалась въ сторонѣ, какъ нѣчто второстепенное.

Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ признавали, совершенно непослѣдовательно, и такъ называемыя специфическія реакціи, при которыхъ дѣло происходило наоборотъ. Напр., тонко дифференцированные органы зрительнаго нерва реагируютъ на всевозможныя раздраженія всегда лишь своими спеціальными оптическими ощущеніями,— но это считалось исключеніемъ. Противъ этого мы принуждены теперь выдвигать на первый планъ возрѣнія конституціональной патологии.

Какъ съ бациллами, такъ и съ ядами: онѣ суть яды только для опредѣленнаго рода существъ, а не сами по себѣ. Считать ли ихъ ядами,—это зависитъ не отъ природы самаго ихъ вещества, а отъ

природы того, кто ихъ поглощаетъ. „Что одному сова, то другому соловей“.

ручка у зорко

Со всей своей точной научностью мы очень часто остаемся на поверхности вещей. Когда мы узнали, какъ осуществляется то или другое, то мы сейчасъ уже думаемъ, что разглядѣли вещи насквозь. Когда мы знаемъ, что для извѣстнаго дѣйствія нужно то и то, мы думаемъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ уже выразили сущность вещи.— „Части мы имѣемъ въ рукахъ, недостаетъ только, къ сожалѣнiю, духовной связи“.

Нѣтъ, мы должны изучить вещи гораздо глубже, если мы хотимъ ихъ узнать; мы должны изучить ихъ изнанку, не только внѣшнiе поводы событiй, но ихъ внутреннiя основанiя: причину причинъ (das Warum des Warum).

Посмотрите сюда, я ударяю эту склянку. Скажите мнѣ, пожалуйста, почему она опрокинулась? Потому ли, что я ее ударилъ? Вовсе нѣтъ, а потому, что въ ея природѣ есть возможность паденiя, когда я по ней ударяю. Отчего не падаетъ это прессъ-папье? Я вѣдь тоже ударилъ по нему?—Нѣтъ, мы не просто продукты окружающей насъ среды; мы прежде всего индивидуы, и моя задача должна поэтому состоять не въ томъ, чтобы устранять всѣ неудобства на вашемъ жизненномъ пути или научить васъ искусно уклоняться отъ ударовъ, наносимыхъ жизнью; это было бы жалкой зависимостью отъ вещей и отношенiй окружающей васъ среды. Нѣтъ, моя задача другая—поставить васъ на такое широкое основанiе, чтобы вы перенесли, когда васъ ударятъ, а не падали сейчасъ же на землю съ жалобами, если кто-нибудь вблизи неосторожно кашляетъ.

Вы видите, что вовсе не будетъ непрактичнымъ, если мы углубимся и въ теоретическiе вопросы.

Х. О необходимости. О нравственной свободѣ и объ отвѣтственности.

„Докторъ, я не могу удовлетвориться низкой оцѣнкой случайной окружающей меня жизненной среды. Разъ я, благодаря наслѣдственности и общественнымъ отношеніямъ, пришелъ къ тому, что я есть, то хотя я и буду, по вашему рецепту, радостно говорить „да“ всему происходящему,—что не всегда идетъ у мен яоть сердца,—я все-таки навсегда останусь рабомъ необходимости. Я не вижу свободнаго дѣйствія, какимъ представляется вамъ личная реакція индивида“.

Слишкомъ много возраженій за разъ, другъ мой! Прежде всего кто же хочетъ, чтобы рекомендованное мною спокойствіе мудреца выродилось въ сонливость? Но „стоять выше“ не значитъ предоставить всему итти такъ, какъ оно идетъ, а значитъ: поступать такъ, чтобы не предавать себя своимъ ощущеніямъ и возбужденіямъ, не имѣя власти надъ ними.

„Смотри же, совершай свое дѣло!

И пусть будетъ то, чему слѣдуетъ быть“ (Гита).

Согласіе съ признанными законами совершающагося, сознательное, гордое включеніе себя въ строй стремящейся къ верху гигантской организаціи побуждаетъ насъ къ дѣятельности и не терпитъ неподвижности и празднаго созерцанія.

Вещи, находящіяся кругомъ васъ, тоже вовсе не

должны вамъ нравиться. Онѣ должны возбуждать въ васъ недовольство, а изъ недовольства должно возникнуть въ васъ страстное стремленіе, а изъ стремленія—дѣйствіе. И что будетъ отъ васъ требоваться—священный ли гнѣвъ или покойное, но сильное содѣйствіе,—все равно это не измѣняетъ въ основаніи вашей радостной покорности. Благодаря послѣдней, вы прежде всего становитесь способными разсудительно и умно поступать и плодотворно работать. Для меня было бы настоящимъ безсиліемъ по всякому поводу говорить „да“. Гдѣ же тогда была бы активность при этого рода активномъ смиреніи!

А врожденное предрасположеніе? А общественная среда?—Да, если мы должны идти впередъ, то обращеніе назадъ должно заставлятъ насъ немного страдать. Если бы наши предки передали намъ по наслѣдству только безусловно хорошія качества, то намъ оставалось бы только пользоваться чистымъ доходомъ съ этого наслѣдства, и движеніе впередъ остановилось бы.

Сверхъ того вы несправедливы. Наслѣдственность даетъ въ ваше распоряженіе все то, что въ васъ есть, слѣдовательно, вмѣстѣ съ нѣкоторыми слабостями, присущими вамъ, и всѣ ваши хорошія наклонности.

Все это, а равно и общественная среда, указываетъ вамъ лишь на то, чѣмъ вы можете быть, а не на то, чѣмъ вы должны быть непременно. Въ худшемъ случаѣ это объясняетъ развитіе вашихъ дурныхъ и слабыхъ сторонъ и указываетъ для нихъ смягчающія обстоятельства; но этимъ еще не сказано, что вы не можете найти также и другихъ путей или развить въ себѣ другія лучшія стороны вашего существа. Во всякомъ случаѣ вы имѣете передъ собой богатый выборъ.

Весь вашъ образъ мыслей заключаетъ въ себѣ одну ошибку:—онъ незаконченъ. Вы доходите въ своей мысли до детерминизма и останавливаетесь; ваша мысль приходитъ къ тому факту, что всякое событіе необходимо совершается такъ, какъ оно происходитъ, потому что все можетъ совершаться только въ предѣлахъ послѣдовательнаго хода причины и слѣдствія, въ предѣлахъ причиннаго ряда; но вы не проводите вашей мысли дальше, не додумываете до конца. Между тѣмъ именно детерминизмъ, ученіе о безусловной условности всего происходящаго, даетъ намъ впервые возможность говорить о личной свободѣ!

Послушайте-ка!—Человѣкъ дѣйствуетъ, и его наблюденіе научаетъ его, что это онъ, который дѣйствуетъ. Такъ приходитъ онъ къ сознанию самого себя, къ самосознанію. Далѣе, онъ дѣйствуетъ закономерно, т.-е. на основаніи представленій, выработанныхъ имъ самимъ въ его собственномъ мозгу, затѣмъ вслѣдствіе инстинктовъ, т.-е. представленій, имѣющихъ древній, унаслѣдованный характеръ, которыя уже являются готовыми, и которыя ему не приходится сначала выработать. Изъ процесса обмѣна этихъ представленій результируетъ дѣйствіе.

Однако, то обстоятельство, что оно закономерно, нисколько не измѣняетъ того, что оно есть личное дѣйствіе. То, что я въ своихъ поступкахъ подчиняюсь закономернымъ условіямъ, ничего не измѣняетъ въ правотѣ моего чувства, исходя изъ котораго мы говоримъ: „я“ дѣйствую. И даже когда мы поступаемъ по принужденію, все же для нашего сознанія рѣшающимъ обстоятельствомъ остается то, что мы это дѣлаемъ.

Это, однако, вовсе не свобода?—Конечно, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ,—впрочемъ, едва ли вы будете искать въ моихъ воззрѣніяхъ мысли объ отсутствіи

обусловленности или о безпричинности. Но за всё́мъ этимъ оказывается, можетъ быть, гораздо больше свободы, чѣмъ вы думаете. Но я еще не могу начинать разговора объ этомъ нѣсколько растяжимомъ понятіи. Если я вамъ долженъ отвѣтить, то раньше я все-же долженъ узнать, что вы разумѣете подъ свободой, т.-е. *отъ чего* я долженъ быть свободенъ.

Несвободенъ я постольку, поскольку я завишу отъ предметовъ, находящихся внѣ меня; свободнымъ я могу назвать себя тогда, когда я не завишу ни отъ чего, кромѣ самого себя. Но возрастаніе этой свободы, созданіе нравственныхъ цѣнностей есть наша ближайшая цѣль въ процессѣ развитія и, безъ сомнѣнія, одна изъ главнѣйшихъ нашихъ цѣлей вообще.

Человѣкъ для меня есть первое изъ земныхъ существъ, которое, въ силу развитія своего головного мозга, въ состояніи до извѣстной степени выступать изнутри себя наружу и противопоставлять себя самому себѣ, чтобы затѣмъ собственное „я“ сдѣлать предметомъ интереснаго изученія.

При этомъ онъ видитъ прежде всего, что все происходитъ законосообразно и съ необходимостью. Но подобно тому, какъ Фаустъ по отношенію къ Мефистофелю пришелъ къ отличной идеѣ заключить съ нимъ договоръ, лишь когда выяснилось, что адъ тоже имѣетъ свои права и законы, такъ и для насъ только изъ познанія этой закономерности нашихъ жизненныхъ явленій получается возможность считаться съ ихъ причинами и вытекающими изъ нихъ дѣйствіями. Мы можемъ установить, какія дѣйствія должны слѣдовать за извѣстными причинами, иначе говоря—какія причины лежатъ въ основѣ тѣхъ или другихъ слѣдствій, короче сказать, мы можемъ узнать, что намъ вредно и что полезно, мы можемъ обозрѣть, по крайней мѣрѣ до извѣстныхъ предѣловъ, смѣну на-

шихъ представленій и мотивовъ и можемъ использовать это знаніе!

Эта разсматривающая дѣятельность имѣетъ два важныхъ слѣдствія. Во-первыхъ, то, что мы такимъ образомъ увидимъ, безпрепятственно становится само частью общаго состава нашихъ представленій и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ болѣе или менѣе значительное вліяніе на выработку руководящихъ нами мотивовъ; во-вторыхъ, оно приводитъ къ чувству отвѣтственности, вытекающему изъ возможности заранѣе предвидѣть слѣдствія нашихъ поступковъ, чтобы въ процессѣ мотивированія еще до совершенія дѣйствія переработать ихъ. Поскольку мы такимъ образомъ въ состояніи бросить взглядъ на послѣдствія нашего образа дѣйствій и воспользоваться этимъ знаніемъ, постольку мы становимся фактически отвѣтственными за наши дѣйствія.

Въ этомъ заключается также въ скрытомъ видѣ понятіе личной свободы, т.-е. извѣстной свободы и независимости отъ внѣ насъ находящихся условій. Постараемся нѣсколько ближе выяснить положеніе этого дѣла.

Абсолютный детерминизмъ учитъ, что наши рѣшенія суть закономерный выводъ изъ нашей природы, которая сама есть продуктъ прирожденныхъ нашихъ склонностей и воспитанія.

Я этимъ вовсе недоволенъ. При взвѣшиваніи нашихъ рѣшеній мы кладемъ на чашку вѣсовъ не только инстинктивныя стремленія и мотивы высшаго рода, но посредствомъ нашего познанія мы пріобрѣтаемъ представленія, имѣющія рѣшающее значеніе, которыя при мотивированіи мы опускаемъ на чашку вѣсовъ вмѣстѣ съ другими мотивами какъ нѣчто искони намъ свойственное.

Инстинктивныя стремленія ведутъ свое начало отъ

нашихъ прирожденныхъ и унаслѣдованныхъ склонностей и способностей; побудительныя причины представляютъ преимущественно результатъ нашего воспитанія и всего нашего внутренняго процесса развитія. Тѣ и другія обнаруживаютъ прежде всего вліяніе окружающей насъ внѣшней среды. Но тѣ рѣшающія представленія, которыя проистекаютъ изъ факта нашей познающей способности, принадлежатъ въ гораздо большей степени намъ самимъ и представляютъ собою результатъ того періода развитія, когда мы на основаніи нашихъ склонностей и способностей и нашего воспитанія сдѣлались уже самостоятельной личностью.

Ведетъ ли это познаніе къ представленіямъ, имѣющимъ въ виду страстно желаемыя послѣдствія, т.-е. къ побужденіямъ, или къ представленіямъ, которыя хотятъ устранить нѣчто такое, чего опасаются, т.-е. къ постановкѣ преградъ,—въ обоихъ случаяхъ это познаніе можетъ представлять величину, которая, правда, колеблется между самыми мелкими цѣнностями и выдающеюся силою, но посредствомъ которой мы, однако, въ состояніи господствовать надъ нашей низшей, инстинктивной жизнью. Это такая способность, которую мы можемъ пріобрѣсти зависящимъ отъ нашей воли трудомъ и вполнѣ сознательнымъ упражненіемъ, и которую мы, какъ нервныя люди, вдвойнѣ должны стараться пріобрѣсти.

„Ибо счастливъ лишь тотъ, кому удастся,

Пока онъ несетъ еще бремя жизни,

Преодолѣть посредствомъ силы познанія

Стремленія, рождающія похоть и гнѣвъ“ (Гита).

Эти рѣшающія представленія обуславливаютъ такимъ образомъ нашу нравственную свободу и пробуждаютъ въ насъ чувство свободы нашихъ дѣйствій,

Бухаринъ Гита

которою мы обладаемъ вопреки всякому детерминизму. И это чувство свободы является для васъ вполне обоснованнымъ, такъ какъ довольно извѣстно, что его происхожденіе въ противоположность ранѣ существовавшимъ цѣнностямъ—первоначальнымъ склонностямъ и воспитанію — пріобрѣтается лишь своею собственной личностью.

Слѣдовательно, нравственная свобода въ этомъ смыслѣ обозначаетъ извѣстную независимость отъ внѣшнихъ вліяній, такъ какъ на основаніи нашего познанія для рѣшенія преобладающее значеніе имѣетъ зависимость отъ внутреннихъ мотивовъ.

Что все это происходитъ закономерно — не измѣняетъ ничего въ томъ фактѣ, что оно происходитъ такъ, какъ я уже ранѣ объяснялъ. Само собой разумѣется, что цѣнность рѣшающихъ представленій и познанія обусловливается собственной природой даннаго существа; этимъ вставляется какъ бы промежуточный членъ въ расчеты детерминизма. Но именно тотъ фактъ, что онъ вставляется закономерно и даже какъ высшая, а часто и рѣшающая инстанція—одинаково разсудочнаго и нравственнаго характера, это служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ справедливости моего взгляда.

Этотъ промежуточный членъ былъ пропущенъ въ расчетахъ детерминизма, а между тѣмъ онъ могъ очень хорошо служить мостомъ для пониманія чувства личной свободы, не отказываясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ строгой законности детерминизма.

Итакъ, мотивы нашей дѣятельности пріобрѣтаютъ свою форму и видъ также изъ побудительныхъ представленій, причины которыхъ лежатъ въ насъ самихъ, и которыя суть результатъ познавательной способности нашего головного мозга. Такимъ образомъ, мы сами въ силу нашей познавательной спо-

собности и черезъ посредство нашихъ собственныхъ поступковъ становимся часто рѣшающимъ мотивомъ нашей собственной мотивировки. И постольку мы становимся свободными, т.-е. поскольку мы зависимъ только отъ самихъ себя.

Мы свободны не въ полнѣ; въ историческомъ развитіи мы стремимся только къ достиженію этой свободы. Но чѣмъ болѣе развивается въ насъ то, что мы называемъ нравственнымъ сознаниемъ нашей личности, тѣмъ мы дѣлаемся болѣе свободными, но, разумѣется, не въ смыслѣ ложнаго понятія безусловной, неограниченной законами свободы выбора и произвола, которой нѣтъ и никогда не можетъ быть.

Въ смыслѣ изложеннаго мы можемъ сказать, что нравственная свобода и отвѣтственность фактически встрѣчаются нами впервые у человѣка, что и выдѣляетъ насъ весьма значительно изъ числа другихъ земныхъ существъ и возвышаетъ надъ ними. Итакъ, тотъ, кто останавливаетъ свою мысль на детерминизмѣ, тотъ, по моему мнѣнію, не продумываетъ ея до конца; дѣло идетъ еще дальше, и какъ разъ только изъ закона необходимости вытекаетъ возможность свободы, дѣлающей насъ людьми.

Этотъ путь—освободить мысль о личной свободѣ нашихъ поступковъ изъ оковъ незаконченнаго детерминистическаго способа мышленія—можетъ показаться вамъ съ перваго раза непривычнымъ; но, несмотря на то, мы въ правѣ къ нему обратиться. Понятіе свободы, выступающее при этомъ наружу, во всякомъ случаѣ находитъ себѣ удовлетворительное психологическое объясненіе и вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ его и чувство свободы, живущее въ насъ и не представляющее собою самообмана.

Но я могу себѣ представить еще и другой видъ свободы, который имѣеть значеніе по отношенію къ нервности. Къ сознанію этой свободы я прихожу тогда, когда я привелъ мою дѣятельность и мою мысль въ такое полное согласіе съ признанными нравственными требованіями, что ни въ какую минуту не чувствую уже, что это суть требованія и законы, для которыхъ нужны жертвы послушанія. Тогда именно я повинуюсь имъ уже не какъ рабъ, и побужденіе къ сопротивленію является уже невыносимымъ, потому что я настолько вполне объединилъ себя съ этими требованіями, настолько усвоилъ ихъ себѣ, что дѣйствую и долженъ дѣйствовать такъ по своей природѣ и могу дѣлать лишь то, что законъ вынужденъ требовать отъ того, кто самъ этого не исполняетъ.

Я тогда дѣйствую по своей склонности, отъ самого себя такъ, какъ будто бы мнѣ приказывалъ господинъ. Этимъ я избѣгаю для моего сознанія рабства, потому что я могу уже тогда не чувствовать для моихъ дѣйствій никакихъ преградъ. Я желаю только того и не могу желать ничего другого, кромѣ того, что могъ бы требовать отъ насъ высшій нравственный идеаль.—И это была бы тоже „свобода“!—

* * *

А что касается до отвѣтственности, то я думаю, что она ничего не теряетъ отъ признанія факта необходимой условности моихъ поступковъ. Все же предвидѣніе послѣдствій обязываетъ!—Какъ я объ этомъ думаю,—я уже говорилъ вамъ раньше. Однако, я иду еще дальше. Чѣмъ выше нравственная ступень, достигаемая человѣкомъ въ силу своего познанія, тѣмъ дальше видитъ онъ въ ходѣ событій, глядя на нихъ и впередъ и назадъ, и наша отвѣтственность возрастаетъ вмѣстѣ съ де-

терминистическимъ пониманіемъ,—этой единственно возможной научной формой пониманія.

Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ отвѣтственъ не только за самый поступокъ, но, можетъ быть, въ еще большей степени за появленіе обусловившихъ его мотивовъ, слѣдовательно, за волеобразующіе моменты, потому что въ самомъ дѣйствиіи стремленія и мотивы осуществляются часто непосредственно и съ большою силою и не даютъ высшимъ намѣреніямъ достаточно времени, чтобы сказать свое слово.

Въ мотивахъ же заключена изъ прошлаго времени уже большая часть приобрѣтенныхъ ранѣе и собранныхъ вмѣстѣ цѣнностей. Поэтому я вами недоволенъ не только потому, что вы подпали тому или иному искушенію, но потому что вообще вы имъ могли подпасть. Важнѣе, чтобы я васъ считалъ болѣе отвѣтственнымъ за образованіе вашихъ побудительныхъ причинъ, чѣмъ за самое намѣреніе, слѣдовательно, за „мотивы вашей мотивировки“, какъ я это назвалъ.

Наша нравственная отвѣтственность только возрастаетъ при такомъ возрѣннн, и это совершенно безразсудный упрекъ, когда про детерминиста говорятъ, что онъ не признаетъ никакой отвѣтственности и удобно извиняетъ все и всякаго, основываясь на его, къ сожалѣнію, несовершенной природѣ, противъ которой ужъ ничего нельзя сдѣлать.

Никто не имѣетъ столь исключительно дурныхъ наклонностей, чтобы онъ вслѣдствіе этого фактически лишень былъ возможности превратить свой „природенный темпераментъ“ въ „приобрѣтенный характеръ“.

Въ теченіе всей нашей жизни мы не должны переставать работать надъ воспитаніемъ нашей нравственной личности. Въ этомъ отношеніи мы слишкомъ охотно садимся на скамью лѣнливыхъ. Но поэтому-то и существуютъ будильники стремленій—удары судьбы,

которыя какъ бы преслѣдуютъ насъ ударами дубины или уколами иголки. Они будятъ насъ, смотря по надобности, болѣе или менѣе осторожно; тогда мы дѣлаемъ снова нѣсколько шаговъ впередъ, пока опять не начинаемъ думать, что можемъ успокоиться на своихъ лаврахъ.

XI. Обь эгоизмъ и альтруизмъ.

„Да, докторъ, со свободой у меня вышло какъ разъ такъ, какъ вы описываете. Она такъ основательно была мнѣ испорчена детерминизмомъ, что я, наконецъ, сталъ смотрѣть на все вкривь и вкось! Какая была мнѣ польза отъ того, что мое чувство возставало противъ, повидимому, принудительнаго ученія о необходимости! Но вы мнѣ дѣйствительно показали дорогу, по которой я снова могу привести мое мнѣніе въ согласіе съ моимъ чувствомъ.

Вашъ скачокъ отъ детерминизма къ нравственной свободѣ имѣеть для меня нѣчто освободительное и подаетъ мнѣ надежду, что вы мнѣ поможете также и въ другомъ пунктѣ.

Есть еще другое воззрѣніе, которое нанесло глубокую рану моей нравственной волѣ. Давидъ Штраусъ въ одномъ мѣстѣ своей знаменитой книги „О старой и новой вѣрѣ“ порицаетъ христіанскій образъ мыслей за то, что нравственный образъ жизни вынуждается имъ наградами и адскими наказаніями, тогда какъ мы должны хорошо поступать ради самаго добра. И мнѣ пришла въ голову та мысль, что всѣ наши поступки всегда вытекаютъ изъ чисто эгоистическихъ побужденій. Мы ищемъ всегда только то, что можетъ намъ доставить наслажденіе, и стараемся избѣжать того, что приноситъ намъ непріятность, коротко сказать — каждое доброе дѣло совершается нами лишь по-

тому, что оно, несмотря на личную жертву, все же приятнѣе, чѣмъ неисполненіе его.

Напримѣръ, я даю нищему талеръ, который мнѣ самому можетъ быть нуженъ. Но я дѣлаю это не потому, что я такимъ образомъ хочу сдѣлать благодѣяніе,—лично для меня нищій совершенно безразличенъ,—но потому, что мнѣ было бы тяжело этого не сдѣлать. Если правильно посмотрѣть, то все красивыя слова объ альтруизмѣ—не что иное, какъ пустые разговоры, которыми не выманишь собаки изъ-за печки“.

Нѣтъ никакого основанія, другъ мой, для того чтобы отчаиваться въ существованіи нравственнаго порядка въ вещахъ. То, что вы объ этомъ думаете, есть тоже лишь слѣдствіе недостаточно серьезнаго обдумыванія. Раньше вы остановились на фактѣ детерминизма и не хотѣли пойти далѣе, хотя изъ-за дверей кивала вамъ свобода; такъ и теперь вы только испугались одного слова, содержаніе котораго вы просто недостаточно исчерпали.

Само собой разумѣется, мы все поступаемъ по принципу: „дѣлайте такъ, чтобы блаженствовать“. Прочь непріятности! Впередъ наслажденіе! — Но посмотрите же, пожалуйста, хорошенько, что приносить вамъ наслажденіе и страданіе? Состраданіе и сочувствіе, любовь къ ближнему управляютъ вашими ощущеніями, правда, лишь потому, что вы сострадаете. Но все это не больше, какъ ловкій шахматный ходъ природы для того, чтобы принудить васъ къ выполненію альтруистическихъ дѣйствій.

Развѣ вы не видите, что вашъ эгоизмъ удовлетворяется только тѣмъ, что вы дѣлаете въ смыслѣ любви къ ближнимъ? Счастливое ощущеніе лишь тогда вливается въ вашу грудь, когда вы дѣлаете что-нибудь для другихъ вмѣсто того, чтобы сдѣ-

лать для себя,—и такимъ образомъ мнимый эгоизмъ правила „дѣлай такъ, чтобы блаженствовать“ заключаетъ въ себѣ самую альтруистическую мысль, какой вы только можете желать.

А себялюбіе?—Настоящій, противный крайній эгоизмъ? Да, любезный другъ, если вы будете къ нему стремиться, то, конечно, сейчасъ же замѣтите, что себялюбіе вовсе не есть любовь къ самому себѣ. Вы не можете въ большей степени итти противъ самого себя и дѣлать себя несчастнѣе, чѣмъ вы это дѣлаете своими мнимо себялюбивыми поступками.

Логическая мышеловка,—что уже не разъ доставляло мнѣ случай посмѣяться, и не больше, какъ геніальная шутка природы, въ видахъ достиженія своихъ цѣлей. На сало ловятъ мышей!

Въ этомъ случаѣ происходитъ какъ разъ то же самое, что и съ вопросомъ относительно зла. Въ сущности, зло само по себѣ вовсе не существуетъ, и самое злое обозначаетъ лишь несовершенную степень развитія добраго; также и эгоизмъ съ альтруизмомъ вовсе не представляютъ собою противоположностей, какъ вы думаете, но одинъ развился изъ другого.

Слѣдовательно, альтруизмъ есть только высшій, утонченный родъ эгоизма. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что вы находите послѣдній даже за самыми, повидимому, безкорыстными поступками.

Съ такими явленіями мы встрѣчаемся вездѣ, гдѣ мы имѣемъ передъ собою процессъ развитія. То, что раньше было употребительно, полезно, позволительно и нравственно, то кажется позднѣйшимъ поколѣніямъ грубымъ и пошлымъ, противнымъ и недостойнымъ челоуѣка, словомъ, считается уже преодолѣнной точкой зрѣнія.

Не будемъ поэтому слишкомъ гордиться тѣмъ, что мы называемъ теперь хорошимъ и самоотверженнымъ. Придетъ послѣ насъ время, которое съ нравственнымъ неодобреніемъ посмотритъ на то, что теперь кажется намъ столь чрезвычайно хорошимъ.

ХII. О случаѣ, о цѣли и о предвидѣніи.

„При вашемъ способѣ мышленія, докторъ, нужно дѣйствительно примириться съ властью законовъ природы, но мнѣ кажется, что существуетъ маленькое исключеніе, именно—случай.

Безъ сомнѣнія, случай есть только противоположность преднамѣренности, а вовсе не необходимости; но именно о немъ-то мнѣ было бы интересно знать, какъ вы съ нимъ справитесь. Итакъ, что же мы будемъ съ нимъ дѣлать?“

Это я вамъ скажу. Пожалуйста, запишемъ его на нашъ собственный долговой счетъ.

Я, конечно, не имѣю въ виду тѣхъ настоящихъ случайностей, которыя являются на пересѣченіи двухъ любыхъ направленій движенія, не имѣющихъ другъ къ другу никакого касательства. Эти послѣднія относятся къ рубрикѣ „печальное происшествіе“ и принадлежатъ къ злымъ шуткамъ природы, надъ которыми или смѣются, или, въ худшемъ случаѣ, ихъ слѣдуетъ переносить если и съ огорченіемъ, то безъ личнаго раздраженія, какъ, напр., когда коварный вѣтеръ снесетъ шляпу съ благородной головы.

Но то, что правильно называется „случаемъ“, — это есть, какъ вѣрно говоритъ Элленъ Кей, только выраженіе для еще неоткрытыхъ закономѣрностей, и мнѣ такой случай часто представляется именно какъ событіе, которое судя, по результату, имѣетъ характеръ намѣреннаго.

Въ сущности утверждать это не имѣеть смысла, потому что намѣреній въ предметахъ вовсе не существуетъ. Наши разговорныя привычки побуждаютъ нашу мысль къ такимъ неточностямъ. Строго говоря, мы должны бы были разсуждать только о свойствахъ, которыми мы пользуемся для выполнения того или другого намѣренія; въ такомъ случаѣ вещи будутъ имѣть цѣль для насъ, но не сами по себѣ. Керосинъ имѣеть драгоцѣнное свойство горѣть свѣтящимъ пламенемъ; мы употребляемъ это свойство для цѣлей освѣщенія; но нельзя сказать, чтобы керосинъ имѣлъ цѣль или намѣреніе освѣщать: онъ только выполняетъ эту цѣль.

Такъ изъ событія, въ которомъ мы усматриваемъ извѣстное стремленіе къ цѣли, можетъ вытекать для насъ намѣренность, которую мы, однако, выводимъ лишь изъ дѣйствія. Мы не должны говорить о самомъ фактѣ, что въ немъ или за нимъ или гдѣ-нибудь еще находится намѣреніе. Но въ насъ лежитъ и составляетъ наше свойство то, что мы позволяемъ факту дѣйствовать на насъ такъ или иначе, черезъ что онъ пріобрѣтаетъ и выполняетъ извѣстную цѣль, соотвѣтствующую тому стремленію къ цѣлесообразности всего цѣлаго, которое хотя и не направлено именно на это дѣйствіе, но проявляетъ общую тенденцію всего совершающагося.

Такъ мы и говорили о страданіи, о грѣхѣ и о несчастіи, что они имѣютъ для насъ или, вѣрнѣе, выполняютъ намѣреніе повышать нашу внутреннюю цѣнность, пробуждать въ насъ стремленія къ высшимъ цѣлямъ, стремленіе къ Богу. Именно цѣлесообразность фактовъ такова, что она дѣйствуетъ на насъ такимъ образомъ, или, еще правильнѣе, въ насъ заключается то, что позволяетъ намъ реагировать на случайности.

Однако, какъ я уже упомянулъ однажды, „никто не избѣгаетъ своей участи“. Мы вѣдь представляемъ собою личныя, индивидуальныя реакціи на окружающій міръ и въ проявленіи этихъ такъ называемыхъ случайностей и судьбы мы гораздо болѣе ответственны, чѣмъ обычно думаютъ.

Случай, наконецъ, есть именно то, что съ кѣмъ-нибудь случается; но съ даннымъ лицомъ случается только то, къ чему оно предназначено или настроено. Это должно значить, что изъ сотенъ существующихъ возможностей данная личность извѣстнымъ образомъ дѣлаетъ выборъ, т. е. она реагируетъ только на тѣ изъ этихъ случайныхъ возможностей, которыя находятъ себѣ въ данную минуту наилучшую почву для отклика.

Значить, случай не есть нѣчто чисто пассивное, что только претерпѣвается, но заключаетъ въ себѣ и активный моментъ—личное настроеніе, которое принимаетъ лишь такіе тоны и колебанія изъ окружающей среды, которые отвѣчаютъ личнымъ, именно преобладающимъ въ данный моментъ видамъ колебаній.

Эти отношенія мы можемъ сравнить съ химическимъ сродствомъ. Въ смѣси многое можетъ уживаться просто рядомъ; но гдѣ есть сильное сродство, тамъ молекулы быстро стремятся другъ къ другу, и если мелкія частицы не соображаютъ этого, то онѣ тоже говорятъ о „случайномъ“ совпаденіи.

Иногда при этомъ почти можно говорить о принудительныхъ явленіяхъ,—такъ насильственно и неизбѣжно является иному судьба въ видѣ случайности. Но не давайте себя въ обманъ; она настаиваетъ васъ на основаніи имѣющагося налицо сродства.

Вы думаете, что я сохранилъ при этомъ для моихъ

возрѣній нѣкоторый родъ „предвидѣнія“ и „промысла“? Да, я это сдѣлалъ, хотя и не въ смыслѣ предусматривающаго, сознательнаго промысла, ведущаго къ какимъ-нибудь лично касающимся насъ особымъ намѣреніямъ. Но мы должны извѣстныя дѣйствія, на основаніи которыхъ нѣкоторые люди заключаютъ о существованіи персонифицированнаго Промысла, снова вложить въ вещи, какъ закономѣрныя качества, которыя развиваются въ нихъ, потому что они только такъ отвѣчаютъ направленнымъ къ высшимъ цѣлямъ тенденціямъ общаго хода міровой жизни.

Такимъ образомъ мы сами подготовляемъ себѣ и случай, въ томъ смыслѣ, что отъ насъ, отъ нашего временнаго настроенія зависитъ то, какой случай намъ достанется.

Поэтому бываетъ такъ много необыкновенныхъ и чрезвычайныхъ случаевъ, по поводу которыхъ такъ много удивляются, именно удивляются, что они какъ разъ попадаютъ куда слѣдуетъ, чего не должно было бы вовсе ожидать отъ „случая.“

Итакъ, не надо никакихъ благовидныхъ предложений и извиненій. Кушайте всегда ту кашу, которую вы сами себѣ заварили, и не браните тѣхъ, кто въ ней не виноватъ. Правда, вы не всегда можете заказать себѣ „случай“, но, несомнѣнно, онъ всегда будетъ избранный и заслуженный. Мы только не видимъ внутренняго сцѣпленія случаевъ; поэтому они и являются для насъ такими „непреднамѣренными“.

Древніе индусы высказали эту мысль въ своихъ Ведахъ въ удивительно прекрасныхъ выраженіяхъ: „Ты приходишь къ тому, чего ищешь твоя душа“, т.-е. чѣмъ наполнено твое сердце, то съ тобою и случается. Такъ, случай проникаетъ въ самую глубину

нашей души и напоминает намъ: содержи твое сердце и твои мысли въ чистотѣ, тогда тебя не коснутся грязь и опасности судьбы. У тебя не будетъ почвы для отзвука на нихъ.

Мы именно не должны оставлять безъ вниманія то, что случай есть лишь только ведущее къ заблужденіямъ выраженіе для явленій, относящихся къ связямъ высшаго порядка, внутри которыхъ мы считаемъ себя до извѣстной степени самостоятельными, но эта самостоятельность въ дѣйствительности, навѣрное, гораздо меньше, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ. Мы ровно столько же или столь же мало независимы относительно ихъ, какъ напр., одна изъ нашихъ клѣточекъ печени относительно нашего головного мозга. Какъ знать, не думаетъ ли и она, что дѣйствуетъ столь же самостоятельно, какъ и мы о себѣ воображаемъ.

Законы психогеніи, законы душевной или общенервной обусловленности всего совершающагося въ насъ имѣютъ значеніе не только относительно нашего тѣла, но въ переносномъ смыслѣ и относительно всего; такимъ образомъ, и для болѣе обширныхъ единицъ, части которыхъ мы представляемъ собою. Мы только не замѣчаемъ тѣхъ невидимыхъ нервныхъ нитей, отъ которыхъ зависитъ наша такъ называемая собственная жизнь, общія вліянія, духъ времени, настроеніе человѣчества или извѣстнаго народа; и только спокойно и внимательно замѣчающій иногда узнаетъ о нихъ. „Не умѣя сказать, откуда и какъ это произошло, замѣчаютъ вѣчное во времени и необходимое въ послѣдствіяхъ случайности“ *).

Здѣсь является снова мысль объ извѣстномъ „про-

*) Шиллеръ. Объ эстетическомъ воспитаніи человѣка, 19-ое письмо.

мысль“. Припомнимъ хотя бы тотъ фактъ, что, напр., идеи не возникаютъ въ одной головѣ, но обыкновенно одновременно появляются въ самыхъ различныхъ пунктахъ. Отдѣльныя головы суть какъ бы увеличительныя стекла, черезъ которыя общій потокъ свѣта собирается въ разныхъ мѣстахъ и сосредоточивается какъ бы въ фокусѣ. Такія мысли, говорятъ обычно, носятя въ воздухѣ, и расцвѣтъ идеализма нашего времени есть столь же хорошій примѣръ этого, какъ и періодъ естественно-научнаго материализма, или эпоха возрожденія, или періодъ реформаціи, крестовыхъ походовъ, переселенія народовъ и проч. и проч. Мы часто бываемъ въ высшей степени удивлены, когда думаемъ, что нашли что-нибудь оригинальное, и потомъ вдругъ принуждены бываемъ признать, что найденное нами въ равной мѣрѣ принадлежитъ и другимъ.

Такимъ образомъ, случай есть не что иное, какъ выраженіе для еще неустановленныхъ закономерностей и вмѣстѣ съ тѣмъ названіе для недостаточно опредѣлившихся наблюденіемъ связей въ жизни человѣческаго рода, какъ цѣлаго.

Промысль лежитъ въ потокѣ божеской энергіи, который, какъ господствующій, дающій направленіе тонъ, проходитъ чрезъ вселенную и ея жизненныя формы, и согласно которому опредѣляются законы, свойства и дѣйствія, подобно желѣзнымъ опилкамъ въ стеклянной трубкѣ, когда рука экспериментатора ударяетъ по нимъ и играетъ для нихъ роль судьбы. Связь вещей съ промысломъ состоитъ въ томъ, что ихъ собственныя движенія заключены въ „потокѣ божеской энергіи“ какъ въ своемъ источникѣ и имъ проникаются насквозь, — они находятся въ немъ, какъ и онъ въ нихъ.

XIII. Объ уравнивающей справедливости, о грѣхѣ, наказаніи и наградѣ и о совѣсти.

„Послушайте, докторъ, ваша маленькая притча говорить, однако, не то, какъ насъ до сихъ поръ учили. Если кому-нибудь приходится здѣсь плохо, то намъ по крайней мѣрѣ давалось утѣшеніе въ лучшей будущности на основаніи уравнивающей справедливости“.

Для нервно-больныхъ, другъ мой, это плохое утѣшеніе и слабость. Жалуются всю жизнь, не давая отъ себя ничего и требуя отъ своего Господа Бога такихъ вещей, на которыя не имѣютъ права, и не желаютъ при этомъ утруждать самихъ себя. „Передъ успѣхомъ боги установили потъ“. Не извнѣ и не въ будущей жизни приходитъ къ намъ счастье. Оно должно возникнуть въ насъ, какъ награда за честную, вѣрную борьбу!

Спрашиваютъ всегда: „почему“? Почему я долженъ такъ страдать? Чѣмъ я это заслужилъ или чѣмъ провинился? Съ такими вопросами нельзя подвинуться впередъ. Страданіе существуетъ затѣмъ, что оно будить въ нашемъ сердцѣ стремленіе къ болѣе чистой, лучшей жизни, для которой оно насъ и очищаетъ. Вопросъ долженъ ставиться такъ: не почему, а для чего? Передъ нами есть цѣль, тотъ пунктъ, на который долженъ быть направленъ нашъ умственный взоръ, чтобы страстное желаніе охватило насъ и довело насъ

до могучаго стремленія, которое увлекло бы насъ къ благороднымъ дѣяніямъ.

Путь къ этому лежитъ въ насъ и въ насъ же цѣль, желаемое.

Но отдѣльная личность не можетъ вполнѣ достичь этого. Отрекшись отъ себя, мы должны войти въ общее дѣло,—наша работа—только часть этого общаго дѣла. То, что мы создаемъ, мы создаемъ не для насъ самихъ, а для того, что выше насъ, для цѣлаго!

Взгляните на смерть иного героя. Онъ жертвуетъ своею жизнью ради великой, гордой мысли. Изъ такой смерти расцвѣтаетъ для насъ побѣда,—кто же станетъ его оплакивать! То, чему мы научаемся изъ этой смерти, должно до послѣднихъ мелочей проникнуть въ нашу мысль и наше дѣло.

Отрекшись отъ себя, забудь желанья,

Которыя угодны лишь тебѣ.

Лишь цѣлому сознательно служи.

И если на судьбу свою ты такъ посмотришь,

Тогда она въ ничтожность обратится.

Поэтому мы должны цѣнить то обстоятельство, что мы, нервные люди, проникаемся великими, идеальными точками зрѣнія, которыя увлекаютъ насъ отъ нашего личнаго страданія къ дѣятельности. Иначе мы сдѣлаемся плаксивыми, слабыми людьми, ищущими „уравнительной справедливости“, которой мы не заслужили. То, чего мы можемъ достигнуть въ отношеніи счастья въ этой жизни или въ будущей, то заложено въ насъ какъ зародышъ;—божество посылаетъ намъ призывъ къ пробужденію и принуждаетъ насъ къ суровому труду, чтобы мы могли завоевать себѣ какъ собственность драгоценное благо, потому что лишь то, что созрѣваетъ въ насъ въ борьбѣ, только то принадлежитъ намъ.

Кажется, иль не такъ трудно?

Поэтому я и выставляю такое міровоззрѣніе, которое учитъ меня понимать мою судьбу такъ, что она направляетъ меня къ дѣятельности. Вѣра не можетъ сдѣлать меня счастливымъ, если она заставляетъ переносить страданіе такъ, какъ собака переноситъ незаслуженные побои, глядя на руку, которая въ будущемъ за это, можетъ быть, и погладить.

Есть, однако, одинъ видъ уравнительной справедливости, который уже въ этой жизни и даже въ каждое мгновеніе нашей жизни развиваетъ всю свою дѣятельность, „ибо всякая вина отмщается уже на землѣ!“—и даже непосредственно, по крайней мѣрѣ въ идеальномъ смыслѣ такъ же, какъ и всякое прекрасное и великое дѣло находить въ себѣ свою награду. Но тотъ, кто стремится къ внѣшнему успѣху, тотъ „поистинѣ лишень награды“.

Въ глубинѣ нашего сердца существуетъ законъ, безошибочно говорящій, что намъ слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать, т.-е. при каждомъ нашемъ поступкѣ у насъ является ощущеніе, которое для всякой отдѣльной личности представляетъ собою сумму всѣхъ пріобрѣтенныхъ ею нравственныхъ мотивовъ, это—совѣсть.

Многіе воображаютъ, что можно не слушать ея напоминаній, или даже, что можно знать лучше, чѣмъ это знаетъ совѣсть.

Однако, нѣкій голосъ говоритъ намъ, что такимъ образомъ мы хотимъ только обмануть самихъ себя. „Если сердце васъ предостерегаетъ, слѣдуйте его стремленіямъ“. Грѣхъ есть всякій поступокъ противъ наилучшаго убѣжденія, и совѣсть я, конечно, могу притупить, но ни въ какомъ случаѣ не убить.

Какую цѣнность, напротивъ, имѣетъ цѣлесообраз-

ное развитіе совѣсти для слабаго нервнаго больного, объ этомъ я уже говорилъ вамъ ранѣе *).

Итакъ, въ сопровождающихъ наши мысли и дѣйствія душевныхъ явленіяхъ лежитъ уравнительная справедливость, которая надѣляетъ насъ чувствомъ счастья и несчастья, и которую мы иногда можемъ пытаться заглушать, но отъ которой никогда не въ состояніи бываемъ отдѣлаться.

Если вы хотите назвать это наградой и наказаніемъ, то съ извѣстной точки зрѣнія я ничего не имѣю противъ этого. Я бы со своей стороны могъ скорѣе смотрѣть на это, какъ на ловкій приѣмъ природы, которая такимъ образомъ направляетъ насъ на нравственно-хорошія дѣла тѣмъ, что она превращаетъ ихъ въ актъ правильно понятаго эгоизма. Стремленіе впередъ всего совершающагося въ природѣ, внутренняя, несознанная, имманентная цѣлесообразность ея хода явно выступаетъ наружу въ такихъ свойствахъ, видимо, направленныхъ къ цѣли.

Но совершенно нездоровымъ является то, когда эта награда и это наказаніе изъ области душевныхъ чувствъ переносится въ область конкретныхъ явленій, и когда начинаютъ разсматривать отдѣльные событія и внѣшніе случаи какъ наказаніе, ниспосланное намъ свыше. Правда, тогда получилъ бы свое обоснованіе вопросъ, который вы ставите: чѣмъ я это заслужилъ? Мы, пожалуй, не пришли бы къ правильному отвѣту, такъ какъ связи между этими вещами и нашими нравственными цѣнностями не существуетъ. Такимъ образомъ, въ основѣ вопроса лежитъ ложная мысль. Но на безразсудные вопросы нельзя дать никакаго удовлетворительнаго отвѣта.

*) Срав. Im Kampfe... и т. д., стр. 134.

Лучше спросимъ мы снова, для чего намъ можетъ служить то или другое. Отвѣтъ явится тогда самъ собою, что вещи служатъ намъ для того, чтобы мы упражняли на нихъ свои силы, которыя могли бы возрастать для преодоленія страданій и тягостей.

Если мы будемъ такъ смотрѣть на вещи, то онѣ перестанутъ быть для насъ страшными, и тогда мы придемъ не только къ спокойному пониманію нашей судьбы, но и къ сознательно-радостному пользованію ею, что уже не далеко отъ власти надъ своею судьбою, потому что тогда мы будемъ стоять выше вещей.

XIV. О сохраненіи энергіи и матеріи и о законѣ возрастающихъ цѣнностей.

„Никогда ничто не можетъ итти назадъ“, говорите вы. Хорошо, докторъ, я соглашусь съ вами, что тамъ, гдѣ міръ идетъ назадъ, это обратное движеніе только кажущееся. Разсматриваемое съ высшей точки зрѣнія оно только способствуетъ прогрессу цѣлаго.

Но само цѣлое, та опредѣленная масса веществъ и силъ, къ которой я ничего не могу ни прибавить, ни убавить,—остается вѣчно равна сама себѣ. То, что съ одной стороны идетъ къ низу, то съ другой можетъ повыситься. Но взаимной смѣной повышенія и пониженія все-таки управляетъ законъ сохраненія энергіи“.

Вашъ тонъ показываетъ увѣренность въ своей правотѣ. Почему бы и не такъ,—вы вѣдь опираетесь на самый гордый догматъ прошлаго столѣтія. Впередъ! На битву, торреро! Противникъ идетъ прямо на меня.

Итакъ, то, что въ данное время пригодно для нашихъ мелкихъ лабораторныхъ условій и для нѣсколькихъ маленькихъ законовъ, которые удачно постигъ нашъ мозгъ, это вы хотите безъ дальнѣйшихъ разсужденій перенести на всю вселенную со всѣмъ ея идеальнымъ содержаніемъ и сдѣлать изъ вселенной скучный вѣчно качающійся маятникъ? Живачное животное, которое съдаётъ себя на одномъ концѣ, чтобы потерянное отрастало на другомъ концѣ? Я,

по крайней мѣрѣ, утверждаю, что оно каждый разъ вырастаетъ лучше и красивѣе!

Да, доказанъ ли еще этотъ законъ о вѣчно неизмѣнной суммѣ цѣнностей во вселенной. Но въ такомъ случаѣ это изъ всѣхъ міровыхъ идей самая печальная и бесплодная. Нѣтъ, пока мы не имѣемъ еще болѣе принудительныхъ основаній, чѣмъ искусно построенное сравненіе съ механическими отношеніями, вы позволите мнѣ сказать самому себѣ: эти міры суть нѣчто создавшееся. Въ теченіе безконечнаго времени вырастали они изъ той суммы скрытыхъ возможностей, которыя не были даже субстанціей; и пока они осуществлялись и дальше будутъ осуществляться въ постоянномъ развитіи ихъ оригинальныхъ особенностей, ихъ цѣнности возрастаютъ въ смыслѣ способностей.

При такой мысли падаютъ въ особенноти наши цифровые расчеты, и передъ нами возстаетъ предчувствіе возможности совершенно иного пониманія вещей. Вселенною управляетъ не равновѣсіе и не постоянное колебаніе маятника туда и сюда, на равное разстояніе,—управляетъ ею постоянно рождающесся изнутри кнаружи стремленіе къ прогрессу,—жизнь управляется нарушеніемъ равновѣсія, и высшій ея законъ — это законъ возрастающихъ цѣнностей *).

Міръ матеріи, какъ таковой, есть лишь преходящій фазисъ развитія. Поэтому не годится переносить законы его механическихъ процессовъ на всю вселенную, которая не исчерпывается имъ, такъ какъ онъ служитъ для божеской идеи только

*) Срав. Fröhlich. Законъ сохраненія силы и духъ христіанства. Постоянно возрастающее естественное превращеніе всѣхъ цѣнностей въ стремленіе къ высшему единству. Leipzig. Dietrichscher Verlag. 1903.

средствомъ, чтобы выработать изъ него ея идеальное содержаніе.

Основной догматъ этого вѣрованія опирается на вѣчно возрастающую тенденцію къ развитію цѣлаго. Въ ней утопаетъ механическій принципъ сохраненія силы, съ помощью котораго никто не могъ создать образа міра въ этомъ всеобъемлющемъ смыслѣ.

Въ веществѣ таятся безчисленныя возможности и способности. Онѣ пробуждаются въ своихъ комбинаціяхъ къ осуществленію въ жизни, и черезъ новыя все болѣе сложныя соединенія создаются способности, и цѣнности возрастаютъ до безконечности. Въ мельчайшихъ тѣльцахъ собираются старинные результаты дѣятельности, которые ускользаютъ отъ вычисленія и должны ускользать, когда мы ихъ себѣ представляемъ.

Конечно, обладающая силой матерія есть нѣчто само по себѣ неуничтожимое и вѣчное, но не въ качествѣ таковой. Я не могу ничего ни отнять отъ нея, ни прибавить къ ней, но она можетъ измѣниться, сдѣлаться другою до неузнаваемости, потому что матерія можетъ вбирать въ себя и снова возвращать изъ себя силы, о которыхъ мы не знаемъ, не больше ли онѣ уже, чѣмъ всѣ суммы нашихъ исчисленій, о которыхъ мы думаемъ, что онѣ намъ извѣстны.

Вы думаете, что это были бы только человѣческія ошибки и несовершенства въ наблюденіи, которыя въ принципѣ ничего въ сущности не могли бы измѣнить? Хорошо, соединенія вещества собрали въ себѣ въ механическомъ, чисто количественномъ значеніи силы, которыя они сначала откуда-нибудь взяли. Но кто вамъ можетъ, однако, сказать, что общая сумма всѣхъ цѣнностей черезъ это или другимъ путемъ

убавилась ровно на столько же? Черезъ комбинацію извѣстная величина можетъ качественно повысить свою цѣнность, чего нельзя видѣть изъ простаго примѣра ариѳметическаго сложенія.

Дважды два будетъ всегда 4, говорите вы?—Да, но я утверждаю, что дважды два больше 4-хъ, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ даже и гораздо больше.— 2 и 2, пожалуй, должно быть 4; если вы работаете тамъ, а я здѣсь, то наша общая работа будетъ точно равняться суммѣ нашихъ отдѣльныхъ работъ. Но если мы станемъ работать вмѣстѣ, рука объ руку, то мы комбинируемся въ нѣчто новое, въ единицу высшаго рода; тогда наша рабочая дѣятельность будетъ значительно больше и сверхъ того высшаго порядка, чѣмъ была сумма нашихъ отдѣльныхъ работъ,—и это можетъ быть даже при меньшей затратѣ силы.

„Соединенное стремленіе къ одинаковой цѣли дѣлаетъ малое большимъ и немногое многимъ“.

Результаты комбинаціи—это такой приѣмъ, который направленъ къ тому, чтобы двигаться впередъ, подобно тому, какъ, дѣйствуя черезъ химическія соединенія, взрываютъ скалы, какъ бы невинны раньше ни были входящія въ составъ этихъ соединеній отдѣльныя вещества, или подобно тому, какъ учреждаютъ большіе торговые дома и создаютъ компаніи для предпріятій.

А ну-ка, взвѣсьте мнѣ, пожалуйста, настоящую цѣнность какой-нибудь мысли, какой-нибудь идеи, двигающей народами и дающей направленіе судьбамъ земного шара на цѣлые вѣка.

Нѣтъ, я говорю вамъ, что міръ растетъ самъ изъ себя, и законы этого роста мы не исчерпали закономъ механики, закономъ сохраненія энергіи и вещества.

Вселенная въ этой формѣ есть одна возможность— это есть фазисъ развитія,—и она имѣетъ будущность, въ которой черезъ постоянно новыя и болѣе тонкія дифференцированія и комбинаціи будутъ возникать жизненныя формы, которыя въ біологическомъ смыслѣ лучше всего докажутъ существованіе закона возрастающихъ цѣнностей.

Признаемъ, пожалуй, что сумма вещества и силы остается одинаковой; но дѣло идетъ о способностяхъ и дѣйствіяхъ, которыя возрастаютъ.

Тысяча марокъ въ рукахъ Ротшильда имѣютъ бѣльшую цѣнность, чѣмъ въ моихъ, хотя эта тысяча марокъ,—все будетъ тысяча марокъ. Но рѣчь идетъ о дивидендѣ, а не объ основномъ капиталѣ, который въ день творенія былъ отчисленъ для этой вселенной.

Естественно-научный матеріализмъ находитъ свое подтвержденіе въ лабораторіи; но во вселенной идея есть побуждающая сила, основа и содержаніе,—матерія же и ея динамическія явленія всегда остаются лишь средствомъ для выполненія цѣли и ничѣмъ больше!

XV. О подъемѣ и упадкѣ въ развитіи и обрѣтѣ „активномъ самоотреченіи“ въ широкѣмъ смыслѣ слова.

„Докторъ, вы создаете для себя удобное положеніе. Вы неисправимый оптимистъ и хотите видѣть въ мірѣ только доброе и прекрасное. Если вамъ что-нибудь не нравится, то вы живо даете данной вещи другой „смыслъ“ и обманываете себя этимъ до конца, несмотря ни на что.

Все ваше стремленіе къ развитію въ ходѣ міровой жизни съ его постояннымъ движеніемъ къ высшему не мѣшаетъ мнѣ видѣть жестокою судьбу народовъ и расъ. Вы всюду видите подъемъ и не обращаете вниманія на упадокъ и очевидное вырожденіе. И когда отверзаются земныя нѣдра и мать тысячами убиваетъ собственныхъ дѣтей своимъ жгучимъ, ядовитымъ дыханіемъ и хоронитъ ихъ подъ потоками лавы, то развѣ и это есть путь къ высшимъ, болѣе чистымъ формамъ жизни?“

Я не вижу здѣсь никакого противорѣчія съ моими воззрѣніями,—а вижу только вашу близорукость. Если вы хотите понять даже въ мелочахъ гигантскія судьбы цѣлыхъ большихъ періодовъ времени, тогда для этого требуются и столь же гигантскія точки зрѣнія.

Прежде всего, вообразите себѣ все цѣлое, поскольку вы можете обозрѣть его какъ цѣлое, какъ взаимно-связанный жизненный процессъ. Вы ставите еще слишкомъ высоко вашу личную жизнь,

народъ, человѣчество, а, между тѣмъ, они получаютъ свое настоящее значеніе лишь исполняя свою роль въ томъ, что совершается въ цѣломъ, и эта роль для отдѣльныхъ личностей очень мала, какъ бы она ни казалась велика для насъ.

Вы говорите о вырожденіи и упадкѣ цѣлыхъ народовъ.—Гордые, крупныя культуры не только расцвѣтаютъ, онѣ также падаютъ внизъ, гниютъ и погибаютъ. О многихъ мы это знаемъ; но падали тысячи народовъ, о которыхъ мы и не догадывались. Природа, очевидно, стремится къ тому, чтобы создать на землѣ въ соответствующихъ мозгахъ органъ сознанія, самосознанія и, наконецъ, нравственный органъ. Это много! Для этого требовались тысячи попытокъ. Тысячи волнъ—одна за другой—набѣгаютъ и падаютъ въ горящее море жизни; но каждая изъ нихъ нѣсколько болѣе предыдущей приближается къ цѣли, поставленной внутреннимъ влеченіемъ.

Взгляните отсюда на эти лѣсистыя холмы: старинная лѣсная почва удобрена листьями, опадавшими въ теченіе столѣтій. Каждую осень на эту почву падали миллиарды листьевъ, которые сгнивали тамъ, и изъ нихъ возрастала сила лѣса, выдающіеся стволы, широкое, тѣнистое растеніе; расти долженъ былъ лѣсъ, а не листья. И лѣсъ тоже кончится, когда его задача будетъ выполнена, и уступить свое мѣсто другимъ картинамъ и новымъ задачамъ. Вы сокрушаетесь о листьяхъ, которые сгниваютъ; что я говорю,—человѣкъ плачетъ о каждомъ листочкѣ, который падаетъ на землю, когда его судьба выполнена. Я не могу раздѣлять этой жалости! Частичка вещества въ горячо бьющемся пульсѣ жизни была приподнята на высшую ступень. Что этимъ было достигнуто, то не потеряно. Если эта частичка испортилась и сгнила, то ея отдѣльные атомы сохраняютъ

разъ приобрѣтенную функцію, какъ принадлежащую имъ на вѣчныя времена.

Природа не заботится объ успѣхѣ въ частностяхъ, а о созданіи новыхъ и высшихъ способностей, и именно въ большемъ и цѣломъ. Чему такая частичка вещества научилась, то остается, въ качествѣ заключенной въ ней способности, до тѣхъ поръ, пока прибрѣтенное раньше не достигнетъ дальнѣйшаго, высшаго развитія въ новыхъ комбинаціяхъ.

Это есть тоже родъ наслѣдственности, продолженіе жизни въ тысячѣ процессовъ превращенія; мы должны называть такъ не одно размноженіе отъ индивида къ индивиду; каждый атомъ есть тоже индивидъ, а также и мы, со всей нашей индивидуальностью, должны считаться только атомами болѣе обширныхъ единицъ.

Эта способность къ наслѣдственной передачѣ изъ всѣхъ функціональныхъ способностей, прибрѣтенныхъ жизненнымъ трудомъ, представляетъ общее, основное свойство всѣхъ вещей. Она состоитъ въ нѣкотораго рода памяти*), безъ чего я не могъ бы себѣ представить постояннаго повторенія болѣе раннихъ жизненныхъ формъ въ дальнѣйшемъ движеніи развитія. Такимъ только способомъ возможны наслѣдственность и прогрессъ.

Итакъ, если атомъ-индивидъ, какого бы то ни было рода, отъ простѣйшихъ до имѣющихъ болѣе сложную природу, оказывается въ положеніи, въ которомъ онъ жилъ уже разъ такимъ же образомъ, то онъ скорѣе находитъ свою дорогу и развиваетъ въ себѣ высшія способности, чѣмъ въ первый разъ. Все,

*) О памяти, какъ общей функціи организованной матеріи. Ed. Hering. Gerolds Verlag in Wien. 1876.

что онъ уже получилъ въ школѣ жизни, при повтореніи совершается легче и лучше—въ силу памяти, въ силу имманентнаго свойства всѣхъ вещей прочно сохранять разъ пережитое какъ функціональную способность, какъ форму колебанія, какъ тенденцію къ движенію.

Вещества, входившія въ составъ гніющихъ листьевъ на лѣсной почвѣ, будутъ лучшими и болѣе свѣдущими работниками въ своихъ позднѣйшихъ жизненныхъ формахъ, въ какихъ бы комбинаціяхъ эти вещества ни были призваны къ новому участию въ организованной жизни. Атомъ углерода, который въ теченіе нѣкотораго времени былъ въ нашемъ мозгу составной частью нервной клѣточки, уже не тотъ атомъ углерода, какимъ онъ былъ раньше. Его функціональныя способности умножились соотвѣтственно вложеннымъ въ него скрытымъ возможностямъ.

Можетъ быть, для нашего пониманія прогрессъ будетъ мелочень и незамѣтенъ. Но природа имѣетъ въ своемъ распоряженіи больше времени, чѣмъ человѣкъ.

Будучи ребенкомъ, я часто лѣтомъ игралъ на морскомъ берегу. Когда я теперь нѣсколько лѣтъ назадъ отыскалъ то мѣсто, откуда я такъ часто видѣлъ, какъ красный шаръ солнца погружался въ море, то берегъ мнѣ показался очень узкимъ, и рыбаки сказали мнѣ, что въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ море отняло у берега цѣлыхъ шесть метровъ. И я стоялъ на берегу и смотрѣлъ, какъ волна за волной набѣгала и вновь отступала назадъ, но я не видѣлъ никакого постояннаго поступательнаго движенія.

Что значить шесть или десять тысяч лѣтъ извѣстнаго намъ культурно-историческаго развитія! Вы думаете, что ихъ работа была незначительна?—Но природа имѣетъ довольно времени; цѣлая вѣчность можетъ быть использована ею въ виду ся неутомимаго прогресса. И наблюденіе учитъ насъ, что всякій прогрессъ подвигается мелкими шагами.

Для сужденія о значеніи и отношеніяхъ вещей нужно отодвинуться отъ нихъ на значительное разстояніе,—только тогда можемъ мы уяснить себѣ ихъ главныя, господствующія черты, не потому, чтобы наше сужденіе черезъ это сдѣлалось менѣе субъективнымъ,—оно все-таки остается лишь внѣшнимъ отраженіемъ на мірѣ вещей нашего собственнаго состава представленій. Но чѣмъ выше будетъ мѣсто, занимаемое наблюдателемъ, чѣмъ болѣе выдающеюся будетъ его точка зрѣнія, тѣмъ обширнѣе окажется дѣйствительный кругозоръ, и наше сужденіе, какимъ бы субъективнымъ оно ни осталось, все-таки пріобрѣтетъ большую долю положительности, такъ какъ оно основывается на болѣе полномъ познаніи.

Неполнота орудій воспріятія есть то, что больше всего, несмотря на добросовѣстное стараніе, дѣлаетъ ложными наши воззрѣнія. Но, какъ бы то ни было, для точки зрѣнія нашего познанія теперь является извѣстное отрицаніе цѣнности отдѣльныхъ жизненныхъ сущностей и жизненныхъ формъ какъ такое воззрѣніе, которое оправдывается фактами; вмѣсто того пріобрѣтаетъ важное значеніе ихъ оцѣнка въ рамкахъ большихъ и сложнѣйшихъ единицъ. Здѣсь впервые проявляются пути, которымъ слѣдуетъ природа, побуждаемая внутренней цѣлесообразностью.

Чего же вы теперь хотите, какое значеніе можетъ имѣть отдѣльный индивидъ, или даже цѣлый на-

родъ? Какую цѣнность могутъ они имѣть для всего цѣлаго? Богатствъ у земли на тысячи миллионовъ; что ей за дѣло, если гдѣ-нибудь при тяжелой работѣ ея жизни у какого-нибудь вулкана прорвется карманъ, и при этомъ она дѣйствительно потеряетъ нѣскольکو тысячъ людишекъ. У нея ихъ всегда довольно!

Господи! Вы стрижете себѣ ногти и причесываете волосы на головѣ и этимъ ежедневно уничтожаете сотни индивидовъ—клетокъ вашего тѣла, кругъ обязанностей которыхъ на этотъ разъ исчерпывается. Поймите же трагическій комизмъ, который бы явился съ нашей высшей точки зрѣнія въ представленіи о томъ, что одна изъ вашихъ клеточекъ печени стала бы жаловаться по этому поводу... А война?—А битвы народовъ?—Тогда бѣдная печеночная клеточка должна была бы жаловаться въ случаѣ, если бы у васъ былъ нарывъ на рукѣ, и при этомъ столько храбрыхъ кровяныхъ клеточекъ—лейкоцитовъ—было бы утрачено. Онѣ пали на полѣ чести, чтобы освободить вашу кровь отъ вторгшихся непріятелей. Между тѣмъ въ ихъ числѣ были такія милочки, которыя были лучшими и самыми способными изъ всѣхъ, какія у васъ были.

Нѣтъ, я не могу видѣть здѣсь ни жестокости, ни несправедливости, а только безграничную близорукость и мелочную точку зрѣнія слишкомъ ужъ человѣческихъ сужденій. Напротивъ, съ высшаго наблюдательнаго пункта вы во всемъ кажущемся регрессѣ могли бы замѣтить только ритмическое біеніе пульса совершающагося роста. Правда, теченіе потока прогресса идетъ иногда далеко назадъ, но лишь для того, чтобы глубоко вздохнувши, какъ бы разбѣжаться, такъ чтобы ближайшая волна тѣмъ сильнѣе съ шумомъ понеслась впередъ. Что при этомъ будетъ въ ликующихъ буряхъ прогресса унесено

внизъ,—Богъ съ нимъ, лишь бы волна двигалась все впередъ; то, что она унесетъ, унесетъ вмѣстѣ съ собою и въ ближайшее мгновеніе, являющееся тысячекратіемъ для всей вселенной, вновь воскреснетъ въ болѣе богатой формѣ существованія.

Жалѣть ли о томъ, что уже было достигнуто? Нѣтъ, оно лишь съ виду кажется потеряннымъ. Оно включено въ большіе тиски цѣлаго и дѣлается драгоценнымъ удобреніемъ для будущей жизни,—неуничтожаемой силой инстинктивныхъ стремленій,—безсмертіемъ, хотя и съ пожертвованіемъ личнаго существованія въ маломъ видѣ.

Итакъ, терпѣливо покоряйтесь. Ваше смиреніе должно проявляться въ обширномъ смыслѣ,—иначе произойдетъ скорѣе мирное равнодушіе, а не вѣрующее предоставленіе себя несущимъ насъ волнамъ совершающагося, ведущее къ тому, что мы съ радостью согласуемъ наши дѣйствія съ теченіемъ, несущимъ корабликъ нашей жизни.

И вовсе не имѣетъ правильнаго смысла борьба и домогательство изъ-за того, что кажется хорошимъ и достойнымъ исканія близорукому личному разсудку. Тихонько смѣясь надъ нами, уноситъ насъ волна судьбы туда, куда она хочетъ. И всегда происходитъ совсѣмъ иначе, чѣмъ мы ожидали. Мы должны научиться предоставлять ей нести насъ и не желать всегда имѣть что-нибудь другое, чѣмъ то, что само собой получается. Мы страстно ищемъ удовлетворенія и надѣемся найти его въ единичныхъ успѣхахъ. Какъ же при этомъ можемъ мы достигнуть желаемой цѣли!

Поэтому, чтобы найти себѣ успокоеніе, мы должны отказаться отъ нашей собственной личной дѣятельности и предоставить, чтобы съ нами просто

„дѣлалось то, что Богу угодно“. И съ нашей критикой этого совершающагося мы должны быть нѣсколько сдержаннѣе. Наши точки зрѣнія вообще мало приспособлены къ тому, чтобъ при случаѣ вѣрно попадать куда слѣдуетъ.

XVI. О цѣнности личности и о содержаніи будущей жизни.

„Докторъ, я съ удивленіемъ вижу, какъ въ вашемъ воззрѣніи индивидуализмъ высшей степени уживается съ его полнымъ отрицаніемъ. Съ одной стороны, вы возводите всякую реакцію на степень личнаго дѣйствія, и въ то же время личность цѣнится вами такъ низко, что вы безъ дальнѣйшаго разсужденія приносите ее въ качествѣ простаго орудія въ жертву внѣличнымъ цѣлямъ“.

Конечно, все зависитъ отъ того направленія, по которому мы приступимъ къ вопросу. Несомнѣнно, что цѣнность личности, которую нѣкогда считали настолько важной, что весь свѣтъ признавался созданнымъ лишь ради нея, опредѣляется тою цѣлью, которой она предназначена служить; сама же по себѣ она не имѣетъ никакого значенія.

Да что же она такое вообще? Прежде всего это не что-нибудь постоянное, напротивъ—нѣчто текущее, становящееся, вѣчно мѣняющееся, даже въ вещественномъ смыслѣ, короче сказать,—это лишь временное, на одно мгновеніе существующее общее понятіе, обозначающее вполне преходящее существо.

Такимъ образомъ, личная жизнь есть всегда только гребень волны ритмически пульсирующаго движенія чего-то такого, что выше личности, что въ качествѣ дѣйствительно живущаго проходитъ черезъ

отдѣльныя формы и въ непрерывной послѣдовательности рядовъ, отъ дѣтей къ дѣтямъ и къ дѣтямъ дѣтей, постоянно осуществляется въ видѣ новаго „личнаго“ явленія. Представьте же себѣ потокъ этого живущаго какъ форму движенія съ опредѣленными колебательными тенденціями, которая, разъ появившись, постоянно повторяется снова; представьте его въ отдѣльныхъ явленіяхъ, въ его дѣленіи и сліяніи снова: въ твореніи, рожденіи и въ производящемъ сліяніи. Признайте его постоянную волю въ явленіяхъ наслѣдственности и его стремленіе въ высь въ ступеняхъ развитія. Обратите ваше вниманіе на соединеніе отдѣльныхъ личностей въ союзы, семейства, рода и племена съ ихъ общими основными душевными особенностями, благодаря которымъ наша дѣятельность является, какъ нѣчто интуитивное, и наши процессы, какъ нѣчто безсознательное, что стоитъ выше нашей личной воли и опредѣляетъ ее,— и тогда вы постепенно, подобно мнѣ, научитесь всюду видѣть сверхъиндивидуальное, что больше быстро исчезающихъ возвышеній жизненныхъ волнъ, которыя мы съ такой близорукостью и съ такимъ самообольщеніемъ стараемся выдѣлить какъ „личности“. Мы только не замѣчаемъ невидимыхъ нервныхъ нитей, на которыхъ всѣ мы держимся, и предъявляемъ претензію какъ на собственное, личное дѣйствіе на то, что мы, послушные сверхличной власти, выполняемъ въ качествѣ орудія.

Мы должны твердо держаться мысли о такомъ включеніи въ цѣлое. Все большое повторяется въ самомъ маломъ, и самое мелкое становится, такимъ образомъ, символомъ гигантскаго. „Все преходящее есть лишь символъ“.

Въ томъ, что превыше большаго, живетъ воля тоже въ усиленномъ, почти не сравнимомъ съ человѣ-

ческимъ видѣ и распоряжается устройствомъ своей судьбы, исходя изъ точекъ зрѣнія, которыхъ нашъ узкій мозгъ не можетъ себѣ даже представить, не то чтобы раздѣлять.

Я охотно помогу вамъ проникнуть глубже въ такое предчувствующее познаніе. То, что мнѣ такимъ образомъ открывалось при осмысленномъ погруженіи въ созерцаніе силъ природы, то вы найдете у стараго Т. Фехнера *) разработаннымъ съ удивительной ясностью.

Итакъ, вселенная строится изъ множества болѣе или менѣе сознательныхъ формъ жизни, изъ которыхъ бывшія раньше низшими соединяются въ высшія единицы и союзы какъ, на примѣръ, клѣточки, составляющія организмъ, или какъ люди, образующіе изъ себя племя, народъ, расу, обнимающіе собою индивидуальную жизнь. Высшей единицы соотвѣтствуетъ и выдающееся, высшее сознаніе, заключающее въ себѣ содержаніе сознанія всехъ частей; оно обнимаетъ ихъ не въ смыслѣ знанія каждой части въ отдѣльности, но въ смыслѣ знанія всѣхъ ихъ вмѣстѣ, и въ такомъ случаѣ, соразмѣренное съ количествомъ знанія всѣхъ частей, оно представляетъ собою высшее знаніе.

Такимъ образомъ человѣкъ не знаетъ о состояніи отдѣльныхъ, но все же какъ-нибудь да сознающихъ клѣточекъ, образующихъ его тѣло, но знаетъ обо всѣхъ ихъ вмѣстѣ.

И какъ высшія единицы постоянно вновь соединяются въ еще болѣе высшія, какъ міры движутся вокругъ своего солнца и какъ небесная рать солнцъ

*) G. Th. Fechner. *Зендъ-Авеста или о небѣ и будущей жизни.* Съ точки зрѣнія созерцанія природы. 2-te Aufl. b. v. K. Lasswitz Verl. von Voss. 1901.

кружится вокругъ своего вѣчнаго центрального пункта, такъ все это устройство вселенной завершается въ божествѣ и въ высшей формѣ познанія—его всевѣдѣніи.

„Хорошо, докторъ, въ этомъ смыслѣ я охотно готовъ отказаться отъ моей личности; я снова нахожу себя въ гораздо болѣе прекрасныхъ и болѣе значительныхъ формахъ жизни. Но скажите сами, какъ для индивидовъ такого рода можно представить себѣ безсмертіе? Они растаиваютъ у насъ въ рукахъ. Что же остается отъ нихъ для будущей жизни?“

Что остается? Остается сознательное посвященіе себя вѣчнымъ задачамъ жизни,—это и есть вѣчная здѣшняя жизнь!

Развѣ вамъ не довольно такого безсмертія?—все возрастать и возрастать и достигать все высшей зрѣлости, то такъ, то иначе. Я нахожу это столь восхитительно-прекраснымъ, что для меня лично пропадаетъ всякое стремленіе къ будущей жизни, въ которой составъ или границы моей теперешней душевной личности должны сохраниться, при чемъ я долженъ считать себя отрѣшеннымъ отъ богатства различныхъ возможностей развитія. Живущее во мнѣ божественное начало желаетъ жить, стремиться и наслаждаться въ постоянно новыхъ формахъ, постоянно болѣе и болѣе глубоко сознавать и испытывать постоянное создаваніе.

Развѣ вы не чувствуете, что это есть святое блаженство?—Что мнѣ за дѣло до той маленькой суммы приобрѣтенныхъ по наслѣдству качествъ, которыя на самое короткое время соединены были слабой связью „личности“!

Я хочу переживать новыя, все новыя личности и постоянно новыя соединенія личныхъ особенностей, чтобы такимъ путемъ возвыситься до участія въ ве-

ликой мысли творца, и через нее снова помолодеть и снова найти себя! Это я называю безсмертием! И не для себя, как индивида, жажду я будущей жизни, я желаю жизни потусторонней *отъ* индивида и, конечно, если я смѣю просить, то возможно дальше от него.

Нѣтъ, въ томъ смыслѣ, какъ вы это понимали, для меня личность ничто. „Что наше „я“ ничто, этимъ надо проникнуться. Исполняется вѣчно законное, и если это исполненіе называется даже „смертью“, то и тогда оно не должно устрашать насъ. Спокойно отправиться въ область законнаго,—это дѣлаетъ чело-вѣка нравственнымъ и возвышаетъ его“ (Т. Фонтанъ).

„Однакоже, есть люди нравственно высоко стоящіе, для которыхъ взглядъ, брошенный по ту сторону, въ будущую жизнь, составляетъ необходимое утѣшеніе въ настоящей жизни, которая безъ него теряетъ всякій смыслъ и все значеніе“!

Конечно, и я никогда не осмѣлюсь посягать на это утѣшеніе ни въ какомъ сердцѣ, для котораго оно имѣетъ цѣнность, даже въ томъ случаѣ, когда оно основано на представленіяхъ, формы которыхъ взяты изъ дѣтскаго образа мыслей древнихъ временъ. Передъ вѣрою другихъ людей мы должны сохранять священный страхъ. Внутреннія потребности людей различны, и въ смѣси народовъ, населяющихъ наши теперешнія культурныя государства, встрѣчается такъ много различныхъ степеней развитія, что религіозныя потребности отдѣльныхъ лицъ не могутъ совпадать. Нездоровые результаты появляются всегда только тамъ, гдѣ навязываются вѣрованія, противныя природѣ отдѣльныхъ личностей. Считаете ли вы меня по моимъ убѣжденіямъ способнымъ на такую чудовищность?

Я ни въ какомъ случаѣ не высказалъ бы передъ

вами нарисованной выше картины, если бы я не зналъ, что безсмертіе въ своей старинной, наивной формѣ не имѣетъ уже для вашего образа дѣйствій никакой цѣнности. Но этотъ недостатокъ вовсе не составляетъ „страшной безсмыслицы“, а „къ тупому отчаянію“ можетъ вести лишь тогда, когда въ ра въ будущую жизнь есть выраженіе желанной мечты человѣчества, отчаявшася въ этой жизни.

Мы, однако, видимъ всюду въ самой жизни высокій и священный смыслъ; поэтому мы не чувствуемъ въ нашемъ образѣ мыслей безсмыслицы и недостатка. То, въ чемъ мы видѣли смыслъ нашего существованія, съ одинаковымъ увлеченіемъ ведетъ насъ къ верху отъ шероховатостей жизни, какъ и того, кто убѣжденъ въ своемъ личномъ безсмертіи.

Философія и поэзія близко соприкасаются здѣсь другъ съ другомъ. Страстное стремленіе къ надземной красотѣ райскаго состоянія прельстило всѣхъ насъ и населило эту любезную страну грезъ образами нашихъ желаній. И мы дѣлаемъ это ежедневно, хотя и не представляемъ себѣ содержанія души живого человѣка, какъ нѣчто, имѣющее видъ призрака, и хотя міръ нашихъ представленій уже не наполненъ человѣкоподобными ангелами и безнравственными демонами.

Но не цѣните низко такихъ образовъ. Не забывайте, что каждая великая мысль, которая надѣляетъ людей инстинктивными силами, или, лучше сказать, которая есть выраженіе господствующихъ въ данное время въ человѣческомъ родѣ инстинктивныхъ силъ, — имѣетъ свою собственную исторію развитія, которая проходитъ, лишь слегка касаясь васъ и вашихъ личныхъ наклонностей. Не думайте, что вы можете выбирать свои мнѣнія. И здѣсь снова по-

является то же сверхъиндивидуальное начало. Оно мыслить въ васъ, а не вы! Поэтому мы не господствуемъ надъ нашей вѣрой, и безразсуденъ тотъ, кто по своей волѣ хочетъ принудительно заставить свою вѣру итти по опредѣленному направленію.

Но если мы сдѣлаемъ обзоръ различныхъ формъ, въ которыхъ проявляется идея безсмертія, то мы увидимъ, что отъ своего древнѣйшаго и наиболѣе грубаго начала она возрастаетъ въ видѣ непрерывнаго ряда до самыхъ тонкихъ красотъ философской поэзіи, и каждая форма сама по себѣ и въ свое время имѣетъ равное оправданіе. Для чего же упираться и противиться, если представленія о Богѣ и безсмертіи, которыя мы питаемъ въ себѣ, формируются и возвышаются въ теченіе нашего собственнаго развитія соотвѣтственно съ нашимъ собственнымъ ростомъ!

Стало-быть то, что я вамъ здѣсь излагалъ по этому поводу, не есть отрицаніе надежды на безсмертіе, какъ это должны думать иные, которые держатся за строгій догматъ, но послѣдовательно - правильное дальнѣйшее ея развитіе на основаніи болѣе богатаго познанія и болѣе глубокаго разсмотрѣнія и соотвѣтственно болѣе одухотвореннаго желанія.

То, что въ низшей формѣ желаній — въ вѣрованіи въ воскресеніе тѣла — проявляется въ видѣ стремленія перенести въ потустороннюю жизнь достиженіе личнаго наслажденія, и чему болѣе утонченное чувство позволило по крайней мѣрѣ незамѣтно проскользнуть подъ видомъ астральнаго тѣла, то представляется намъ какъ освободившееся отъ личнаго осадка сознательное участіе въ вѣчно безсмертномъ содержаніи жизни всего сверхличнаго.

Кто желаетъ сохранить въ будущей жизни ту личность, какой онъ обладалъ здѣсь, тотъ предъ-

являетъ такое требованіе, котораго нельзя вывести изъ нравственныхъ цѣлей развитія цѣлаго. Это требованіе можетъ также обусловливать тотъ недостатокъ сознанія внутренней необходимости, благодаря которому многіе остаются равнодушными по отношенію къ будущей жизни, тогда какъ для большинства представляется невозможнымъ, чтобы самое ядро ихъ существа должно было бы непосредственно раствориться въ безконечности божества. Поэтому они выдвигаютъ промежуточное царство, въ которомъ они могли бы сохранить продолженіе существованія опредѣленно ограниченной личной души.

Для моей мысли и моего чувства душевная личность обозначаетъ, какъ я уже сказалъ, только ту связь, которая временно соединяетъ сумму унаслѣдованныхъ цѣнностей въ одну „личную“ жизнь. И эта столь разнородно и противорѣчиво составленная сумма душевныхъ особенностей никогда притомъ не бываетъ рѣзко отграничена съ біологической точки зрѣнія, такъ какъ она представляетъ, по крайней мѣрѣ въ ретроградномъ направленіи, лишь непосредственное продолженіе жизненныхъ процессовъ родителей.

Но качества, пріобрѣтенныя нами по наслѣдству, мы увеличиваемъ нашею личною жизнью на нѣкоторую сумму способностей, и эти послѣднія для меня и суть настоящія дѣйствительности, для которыхъ я предъявляю требованіе вѣчнаго безсмертія: „То, что дѣйствительно, то живетъ вѣчно“ (Багаватъ Гита)—и, кромѣ того, это—тѣ дѣйствительности, относительно которыхъ я претендую на личное творчество, такъ какъ ихъ не было раньше меня, а послѣ меня онѣ будутъ существовать вѣчно. Это и есть то „я“, которое остается отъ насъ,—не какой-нибудь внѣшній остатокъ, какъ вы, можете

быть, еще думаете, но главная сущность каждого изъ насъ.

Даже за мыслями и чувствами я долженъ признать такую цѣнность дѣйствительности. Онѣ представляють для меня реально-существующія во вселенной волны силъ, которыя могутъ измѣнять свое содержаніе, но никогда не теряють его. Въ этомъ смыслѣ я могу сказать, что я составляю сумму того, что я въ своей жизни передумалъ, перечувствовалъ и передѣлалъ. Это и было бы самое внутреннее содержаніе моего „дѣйствительнаго я“ въ смыслѣ древнихъ индусовъ, но совершенно освобожденное отъ „самообольщенія“.

Вся неврастенія въ сущности состоятъ въ „самообольщеніи“ (Selbstwahn). Вы должны прочитать Гиту¹⁾, чтобы уразумѣть во всей его глубинѣ это драгоцѣнное понятіе. Тогда для васъ станетъ ясно, что значить и чѣмъ можетъ быть активное самоотреченіе и спокойствіе высшаго состоянія.

Индусъ говорить: этотъ міръ явленій есть въ сущности ничто, потому что онъ не выражаетъ собою истинной, внутренней сущности вещей, ихъ дѣйствительный самобытности, которая есть настоящее бытіе, въ противоположность преходящимъ явленіямъ чувственнаго міра. Мы примѣняемся ко внѣшности, тогда какъ истинныя наши цѣнности находятся въ насъ, въ области души и идеаловъ. О, если бы каждый неврастеникъ созналъ это!.. Какъ много для него составляетъ окружающая среда и внѣшній міръ съ его условіями! Онъ желаетъ и желаетъ, добивается и требуетъ,—и всегда только для себя,—и неудовлетворенный и вѣчно разочарованный онъ блуждаетъ

¹⁾ Bhagavad Gita oder das hohe Lied der indischen Veda, übertragen von F. Hartmann.

кругомъ, до тѣхъ поръ, пока не вспомнить о своемъ дѣйствительномъ „я“ и не сумѣть отказаться отъ заблужденія, что его существо имѣетъ свое основаніе въ этомъ мірѣ внѣшностей.

Выслушайте изреченіе древняго мудреца: „Ты не то, что ты есть, но что ты не есть, то ты и есть“.— Понимаете ли?—Здѣсь одинъ разъ „есть“—значить внѣшнее бытіе, жизнь въ мірѣ чувственныхъ явленій и предметовъ, а второй разъ „есть“ обозначаетъ участіе въ божественной душѣ, одушевляющей міръ, жизнь въ ней и сліяніе съ нею.

Впрочемъ, если вы желаете полнѣе вкусить азиатской мудрости, то вы должны отправиться за нею еще дальше къ востоку, къ сынамъ небесной имперіи. Погрузитесь благоговѣнно въ удивительныя ученія, завершающіяся въ идеѣ Тао¹⁾. О такой глубинѣ познанія, о такомъ величій и чистотѣ понятія о Богѣ мы, западные варвары, и не подозреваемъ.

Прочтите это твореніе,—и оно захватитъ васъ въ свою власть, какъ это было со многими, кто съ нимъ ознакомился, такъ какъ такія воззрѣнія имѣютъ удивительную цѣлебную силу для больныхъ людей. Спокойствіе мудреца также вошло въ пословицу, какъ и раздражительность нервныхъ людей; и, конечно, оно было бы самымъ лучшимъ укрѣпляющимъ средствомъ, которое мы могли бы предложить испытать нашимъ нервнымъ больнымъ, если бы они только согласились его принять. Но самообольщеніе—самообольщеніе!—Тревога изъ-за кучки праха, изъ-за этого любезнаго „я“—она велика уже въ этой жизни, а въ будущей хотятъ, чтобы она была еще возможно больше и продолжалась возможно дольше, вмѣсто того, чтобы съ

¹⁾ Wu-Wei. Eine Phantasie über Laotsees Philosophie. Aus H. Borel. „Weisheit und Schönheit aus China“. Hendlers Verlag. Halle.

возгласомъ радости дать поглотить себя морю божественной полноты жизни, откуда самое истинное содержание нашей жизни постоянно выплываетъ вновь, какъ фениксъ изъ пепла, чтобы принять участіе въ развитіи самаго Божества. Это и есть воскресеніе и вѣчная жизнь!

Но для этого я не долженъ оставаться въ томъ же составѣ личности, въ которомъ я случайно былъ въ этой жизни. Что будетъ потомъ—кто можетъ это знать?

Одно достовѣрно, что при этомъ не можетъ быть движенія назадъ, — *nunquam retrorsum!* Поэтому предоставь умирать и исчезать,—жизнь продолжается вѣчно.

„Эта жизнь, присутствующая во всѣхъ вещахъ, живетъ въ скрытомъ видѣ и неуничтожима тамъ, гдѣ она живетъ“ (Гита).

Предоставь спокойно волнамъ жизни нести тебя и не бойся ни случайностей твоего личнаго существованія, ни его конца.

Неси меня, колеблющійся валъ,
Къ любимому берегу, что меня призываетъ.
Если жъ безжалостно хочешь меня разбить,
Чтобы потонулъ корабликъ моей жизни,—
Радостно буду я стоять у руля,
Твердо чрезъ бури править ладьей,
Пока она не разобьется о выдающуюся скалу;
Стоя прямо, хочу я принять смерть!
Неуничтожимо то, что я прожилъ,
Что я любилъ и чего ожидалъ,
Какъ ни пестро слагалась моя судьба,
Крѣпкими нитями сцѣплялось мое вещество!
Пусть оно разсѣется въ морѣ вселенной!
Чего я желалъ, и что совершилось,—

Связываетъ мое существо съ безконечными
цѣлями.
Безстрашно вступлю я на вѣчности путь.

XVII. О Божествѣ.

„Стремленіе, которое управляетъ міромъ, вы называете безсознательнымъ?“

Сначала безсознательнымъ—да. Это показываетъ уже самое слово. Сознательная жизнь нуждается въ органѣ, чтобы стать сознательной. Стремленіе въ нашемъ человѣческомъ смыслѣ не требуетъ сознательности и, однако, съ точностью лунатика идетъ неуклонно къ своимъ цѣлямъ. Въ немъ заключается нѣчто въ родѣ страстной жажды, которая борется за достиженіе сознанія и которая создаетъ себѣ органы, служащіе для этого достиженія; къ такимъ, напри- мѣръ, я причисляю мозговья образованія.

Кто вамъ можетъ сказать, не есть ли это, можетъ быть, внутренній смыслъ всѣхъ земныхъ формъ развитія—созданіе на нашей планетѣ возможностей сознанія?

Легкому дыханію, дуновенію подобно,
Повсюду присутствуетъ Богъ,
Который ждетъ призыва человѣка.

(Г. ф.-Штейнъ).

Человѣкъ, который дѣлаетъ самого себя предметомъ изученія и познанія и который уразумѣлъ, что эта мысль о развитіи дѣйствуетъ на теченіе его жизни, который знаетъ о собственномъ возрастаніи и, зная это, наслаждается, не есть ли онъ съ момента этого познанія нѣчто божественное, такъ какъ этотъ

моментъ указываетъ ему на то, что онъ участвуетъ въ развитіи самаго Божества! Божества?—Да, потому что это сознательное возрастаніе вверхъ и стремленіе въ вышину есть нѣчто столь цѣнное, что я не могу себѣ представить даже Божества безъ этого высшаго превосходнаго качества. Чѣмъ было бы Божество и чѣмъ была бы вселенная, если бы они также не развивались и не стремились къ верху, но въ вѣчно неподвижной законченности и совершенствѣ смотрѣли бы на насъ съ высоты и сами для себя пришли бы уже къ концу со своей мудростью!

Я никогда не цѣнилъ успѣха.—Борьба за него, вотъ что привлекало меня; это есть то, что создаетъ наше блаженство. Та цѣль, которой я могу достигнуть безъ того, чтобы она являлась только оболочкой для дальнѣйшихъ и болѣе высокихъ задачъ, перестаетъ привлекать меня, и я оставляю ее безъ вниманія, какъ не имѣющую никакой цѣны, несмотря на то, что я такъ горячо стремился къ ней.

Поэтому я цѣню борьбу выше, чѣмъ побѣду, и возрастаніе больше, чѣмъ окончательное завершеніе.

Итакъ, мнѣ кажется, что вся вселенная со всѣмъ въ ней происходящемъ есть лишь средство, черезъ которое и въ которомъ мысль творца восходитъ ко все болѣе высокимъ и болѣе сознательнымъ формамъ существованія, о которыхъ я говорилъ какъ о ближайшихъ познаваемыхъ нами цѣляхъ міра. Такимъ образомъ, все, до мелочей, проникнуто и наполнено Божествомъ, и міръ чувственныхъ явленій и предметовъ есть только одежда, въ которую облекается божество, и подъ которой оно скрываетъ свое самое внутреннее существо отъ тѣхъ, кто не хочетъ видѣть.

„Глупцы воображаютъ, что то, что открыто

И видимо, то и есть „самая сущность“ вещей;

Они не знают неоткрытаго,
Того, что есть высшее и непреходящее.
Закрытый призракомъ явленій
Я—Духъ—не открываюсь каждому,
И ослѣпленный міръ не узнаетъ меня
Меня, нерожденного и вѣчнаго.

(Багавать-Гита. Пѣснь VII, ст. 24—25).

Впрочемъ, что значить, въ концѣ концовъ, сознательный и безсознательный! Мы измѣряемъ это на основаніи нашихъ человѣческихъ понятій. Мы просто отрицаемъ то, чего мы не видимъ. Такъ мы отрицаемъ присутствіе душевнаго начала и первыхъ признаковъ нравственныхъ свойствъ у животныхъ, мы отрицаемъ нервныя явленія и ощущенія у растеній, мы и теперь склонны отрицать органическую жизнь у кристалловъ, какъ вообще жизнь у всего неорганическаго,—все это—проявленіе человѣческой узости и самопереоцѣнки.

Конечно, въ человѣческомъ смыслѣ кристаллъ не живетъ. Онъ не ощущаетъ и не сознаетъ; но первые признаки всего этого, несомнѣнно, имѣются въ немъ, хотя бы въ видѣ общихъ, еще не дифференцированныхъ качествъ ¹⁾. Ощущеніе, какъ и всѣ другія качества живого вещества, проходитъ послѣдовательный постепенный рядъ ступеней развитія. Такъ какъ мы, люди, привыкли называть ощущеніемъ только то, что находится, скажемъ, между 85—90 градусомъ этой лѣстницы, то далеко не справедливо не считать за таковыя то, что находится отъ 17 до 20 градуса. Споръ о словахъ!

Въ общемъ смыслѣ, а не въ узкихъ границахъ человѣческаго кругозора, атомъ углерода или кремень

¹⁾ Das Empfindungsprincip und die Entstehung des Lebens, von J. G. Vogt. Leipzig.

живеть, чувствуетъ и любитъ въ принципѣ такъ же точно, какъ и мы. И когда двѣ вещи притягиваются, или когда двѣ химическія частицы, сообразно съ ихъ сродствомъ и силой притяженія, падаютъ одна на другую, и въ ликующемъ взрывѣ отъ ихъ соединенія происходитъ нѣчто новое—третье, котораго раньше не было, то кто же можетъ оспаривать у меня право назвать это любовью, а всему процессу приписать качество ощущенія! Все одушевлено! *Мауретт*

Однако, какъ уже было сказано, тѣла, міръ явленій не суть только простые носители душевныхъ качествъ, и еще меньше душевное начало есть результатъ тѣлесныхъ явленій. Нѣтъ, оно есть только внутренняя сторона этихъ процессовъ, тогда какъ послѣдніе служатъ лишь внѣшнимъ выраженіемъ для нихъ.

Если одно изъ этихъ началъ, душевное или тѣлесное, имѣло бы преимущество передъ другимъ, то это значило бы, что единство жизни разрушено. Только скрытое за тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, проникающее черезъ то и другое, находится вѣчное влеченіе, какъ первоначальная основа божественнаго, какъ страстное стремленіе къ бытію. „Всѣ вещи конечны и могутъ быть осязаемы; только стремленіе безконечно“ (Г. ф.-Штейнъ). Это стремленіе, само собой разумѣется, не имѣетъ человѣкоподобнаго сознанія,—болѣе того, оно когда-то было даже и безъ душевныхъ и безъ тѣлесныхъ свойствъ. Но эти свойства заключались въ немъ какъ скрытыя возможности: „Смотри, въ вѣчномъ бытіи каждая вещь заключается въ скрытомъ видѣ“ (Гита).

И это побужденіе къ существованію постоянно возрастало все сильнѣе до тѣхъ поръ, пока это влеченіе изъ своего первоначальнаго ощущенія страстнаго стремленія не родило нѣчто субстанціальное,

благодаря своему сгущенію, если говорить образно.

Итакъ, я могу назвать такое стремленіе точно такъ же дѣйствительностью бытія, какъ и вселенную, которой оно было матерью, или точно такъ же, какъ я говорилъ о дѣйствительной цѣнности мысли. И эта реальность заключаетъ въ себѣ возможность вещественныхъ формъ явленій; она есть сумма какъ ихъ, такъ и всѣхъ міровыхъ возможностей вообще, существо которыхъ и главное содержаніе остается вѣчнымъ до тѣхъ поръ, пока только міры могутъ формироваться, развиваться и измѣняться. „Она остается неподвижнымъ полюсомъ въ теченіи явленій“, настоящимъ собственнымъ „я“ древне-индійской мудрости. Въ этомъ смыслѣ я понимаю завѣщаніе Генриха фонъ-Штейна, который написалъ: „Стремленіе создало этотъ міръ“.

Не забудемъ, что все это—„образы“, въ которые я долженъ облечь свои мысли; они взяты изъ человѣческихъ выраженій для того, что непостижимо и невыразимо. Когда бы я думалъ, что могу дѣйствительно наглядно обьяснить вамъ безконечное, то вы, конечно, могли бы быть увѣрены, что мы при этомъ далеко отстанемъ отъ дѣйствительности. Богъ, котораго я могъ бы сблизить съ человѣческими понятіями, былъ бы для меня слишкомъ малъ, чтобы называть его богомъ. „Путь, который ты можешь описать не есть путь“—такъ гласитъ эта истина изъ устъ древняго Лао-Тзе *). Также стихъ первый заповѣди Моисеевыхъ скрижалей имѣетъ такой смыслъ: „Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія“,—для изображенія Меня,—потому что ты этого не можешь,—это слишкомъ превышаетъ твои силы. И то, какъ ты

*) Здѣсь разумѣется путь къ полному познанію Божества, а словомъ „путь“ образно обозначается и само „Божество“.

меня себѣ представляешь, то остается для моей истины только поддѣлкой, — поэтому отбрось это.

Что значитъ вообще желать составить себѣ представление о Богѣ? Не есть ли это бессмысленный трудъ? Представить можно только нѣчто чувственное, но никогда нѣчто, столь безусловно безчувственное или, если вы хотите, сверхчувственное, какъ то, что мы пытаемся охватить словомъ „божество“).

Но то, что я не могу себѣ представить, я могу узнать по его дѣйствіямъ. Поэтому мы спокойно слѣдуемъ за однажды избраннымъ образомъ. Стремленіе такимъ образомъ воплощается въ формы чувственного явленія. Но матеріальное, конечно, выступаетъ на сцену только постепенно и, можетъ быть, послѣ многихъ переходныхъ формъ. Въ концѣ концовъ процессъ конденсированія заходитъ такъ далеко, что стремленіе сполна переходитъ въ него, проникаетъ собой весь міръ — его содержаніе или фазу его развитія и становится не только побудительной силой, но и руководящей господствующей нотой.

И вмѣстѣ съ все болѣе сложной и высшей дифференціаціей массъ вещества обособляются и законы природы, какъ выраженіе ихъ взаимоотношеній, въ силу которыхъ они служатъ заложеннымъ въ нихъ и неустанно стремящимся впередъ инстинктивнымъ побужденіямъ — все еще бессознательно въ смыслѣ нашего человѣческаго сознанія.

Только въ насъ, въ людяхъ, достигаетъ божественное стремленіе этой своей цѣли, которую мы съ нашей точки зрѣнія склонны такъ высоко цѣнить. Мы справедливо считаемъ развитіе нравственного человека „божескимъ повелѣніемъ“; оно также является для насъ высшей изъ тѣхъ внутреннихъ цѣлей, къ которымъ мы стремимся.

Этимъ я также переношу „личное“ провидѣніе, управляющее міромъ извнѣ съ человѣческой сознательностью, и цѣли, къ которымъ оно насъ ведетъ съ сознательнымъ умысломъ, внутрь событій. Я не даю вселенной отдыха, когда цѣль достигнута, но заставляю ее безконечно стремиться къ цѣлямъ, постоянно возникающимъ на ея пути въ безконечности, порождающимъ новыя цѣли и представляющимъ безконечное движеніе къ верху, безъ конца и безъ завершенія, вѣчное „впередъ“. Я вижу направляющую линію, которая уходитъ въ безконечность, не заканчиваясь,—движеніе впередъ, которое никогда не прекращается.

Однако, я читаю одинъ вопросъ на вашихъ устахъ, вопросъ о первой побудительной причинѣ. Я долженъ отвѣтить вамъ, гдѣ лежитъ основаніе ко всему этому, гдѣ возбуждающая сила? На это я уже давно вамъ отвѣтилъ: въ стремленіи къ высшему существованію.

А начало этого стремленія?—Безсмысленный вопросъ! Стремленіе знаетъ только цѣль, но не основаніе! Міръ не подталкивается сзади*), а привлекаемый цѣлью стремится къ ней навстрѣчу.

* * *

Я думаю, что и вы охотно доверитесь такому провидѣнію! Если вы, какъ нервный, легко возбуждающійся человѣкъ, будете представлять себѣ провидѣніе въ слишкомъ личномъ и человѣческомъ видѣ, вы легко поддадитесь искушенію разсердиться на него, точно такъ же, какъ вы жалуетесь на дурное обращеніе и недостатокъ пониманія со стороны вашихъ старшихъ, которые на самомъ дѣлѣ имѣютъ въ виду только вашу пользу.

*) Ср. что сказано на стр. 81.

Исторія религій на землѣ достаточно часто показывала, какъ легко воображать себя покинутымъ своимъ Господомъ Богомъ. Такимъ образомъ, уже заранѣе предполагается возможность быть покинутымъ. Мнѣ кажется, что можно чувствовать себя болѣе увѣреннымъ на лонѣ всеобщей матери-природы. Божественное въ ней не знаетъ исключеній для своихъ стремленій и любви; ей равно чужды какъ мелочный произволь, съ которымъ народы считались, когда дѣло шло объ ихъ старыхъ богахъ, такъ и мстительный гнѣвъ, передъ которымъ они трепетали.

Въ заключеніе то, что я вамъ здѣсь говорю, представляетъ только одно изъ толкованій древней загадки человѣчества, которую каждый пытается рѣшить на своемъ языкѣ, „почему же и мнѣ не попытаться сдѣлать это на моемъ“? Евангеліе отъ Іоанна и гностики называли это логосомъ, —я называю страстнымъ стремленіемъ. Шопенгауеръ говоритъ о воли и представленіи; мнѣ это не нравится, потому что слишкомъ напоминаетъ человѣчески сознательную жизнь, а дѣйствія, касающіяся всей вселенной, требуютъ болѣе высокихъ словъ. Мы на землѣ являемся началомъ просвѣтляющаго сознанія, хотя предстоитъ еще много усилій до тѣхъ поръ, пока все, что мы сейчасъ называемъ матеріей, не достигнетъ этой ступени сознательнаго существованія.

Безсознательное въ смыслѣ Эд. ф.-Гартмана кажется мнѣ болѣе яснымъ, потому что оно еще ближе подходитъ къ понятію внутренняго стремленія и его непостижимой силы, которую мы благоговѣнно ощущаемъ во всемъ превосходящемъ насъ.

Колоссальное построеніе ученія Фехнера о сверхпознаваемомъ нисколько не противорѣчитъ этому, потому что оно хочетъ только высказать объ обширнѣйшихъ формахъ жизни, что имъ свойственно со-

знаніе иного рода и болѣе обширное, чѣмъ присущее человѣку, и что это сознаніе обладаетъ гигантскими точками зрѣнія, къ которымъ, конечно, мало что подходитъ въ частностяхъ.

Да, въ каждомъ изъ насъ находится частица Фауста. Въдь онъ также добросовѣстно старался перевести „Логоса“ на свой языкъ. Кто, впрочемъ, не дѣлалъ этого? Посмотрите, вотъ передъ вами первый стихъ Евангелія отъ Іоанна, переложенный на мой ладъ. Вы безъ труда узнаете соотвѣтствующія строки Лютерова текста:

Вначалѣ было стремленіе;
И оно наполняло все Божество,
И Богъ былъ страстнымъ побужденіемъ.
Таково было въ началѣ всего божескаго страстное
влеченіе.

Усиленно росло оно.
И стало „осуществленіемъ“,
И какъ вѣчное становленіе явилась вселенная,
Во плоти вшееся стремленіе.

Ничего нѣтъ во вселенной, что не родилось отъ
страстнаго стремленія,
Оно есть начало и основаніе
Всего совершеннаго и всего бытія.
Смысль жизни есть страстное стремленіе.

Глубоко изъ скрытой тьмы
Выполняетъ ненасытное побужденіе могучія дѣя-
нія,

Прямо устремляясь къ свѣту,
Но не сознавая самого себя.

Наконецъ оно становится „человѣкомъ“.
Появляется заря самосознанія,

И сіяніе богопознанія

Освѣщаегь путь, по которому онъ идетъ.

* * *

„Это все прекрасно и вѣрно;

И то же приблизительно говоритъ пасторъ“.

Но не думаете ли вы, докторъ, что пасторъ найдеть неприличнымъ такое толкованіе древней загадки человѣчества?

Очень можетъ быть. Но я не могу согласиться, что тѣмъ, что я говорилъ о личномъ Богѣ и о безсмертіи, я что-нибудь разрушалъ. Это только дальнѣйшее развитіе этого понятія за предѣлы узкихъ дѣтскихъ формъ, которыя уже больше не могутъ соотвѣтствовать нашему выросшему чувству. А того, кто сталъ бы трусливо отъ меня отрещиваться, я попрошу еще разъ взять въ руки Новый Завѣтъ и сравнить высоту пониманія Евангелія отъ Іоанна съ наивно-чувственной точки зрѣнія, выступающей въ трехъ первыхъ Евангеліяхъ, которая не рѣшается подняться отъ іудейскаго представленія доступнаго чувствамъ Бога до высоты, проявляющейся въ ученіи гностиковъ объ имманентности и о духовномъ существѣ Бога.

Такъ же обстоитъ дѣло и съ идеей безсмертія. Она тоже, какъ я вамъ показалъ, доступна развитію и не должна оставаться при грубо-призрачныхъ представленіяхъ старыхъ религіозныхъ формъ. Наше понятіе о жизни сдѣлалось безконечно богаче и тоньше; мѣсто неподвижной индивидуальной замкнутости заступило плодотворное познаніе связи всего живущаго; зачѣмъ считать меня разрушителемъ, потому что я хочу показать тѣмъ, кто подобно мнѣ не хочетъ вѣрить въ привидѣнія, какъ идея безсмертія сли-

вается съ громкой симфоніей постоянно мѣняющейся, неразрушимой жизни! Точно такъ же и понятіе божества выводитъ меня далеко за тѣсныя предѣлы такъ называемой „личности“—въ безпредѣльность. Да и какое значеніе могло бы имѣть для насъ ограниченное божество, которое допускаетъ внѣ себя бытіе и совершеніе цѣлаго міра, а не обнимаетъ и заключаетъ въ себѣ всего. То, что я здѣсь говорю, означаетъ больше, чѣмъ только пантеизмъ. Вселенная исчерпывается въ божествѣ, но божество не исчерпывается во вселенной, которая есть только одна изъ заключающихся въ немъ безчисленныхъ возможностей, потому что божество есть нѣчто большее, чѣмъ простая сумма явленій, больше, чѣмъ ихъ душа; оно—основаніе суще ствованія во вселенной духовныхъ свойствъ, оно—смыслъ міра!

„Божество—это все; что не оно—ничто. Оно—любовь и любимое, оно—любящее въ томъ, что любить. Во всемъ живущемъ оно есть жизнь, во всемъ существующемъ—бытіе. Оно—не вещь, но всѣ вещи въ немъ; оно—основаніе, начало, сущность и конецъ всѣхъ вещей. Оно—вселенная, міръ чувственныхъ явленій и также вѣчный духъ, покоящійся за этими явленіями, какъ безпредѣльное пространство, гдѣ обращаются міры, которые находятся въ немъ и совершенно проникнуты имъ“.

Такъ, и приблизительно такъ звучитъ это въ древнихъ пѣсняхъ Веды, въ которыхъ нашли себѣ мѣсто самыя прекрасныя и возвышенныя формы выраженія, въ которыхъ говорится и поется о сущности божества. Погруженіе въ ихъ вѣчную красоту является чудеснымъ цѣлебнымъ напиткомъ для многихъ усталыхъ людей, Летой, заставляющей ихъ забывать то, что причиняло имъ страданія. То же самое чувство-

валь Генрихъ фонъ-Штейнъ, когда онъ писалъ въ своемъ завѣщаніи:

„Набожное благоговѣніе, которое охватываетъ тебя, это для тебя, братъ мой, то же, что цвѣты для растенія, красота для моря“.

XVIII. О человекѣ и его нравственномъ идеалѣ.

„Вы развернули передо мной, докторъ, картину міра, которая можетъ возвысить меня надъ бѣдствіями повседневности. Но мнѣ недостаетъ въ ней еще кое-чего—человѣка, какъ вы его себѣ представляете.

Конечно, существуетъ много людей, которые могутъ быть такими, какими они вамъ представляются. Но что значатъ они въ сравненіи съ массой, со стадомъ тупыхъ, безчувственныхъ, жадныхъ до наслажденія индивидовъ, которымъ совершенно чуждо высокое стремленіе, увлекающее впередъ вашъ идеальный міръ!“

Вы несправедливы ко мнѣ. Я представляю себѣ человекѣка такимъ, каковъ онъ есть. Но я вижу его также такимъ, какимъ онъ былъ, и вижу, что онъ сдѣлался другимъ, и что каждая народная волна продвигается немного дальше и каждый разъ отрываетъ кусокъ отъ холоднаго скалистаго берега матеріальнаго міра и увлекаетъ его съ собой въ своемъ движеніи. Одна культура не только смѣняетъ другую,—она также, по сравненію съ ней, подвигается немного впередъ.

Я уже говорилъ вамъ, что движеніе впередъ преслѣдуетъ не „успѣхъ отдѣльныхъ единицъ“, а образованіе способностей въ общемъ смыслѣ. „Если путь ведетъ къ цѣли, то безразлично, какова его длина“ (E. Götte).

То, что мы еще не сдѣлались идеальными людьми, вовсе не свидѣтельствуетъ противъ моей вѣры въ

побѣду прекраснаго, благороднаго и великаго! Мы представляемъ ступени развитія, т.-е. несовершенство а ргіогі, по сравненію съ идеальнымъ образомъ, парящимъ передъ нами въ качествѣ цѣли.

Но такъ будетъ всегда! Положимъ, что одному изъ слѣдующихъ поколѣній удастся достигнуть высшихъ соціальныхъ благъ, и оно будетъ въ любви и мирѣ наслаждаться лучшимъ существованіемъ, чѣмъ то, какое предназначено намъ. Но не думаете ли вы, что на высшей ступени развитія возникнутъ и высшія стремленія? Всякій ростъ вызываетъ новыя требованія, новыя цѣли, и неудовлетворенность остается всегда живой двигательной силой. Жалобы на отсутствіе идеальныхъ людей будутъ звучать до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать люди, хотя бы они стали какъ боги.

Что намъ нужно—это не возможность создать въ одно мгновеніе изъкаждаго изъ насъ вдохновеннаго идеалиста, который такъ же дѣйствуетъ, какъ и чувствуетъ, нѣтъ; прежде всего намъ необходима вѣра въ прогрессъ. Мы должны знать, что работой цѣлыхъ поколѣній мы можемъ достигнуть того, что лишь не совершенно достигается отдѣльнымъ человѣкомъ, но что, однако, не стоитъ передъ нашимъ душевнымъ сознаніемъ, какъ недостижимый идеалъ, а уже жило на землѣ, среди насъ. А если вы думаете, что эти межевые знаки въ исторіи человѣчества встрѣчаются слишкомъ рѣдко для подтвержденія моей вѣры въ будущность цѣлаго, то я отвѣчу вамъ, что вы слишкомъ слѣпы для того, чтобы видѣть ихъ.

Среди насъ существуетъ достаточно великихъ людей, на которыхъ мы могли бы опереться. А на землѣ странствовалъ одинъ идеальный образъ, ко-

торый намъ всѣмъ знакомъ, и въ которомъ намъ была показана возможная для человѣка цѣль.

Вы думаете, что это значить ожидать слишкомъ многого? Что наша общая нравственность слишкомъ низка для этого? Я прекрасно знаю, что сейчасъ эта цѣль недостижима, но „я люблю того, кто добивается невозможнаго“, потому что ему принадлежитъ будущее!

Это полное самоотреченіе въ духѣ нравственнаго добра и величія, которое представляетъ намъ вся жизнь Христа и которое въ чудесной гармоніи проникаетъ каждую его мысль, каждое дѣйствіе,—это самоотреченіе раскрываетъ передъ нашими глазами божественный лейтмотивъ въ тысячелѣтій, призыву котораго мы должны „слѣдовать“ совершенно сознательно. И мы „слѣдуемъ“ за нимъ, хотя и колеблющимися шагами.

Въ Христѣ божественная мысль достигла въ человечествѣ необычайной высоты. На пути къ ней мы научимся все больше пренебрегать нашими безразсудными и близорукими желаніями и освободиться отъ путъ „самообольщенія“, принимающаго за общій центръ наше „я“. Въ полномъ забвеніи своей личности мы отучаемся заботиться о томъ, что относится къ нашему внѣшнему благосостоянію, о томъ, что, по нашему мнѣнію, хорошо для насъ. Закономѣрность, ведущая насъ впередъ—не смущаясь нашимъ сопротивленіемъ и жалобами—не будетъ больше для насъ оковами и рабствомъ, потому что мы, движимые нашей собственной нравственной силой, дѣйствуемъ и желаемъ такъ, какъ насъ раньше насильно принуждалъ дѣйствовать законъ.

Не только съ полнымъ достоинства смиреніемъ—это есть лишь предварительное условіе и основаніе,—но съ серьезнымъ глубоко прочувствованнымъ ут в е р-

жденіемъ мы сольемся въ одно въ нашихъ желаніяхъ и стремленіяхъ съ духомъ законовъ природы. Мы заключимъ миръ съ ихъ властью, съ полной ясностью признавъ ихъ вѣчную благодать и заключающуюся въ нихъ мудрость. Завѣса упадетъ съ нашихъ слѣпыхъ глазъ, которые раньше ничего не умѣли видѣть.

И изъ гордаго сознанія нашего участія въ ходѣ событій само собой будетъ развиваться наше сознательное нравственное поведеніе, которое безъ всякаго усилія съ нашей стороны станетъ непосредственно вытекать изъ нашего душевнаго расположенія. Условія нашихъ дѣйствій не будутъ тогда намъ казаться противорѣчащими нашимъ желаніямъ, потому что мы будемъ желать только того, что намъ слѣдуетъ желать, чтобы приблизиться къ поставленной передъ нами Богомъ цѣли нашего развитія. Въ этомъ смыслѣ мы не будемъ имѣть никакихъ законовъ надъ собой, а только въ насъ самихъ, и такъ какъ мы станемъ дѣлать, что слѣдуетъ, само собой, то въ этомъ смыслѣ будемъ свободны.

Конечно, я знаю, что еще много бурь пронесется надъ народами земли, пока мы сдѣлаемъ замѣтный шагъ впередъ. Но высшее, что ты подумалъ когда-нибудь о себѣ, это—тавысота, къ которой ты долженъ всегда стремиться.

И поэтому моя вѣра имѣетъ законное основаніе, какъ для всего человѣчества, такъ и для отдѣльной личности. Придетъ время, когда всѣ будутъ знать, что „надъ всѣми добродѣтелями возвышается одна— неизмѣнное стремленіе вверхъ, борьба съ самимъ собой, неутомимая жажда большей чистоты, мудрости, доброты и любви!“

XIX. Объ исполненіи желаній.

„Да, жажда любви! Это какъ разъ то, что заставляло меня не разъ съ ужасомъ сойти съ холодной высоты вашего міровоззрѣнія, такъ какъ вы постоянно настаивали на ничтожествѣ личнаго „я“. — Нѣтъ, оставьте, докторъ, я давно знаю, что ваша вѣра не холодна, и убѣжденъ, что ваша философія не мѣшаетъ вамъ наслаждаться отъ всего сердца личнымъ счастьемъ. Но не отнимаете ли вы у любви ея прочности, лишая человѣка надежды на будущую жизнь?

Не называли ли вы мысли о безсмертіи глубочайшимъ выраженіемъ человѣческаго желанія, его обращенной къ вѣчности мечтой? Развѣ священное стремленіе къ жизни не должно быть вѣчно? Развѣ оно обязано остановиться у вратъ безконечности, потому что „сверхличное“ стоитъ тамъ, подобно херувиму съ огненнымъ мечомъ, и приноситъ наше „я“ въ жертву своей такъ называемой высшей цѣли?

Стремленіе къ красотѣ и высокой любви! Какъ мало удовлетворенія находимъ мы для него въ земной жизни, а вы еще отнимаете у насъ блаженную надежду на будущее!“

Такъ я опять возвращу вамъ ее, слѣпой безумецъ, хотя я именно и отнял ее у васъ. Я хочу открыть вамъ мои мечты о „будущей жизни“, и, можетъ быть, онѣ станутъ ближе вашему сердцу и доставятъ вамъ больше счастья, чѣмъ небо, которое за звѣздами.

Вы ни въ какомъ случаѣ не должны отказываться отъ самаго внутренняго содержанія вашего стремленія къ безсмертію. Очищенное понятіе о природѣ наполняетъ мысль только болѣе богатымъ содержаніемъ, и я хочу также показать вамъ, что мы правы, соединяя его въ столь тѣсную связь со стремленіемъ къ удовлетворенію нашей жажды любви.

Я уже не разъ говорилъ вамъ о томъ, что мы какъ отдѣльныя единицы принимаемъ участіе въ направленномъ къ верху развитіи всего міра живыхъ существъ, и что этотъ послѣдній въ своемъ развитіи зависитъ въ свою очередь отъ того, что было достигнуто многими отдѣльными личностями.

Но развитіе это разсыпалось бы въ прахъ, если бы оно основывалось только на одностороннемъ движеніи впередъ отдѣльныхъ личностей, замкнутыхъ въ тѣсномъ кругу своего „я“, хотя бы это движеніе повторялось въ слѣдующихъ одинъ за другимъ рядахъ. Богатство формъ и возможностей достигается только перекрещивающимися направленіями.

Поэтому отдѣльная жизнь должна сливаться съ другой подобной же жизнью, растворяться въ ней, перемѣшивая и обмѣнивая съ ея внутреннимъ міромъ свой внутренній міръ, чтобы изъ пламени любви возникли новыя ликующія силы и изъ страстнаго стремленія къ жизни новые побѣги, которые съ юной полнотою жизни пошли бы по старому, вѣчному, идущему къ верху пути мірового развитія. И тогда станетъ ясно, что произведеніе потомства и наслѣдственность и есть тотъ путь, по которому происходитъ сохраненіе лучшаго, и вѣрное средство для того, чтобы черезъ слияніе особенно выдающихся индивидовъ продолжать дальше восхожденіе къ верху.

Такимъ образомъ, наши самыя глубокія любовныя стремленія тѣсно переплетаются съ тѣми цѣлями, ко-

тория раскрываются передъ нами въ міровыхъ событіяхъ. Мы видимъ, что прекраснѣйшее желаніе нашего сердца служить тому стремленію вверхъ, познаніе котораго въ такой упоительной красотѣ представляется намъ при изслѣдованіи исторіи развитія міра.

Но если правда, что въ жизни человѣчества высшая сила ведетъ насъ все къ новымъ высотамъ нравственнаго развитія—а это правда—тогда въ ея соединеніи съ творческимъ инстинктомъ жизни, толкающимъ другъ къ другу людскія сердца, заложено также ручательство въ исполненіи желанія, поднимающагося къ солнцу. Да, я думаю, что при такихъ обстоятельствахъ не было бы слишкомъ большой смѣлостью вѣрить, что уже одно ихъ существованіе несетъ въ себѣ ручательство въ успѣхѣ.

Конечно, при этомъ присоединяется необходимое условіе, чтобы желаніе не было направлено на мелкое исканіе минутнаго наслажденія, а стремилось бы къ благороднѣйшимъ жизненнымъ цѣностямъ, иначе инстинктъ не служилъ бы въ значительной степени общимъ цѣлямъ. Правда, для счастья многихъ пригодно многое, но то, что люди съ высокой душой считаютъ желательнымъ, то встрѣчается рѣдко, и удовлетвореніе его зависитъ отъ того, насколько мы его достойны. Поэтому вы передъ этимъ справедливо жаловались, что мы часто узнаемъ съ глубочайшимъ страданіемъ, что лучшее въ насъ осталось только желаніемъ и не было удовлетворено.

Но я думаю, что для этого есть внутреннее основаніе, потому что количество успѣха соразмѣряется съ количествомъ цѣнностей, которыя удалось пріобрѣсти каждому человѣку, и чѣмъ выше онъ поднимаетъ руки къ звѣздамъ, тѣмъ чище онъ должны быть. И чѣмъ больше онъ былъ одаренъ,

тѣмъ больше отъ него потребуется, но при этомъ, можетъ быть, онъ тѣмъ больше будетъ въ состояніи достигнуть особенной высоты черезъ очищающее пламя страданія.

Но если я соглашусь съ вами, что въ васъ, какъ въ отдѣльномъ существѣ, какъ разъ самыя благородныя желанія остаются часто неутоленными, и если я все-таки твердо вѣрю въ ихъ исполненіе, то я снова вывожу васъ изъ границъ вашего маленькаго личнаго „я“ въ жизненную среду того сверхличнаго, что неизмѣнно проходитъ черезъ измѣнчивые образы такъ называемой личной жизни. Здѣсь процвѣтаетъ исполненіе нашего страстнаго желанія, то исполненіе, которое для насъ, какъ для отдѣльныхъ личностей, не осуществляется, но реализуется въ неясно предчувствуемой будущности, которую мы подготовляемъ въ совершающемся много сотъ разъ дѣленіи и новомъ сліяніи преходящихъ „личностей“, потому что то, что мы приобретаемъ въ борьбѣ за высшія блага жизни, не пропадаетъ даромъ даже и тогда, когда мы перестаемъ въ этой формѣ странствовать по землѣ въ качествѣ отдѣльныхъ личностей. Остается связь съ веществомъ, которое покидаетъ нашу жизненную форму и въ соединеніи съ легкимъ дуновеніемъ индивидуальнаго отпечатка устремляется къ новому пробужденію. Наши глубочайшія желанія идутъ вмѣстѣ съ нимъ. И прежде всего въ нашихъ жизненныхъ продолженіяхъ, происходящихъ въ свою очередь отъ родительскаго корня, выступаетъ наружу то, что всегда существовало, какъ сила.

Такова моя „будущая жизнь“, гораздо болѣе оживленная нравственными цѣлями, чѣмъ старая вѣра въ ея эгоистической узости. Я не знаю лучшаго пути, чѣмъ тотъ, который природа проложила чело-вѣку, чтобы вызвать въ немъ стремленіе къ жизнен-

ной высотѣ, даже и тогда, когда она привлекаетъ его на поросшую терніемъ тропу неисполнимыхъ желаній, такъ какъ этимъ она принуждаетъ его стремиться къ нравственной высотѣ, потому что мы должны считаться съ тѣмъ, что мы боролись если и не для себя, то для будущихъ формъ жизни, которыя пожнутъ благіе плоды нашихъ стараній.

Или не пожинаемъ ли мы ихъ всегда сами? Можетъ быть, мы провели только слишкомъ узкія границы для индивидуальнаго? Развѣ въ самой глубинѣ нашего внутренняго „я“ мы сами не являемся тѣмъ сверхличнымъ, которое надѣваетъ на себя въ насъ только новый образъ, чтобы, постоянно возобновляясь, продолжать свой ростъ. Если и оно не продолжается вѣчно, а является только преходящей волной еще высшихъ формъ существованія, то для насъ, маленькихъ людей, и это уже представляетъ безпредѣльную будущность, будущую жизнь.

Гдѣ граница, спрашиваю я еще разъ? Не бываетъ-ли она всегда искусственной? И не необходимо ли только продвинуть ее вверхъ, чтобы признать въ себѣ существованіе непрерывно движущагося духовнаго начала.

* * *

Если такія мысли въ большинствѣ людей живутъ только въ видѣ неяснаго предчувствія, то въ мощной поэзіи онѣ достаточно часто выступаютъ въ полномъ сознаніи. Подумайте только о необычайной глубинѣ пѣсни Брунгильды въ Эддѣ и о томъ, какъ Вагнеръ въ своемъ гигантскомъ твореніи вызвалъ ее къ новой жизни! вспомните, какъ въ этомъ образѣ воплотилось сознательное стремленіе къ жизненной высотѣ и любовное стремленіе, переходящее, какъ

само собой разумѣется, отъ сына къ сыну, пока оно не находитъ себѣ удовлетворенія.

И дайте мнѣ рассказать еще мою мечту объ этой тайнѣ, самой сказочно-прекрасной изо всѣхъ, скрывающихся въ глубинѣ всего происходящаго въ мірѣ. Не странно ли то, какъ часто мы встрѣчаемъ у поэтовъ мысль, что въ вызывающемъ жизнь любовномъ стремленіи влекутся другъ къ другу два существа, которыя когда-то составляли одно цѣлое? Можетъ быть, кто можетъ это доказать! Но не правильно ли дѣйствуетъ природа, когда въ своемъ движеніи впередъ она создаетъ новыя формы изъ соединенія противоположностей, достигаетъ высшей точки отдѣльнаго развитія черезъ смѣшеніе двухъ равнозначащихъ цѣнностей?—Такъ разъединенныя части пускаются странствовать среди жизненныхъ явленій, и въ своемъ неизбѣжномъ стремленіи къ верху носители этихъ частей съ непреодолимой силой влекутся другъ къ другу, и человѣческія сердца содрогаются отъ самого могущественнаго чувства, которое заложено въ нихъ.

И тогда мы подходимъ къ чуду, которое смотритъ на насъ своими загадочными глазами и спрашиваетъ: „Почему я стремлюсь къ тебѣ, а твой путь такъ неизбѣжно ведетъ тебя ко мнѣ?“ Что значитъ, что на насъ какъ бы нисходитъ познаніе, и намъ становится извѣстно, что мы много лѣтъ ждали этого, жили для этого.

— Много лѣтъ? Не гораздо ли дольше?

Не означаетъ ли это познаніе гораздо болѣе глубокою общностью жизненныхъ отношеній? Не является ли наше стремленіе выраженіемъ того, что то, что сначала было слито въ одно, двигалось впередъ по различнымъ путямъ, а потомъ, при встрѣчѣ долж-

но въ сверкающемъ пламени соединиться снова вмѣстѣ, такъ какъ съ самаго начала было одно.

Нагруженное ростомъ способностей, вызванныхъ сотнями другихъ связей, оно радостно стремится къ первоначальному единству, сознавая себя таковымъ, какъ Зигмундъ и Зиглинда, встрѣтаясь въ майскую ночь, узнають другъ въ другѣ близнецовъ, въ майскую ночь, создавшую героя, который самъ долженъ былъ вырасти выше божескихъ желаній.

Въ этомъ чудномъ образѣ передъ нами раскрывается одна изъ глубочайшихъ тайнъ вѣчно мѣняющейся природы на ея пути черезъ безсмертіе и переселеніе душъ къ любви и черезъ любовь къ новому безсмертію и все болѣе высокому и богатому возрастанію.

Когда существа встрѣчаются во вселенной,
Которыя скрываютъ въ себѣ то, что было единымъ
однажды,

То они съ ликованіемъ стремятся другъ къ другу,
Познавши силу закона жизни.

И отъ ихъ соприкосновенія происходитъ новое существо,
еще,

Отъ того же корня, но выше организованное.

Первобытное стремленіе радуется: наконецъ!

Вспыхнулъ какъ пламя священный поцѣлуй.

Но тотъ, кому Норна иной бросила жребій,

Такъ какъ судьба еще не сочла его зрѣлымъ,

Тому она указываетъ на трудную тропу въ будущемъ,

Чтобы гордо возрастало въ немъ желѣзное чувство.

Ему также улыбается изъ глубины жизни

Познаніе,—но оно зоветъ на борьбу! и т. д.

И такъ какъ въ насъ достигается удовлетворенія то, что до насъ было стремленіемъ, то и мы

должны, добиваясь безсмертія, перебросить на противоположный берегъ стрѣлу нашего желанія, въ неустанной работѣ устремляясь къ той высотѣ, какая только мыслима намъ, и тогда въ жизненныхъ формахъ, которыя расцвѣтаютъ уже на нашихъ развалинахъ, найдетъ свое удовлетвореніе то, что жило въ насъ какъ стремленіе.

Такова моя вѣра въ странствованіе душевнаго начала среди жизненныхъ формъ и въ его безсмертіе, которое я полагаю въ будущемъ осуществленіи моихъ самыхъ смѣлыхъ и высокихъ мыслей, потому что

„Оттого, что одинъ тебя однажды пожелалъ
Я знаю, что всѣ мы можемъ тебя желать“.

XX. Обь образующей силѣ мысли.

Итакъ, мы пришли къ концу нашей бесѣды. Но я хочу сказать вамъ еще одно, чтобы доказать правильность моего способа учить васъ.

Вамъ постоянно приходилъ въ голову вопросъ: „Какъ я долженъ это дѣлать?“ И я постоянно указывалъ вамъ, что успѣхъ зависитъ отъ вашей спокойной покорности ходу событій, потому что только такимъ образомъ будутъ вызваны къ дѣйствию первоначальныя силы вашей природы.

Правда, вамъ казалось, что въ такой покорности недостаетъ дѣятельности, которую я, однако, защищаю. Но это неправильное пониманіе того, что я хочу. Я старался только удалить вашу дѣятельность отъ того пункта, гдѣ она не у мѣста, и указать ей единственный правильный путь.

Всѣ наши дѣйствія вытекаютъ изъ нашего внутренняго міра, какъ слѣдствіе нашихъ представленій, живущихъ и господствующихъ въ насъ, точно изъ сосуда, заключающаго въ себѣ содержаніе нашихъ представленій. Неправильной техникой воли будетъ то, когда мы, недовольные нашимъ дѣйствіемъ, будемъ добиваться перемѣны посредствомъ измѣненія самого дѣйствія. Намъ тогда приходится постоянно начинать снова непродуцительную работу, потому что, какъ бы мы ни старались отдѣлать и преобразовать эти послѣдствія и результаты нашей внутренней жизни представленій, наше дѣйствіе тѣмъ же неприя-

нымъ для насъ образомъ будетъ вытекать изъ содержанія нашихъ представленій, пока намъ случайно или посредствомъ примѣненія хорошо обдуманной техники не удастся измѣнить самыя наши представленія.

Источникъ нашей дѣятельности, причина рода и образа нашихъ дѣйствій—вотъ тотъ пунктъ, на который должна быть направлена „правильная техника воли“. Въ этомъ заключается тайна успѣха воспитанія и самовоспитанія и вообще всякаго успѣха.

Поэтому вы поступаете неправильно, когда для исцѣленія вашей нервной слабости вы стараетесь только нѣсколько измѣнить вашъ образъ дѣйствія, сдѣлать иначе то или другое. Вы должны создавать лучшія основанія для вашихъ дѣйствій, иные мотивы для ихъ мотивировки, представленія значительной цѣнности и выдающейся силы,—тогда вамъ нечего больше беспокоиться о вашихъ дѣйствіяхъ, тогда, какъ я говорю, все сдѣлается само собой въ здоровомъ, сильномъ видѣ.

Содержаніе нашихъ представленій соотвѣтственно унаслѣдованному составу нашей личности есть измѣнчивая смѣсь противоборствующихъ цѣнностей. Чтобы сдѣлать изъ нея нѣчто здоровое, надо только постепенно и прочно придать этой смѣси черезъ постоянное соприкосновеніе со здоровыми и высокими мыслями такой видъ, чтобы господствующее содержаніе представленій было какъ можно болѣе нравственно высокимъ. Итакъ, міровоззрѣніе—какъ терапия нервной слабости, какъ я говорилъ уже съ самаго начала.

Этимъ я, конечно, приписываю мысли силу, о которой и не подозревали въ вѣкъ вѣса и мѣры. Да, я уже разъ смѣло назвалъ мысль реальной вещью,

и я смѣло представляю ее себѣ какъ видъ силы, подобной другимъ волнамъ энергіи.

Вы не можете себѣ представить этого? Но можете ли вы представить себѣ сущность электрической волны энергіи и тому подобныхъ вещей? Нѣтъ. Но тѣмъ не менѣе вы ни на минуту не сомнѣваетесь въ реальности этихъ вещей. Почему? Просто потому, что онѣ доказали свое существованіе очевидными дѣйствіями. Ну, такъ на этомъ основаніи мы должны признать за мыслью силу, которая дѣлаетъ ее во всякомъ случаѣ госпожей надъ міромъ такъ называемой организованной матеріи.

Наши дѣйствія—слѣдствіе нашихъ представлений. Въ широкомъ смыслѣ слова всякое органическое явленіе безъ исключенія входитъ въ это понятіе: „дѣйствіе“, и такимъ образомъ мы въ концѣ концовъ во всѣхъ частяхъ и во всякое время представляемъ не что иное, какъ осуществившуюся, воплотившуюся реализацію содержанія нашихъ представлений съ особенностями, присущими господствующей части этой смѣси представлений. Однимъ словомъ, мы—образы мысли, мы—то, что думаемъ.

Посмотрите вокругъ себя, каждый такъ называемый типичный человѣкъ служитъ живымъ подтвержденіемъ правильности этого взгляда. Она доказываетъ уже тѣмъ однимъ фактомъ, что вообще существуютъ типы: люди, въ которыхъ всегда можно узнать учителя, священника, офицера, дипломата, художника, типы, чьи господствующія черты характера и направленіе міросозерцанія можно прочесть на ихъ лицѣ. Теперь прослѣдите образующую силу мысли или представленія въ самой глубинѣ вашего внутренняго міра. Если вы искренни съ самимъ собой, то вы прекрасно узнаете себя въ вашихъ побужденіяхъ. Вы—то, что вы думаете. А затѣмъ вспомните еще

разъ обо всемъ—какъ обыденномъ, такъ и изъ ряда вонъ выходящемъ, что я выразилъ вкратцѣ въ понятіи психогеніи (гл. VI). Какъ болѣзненные, такъ и здоровыя явленія суть жизненные процессы, которые всѣ безъ исключенія обусловлены идущими отъ центра, т.-е. нервными, т.-е. душевными вліяніями, все равно, имѣете ли вы въ виду выдѣленіе желчи печеночной клѣткой или расслабленіе мускуловъ вашего лица.

Благодаря этому убѣжденію, являющемуся одной изъ основныхъ мыслей моего міровоззрѣнія, устанавливается для меня возможность со спокойной увѣренностью приступить къ задачѣ врача, которую на меня возлагаетъ ваше довѣріе больного, такъ какъ я знаю, что существуетъ мысль, которой достаточно только овладѣть содержаніемъ вашихъ представленій для того, чтобы побороть ваше болѣзненное состояніе. Я это знаю на основаніи жизненнаго опыта; а не измыслилъ за зеленымъ столомъ. Быть больнымъ — это значитъ имѣть мысли, полныя страха и слабости, — тогда образуются отрицательныя представленія о цѣли и опасенія всякаго рода. Болѣзнь—это ложная мысль, ошибочная оцѣнка ничтожныхъ пустяковъ, однимъ словомъ—самообманъ.

Быть здоровымъ и сильнымъ значитъ имѣть здоровыя и сильныя представленія, которыя стремятся къ образованію всего прекраснаго, высокаго и добраго.

Мысль—это волна силы! Наше мышленіе—это исходный пунктъ образующихъ явленій—не „миоическій интеллектъ“, а центральный пунктъ видовъ энергіи, въ свою очередь зависящихъ отъ управляющихъ ими центровъ высшихъ единицъ! Такимъ образомъ, психогенія въ качествѣ идеогеніи становится

краеугольнымъ камнемъ нашего идеалистическаго символа вѣры, который видитъ въ силѣ этой полной стремленія мысли объ осуществленіи и непреодолимомъ возрастаніи въ вышину вѣчное основное начало и стремленіе всякаго бытія, что приобрѣтаетъ смыслъ и значеніе только какъ воплощеніе образующей міръ силы стремленія.

Итакъ, въ насъ заложена возможность преодоленія страданія черезъ выдвиганіе впередъ дѣйствительно достойнаго вниманія и презрѣніе къ пустякамъ, короче—черезъ познаніе и правильное мышленіе.

„Въ тебѣ самомъ лежитъ причина того, что происходитъ въ твоей жизни. Когда ты вырастешь до полного познанія твоихъ внутреннихъ силъ, тогда ты будешь въ состояніи устроить свою жизнь по собственному произволу!“ Эти слова служатъ эпиграфомъ сочиненія, носящаго названіе: „Въ гармоніи съ безконечнымъ“ *). И дѣйствительно, въ этой гармоніи прекращается страданіе, которое служитъ намъ указаніемъ, что мы сошли съ естественнаго пути, цѣль котораго я называю въ заключеніи этой книги „образованіемъ нравственныхъ способностей“. Мы должны только повернуть въ другую сторону, и указатель умолкаетъ, такъ какъ онъ дѣлается излишнимъ.

Сдѣлать это понятнымъ было задачей нашей бесѣды. Разрѣшена ли она? Если вы выучились въ сознательномъ гордомъ согласіи съ руководимымъ божественной волей ходомъ событій возвышаться надъ вещами съ презрѣніемъ и спокойнымъ равнодушіемъ, такъ что отношенія и люди больше не задѣваютъ васъ лично и не могутъ поэтому причинять

*) Ralph Trine. Engelhorn, Stuttgart. 1905 г.

вамъ страданія, тогда вы во всѣхъ обстоятельствахъ жизни будете обладать спокойной сознающей, себя безстрашной силой, направленной къ благородной нравственной высотѣ, т.-е. къ дѣйствительности, преисполненной самоотверженной, благой любви. Освящайте вашу жизнь, дѣлая царство вашихъ мыслей чистымъ, благороднымъ и высокимъ.

Въ этомъ смыслѣ я хотѣлъ создать изъ нервнаго, слабого челоуѣка и „дилетанта жизни“ посредствомъ дѣйствительно врачебной воспитательной терапіи сильную утвердившуюся въ себѣ личность, которая вышается надъ вещами и освободилась отъ жалкой зависимости отъ нихъ, такъ что любовь, доброта и сила могутъ заступитъ мѣсто нервнаго раздраженія.

Заключеніе,

Двѣ мысли побудили меня высказать то, что жило во мнѣ. Я хотѣлъ помочь многимъ, которые падали въ борьбѣ за міровоззрѣніе, за твердое основаніе для своей нравственной личности.

Привычное не могло уже больше удовлетворять ихъ, новое—естественно-научный матеріализмъ окончательно разстроилъ ихъ: отнялъ у нихъ больше, чѣмъ далъ. Они принуждены были утѣшиться софизмомъ, что отказъ отъ лжи равносильнъ приобрѣтенію положительной истины. Но эта истина была холодна, потому что ей недоставало чувства.

Я нашель среди моихъ нервно-больныхъ такое ужасающее количество потерпѣвшихъ идейное крушеніе, что я дѣйствительно долженъ былъ подумать о томъ, чтобы помочь имъ, потому что я прекрасно видѣлъ, что имъ недоставало силы побороть страданіе, потому что все ихъ нравственное основаніе было лишено положительной силы. И какъ многимъ недоставало также нравственного смысла, вообще нравственного содержанія. Движимые только собственной прихотью, они подобно мячику перелетали отъ наслажденія къ наслажденію, каждый разъ опускаясь на землю все болѣе несчастными и недовольными.

Тогда я сказалъ себѣ, что это—мой долгъ врача пробудить слабыя желанія такихъ больныхъ и къ логикѣ, долженствующей привести въ равновѣсіе

жизнь ихъ представленій, прибавить необходимое количество идеализма; логика безъ сильнаго чувства не создаетъ душевнаго равновѣсія.

И я наблюдалъ выздоровленіе больныхъ, которымъ до тѣхъ поръ не приносили пользы никакія усилія врачей, и они становились подобны тѣмъ страдальцамъ, которые переносятъ свою судьбу, полные глубокой вѣры, безъ ропота на Господа Бога. Я много разъ испыталъ освободительное дѣйствіе этой работы и съ тѣхъ поръ я знаю, что нахожусь на правильномъ пути.

Однако, я хотѣлъ сначала, овладѣть психикой моихъ больныхъ только при помощи разсудка и придумалъ искусную систему для того, чтобы заставить ихъ представленія слѣдовать по желаемому пути. Но мнѣ часто приходилось убѣждаться, какъ это мало удавалось. Какой-нибудь непредвидѣнный ходъ моего противника сдувалъ мой карточный домикъ и разстраивалъ всѣ мои расчеты.

Но когда я вмѣсто этого обратился къ естественному теплomu чувству, побуждаемый только собственнымъ чувствомъ, которому я предоставлялъ почти безсознательно управлять и руководить мной, то я проникалъ также и въ жизнь чувствъ моихъ больныхъ, и они дѣлались мягкимъ воскомъ въ моихъ рукахъ. И когда это мнѣ вполне удавалось, то мнѣ всегда казалось, что я былъ только орудіемъ, что кто-то другой, выше меня стоящій, говорилъ изъ меня или черезъ меня.

Это чувство было такъ сильно во мнѣ, что я съ тѣхъ поръ прекрасно понимаю, что увѣренность лунатика, съ которой безсознательное проявляется въ нашихъ дѣйствіяхъ, словахъ или результатахъ работы, могла безъ психологическаго знанія казаться приходящимъ извнѣ откровеніемъ или вдохновеніемъ.

Я часто испытывалъ такое ощущеніе, точно я долженъ оглянуться назадъ, гдѣ кто-то невидимый нашептывалъ мнѣ слова, подобно тому, какъ Зигфридъ подъ покровомъ шапки-невидимки подсказалъ королю Гунтеру разгадку загадки Брунгильды. Но чудо было не позади меня, а во мнѣ самомъ.

Когда же мы оказываемъ помощь больной душѣ на этомъ пути, на которомъ часто могущественныя мысли подобно бурямъ проносятся надъ нашей головой, необычайно радостное чувство связываетъ врача и больного. И это побудило меня изложить на этихъ страницахъ то, что отъ времени до времени приходило мнѣ въ голову, чтобы полное силъ спокойствіе, которое выросло для меня самого и для больного изъ такихъ размышленій и исканій, могло бы сообщиться и другимъ.

Это спокойствіе есть нѣчто положительное и цѣнное, пожалуй, лучшее, что врачъ можетъ дать больному. Во всякомъ случаѣ оно должно служить основаніемъ для всякаго душевнаго лѣченія, это высокое, благородное смиреніе, которое я въ моемъ первомъ сочиненіи назвалъ „дѣятельной покорностью“, — спокойствіе, изъ котораго только и можетъ возникнуть настоящая сила дѣйствія.

Не то, чтобы я рассчитывалъ такими дарами непосредственно возратить къ нормѣ ложное содержаніе представленій, такъ какъ оно противится критикѣ разума и анализу этихъ представленій. Я этого и не хочу, но я хочу проложить борозды, глубокія борозды въ душевной жизни приходящихъ ко мнѣ людей и хочу посѣять въ нихъ зерна, которыя прижились бы и пустили бы корни, распространяющіеся повсюду, въ самые скрытые уголки, и изъ нѣжнаго ростка выросло бы высокое дерево, подъ тѣнью котораго можно было бы найти покой.

Не къ быстрымъ результатамъ физическаго и діетическаго способовъ лѣченія должна стремиться терапия нервныхъ болѣзней; мы должны дать нашимъ больнымъ нѣчто, что должно еще созрѣть, чтобы быть въ состояніи принести плоды.

Я сказалъ не все, что я хотѣлъ сказать. Глубочайшее и прекраснѣйшее въ насъ едва ли можетъ быть даже выражено, — его можно только почувствовать. Но самое окончательное и глубокое, можетъ быть, и не слѣдуетъ говорить, потому что оно должно развиться въ насъ какъ плодъ собственныхъ усилій, если оно должно имѣть для насъ настоящую цѣнность.

Вторая причина, побудившая меня все это высказать, личная. Я хотѣлъ дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ далеко ушли мои мысли и чувства, чтобы узнать пробѣлы, мѣста, гдѣ я долженъ былъ строить дальше и добиваться лучшаго познанія, чтобы мое оружіе оставалось всегда отточеннымъ для „борьбы за здоровые нервы“, являющейся моею жизненною работою и цѣлью.

Оглядываясь назадъ, на ходъ моего собственнаго развитія, я вижу на моемъ пути укрѣпленный бастионъ, который я взялъ приступомъ въ юности, и гдѣ я просидѣлъ многіе годы. Я думалъ, что достигъ окончательной цѣли. „Дарвинъ и Геккель!“ стояло надъ входомъ, а все вмѣстѣ называлось крѣпостью естественно-научнаго матеріализма. И я чувствовалъ себя такъ хорошо въ твердомъ обладаніи вещами, которыя можно взвѣшивать и измѣрять, и я наслаждался отдѣлкой гордой идеи эволюціи. Но самое прекрасное было то, что сами хозяева крѣпости не были вовсе матеріалистами, да и не хотѣли быть ими.

Но когда я однажды прогуливался въ другомъ

направленіи, я замѣтилъ путевой столбъ, который указывалъ въ ту сторону, откуда я однажды пришелъ съ боя. Я пошелъ по этому пути и увидѣлъ цвѣтущія поля такой красоты, какой мнѣ еще не приходилось встрѣчать, и надпись на путевомъ столбѣ гласила, что эта мѣстность называется идеализмомъ. Но ея нелегко было достигнуть, — мнѣ пришлось много потрудиться, но я былъ вознагражденъ сверхъ мѣры!

Многими путями ходилъ я туда и на каждомъ немного продвигался впередъ, поддерживаемый великими дѣлами естественно-научнаго познанія.

На пути къ детерминизму я достигъ познанія нравственной свободы и основаній отвѣтственности. По дорогѣ къ внутреннимъ мотивамъ я наткнулся на скалистый выступъ, эгоизмъ, а позади него разстлались обширныя поля альтруизма, который я раньше считалъ пустой мечтой. — Моя личность превратилась въ ничто, и я цѣнилъ ее лишь постольку, поскольку она принимала участіе въ тканьѣ той одежды, которая называется живой одеждой божества, и я возрасталъ, какъ часть такой могущественной силы. Я освободился отъ мертвящаго однообразія закона сохраненія силы радостнымъ призывомъ къ „восходящей цѣнности“. Безчувственное цѣлое сдѣлалось для меня великой душой, и изъ ощущенія его выросла въ величественныхъ размѣрахъ все преодолевающая мысль о существующей въ цѣломъ тенденціи развиваться къ верху, въ чемъ и я также принималъ участіе.

Такъ подхватила меня волна и вынесла меня немного за ту границу, до которой меня въ продолженіе ряда лѣтъ выносило теченіе, когда я съ юношескимъ ликованіемъ несся на моемъ корабликѣ, распустивъ всѣ паруса, — отъ монистическаго материализма я пробрался къ монистическому идеализму, къ

монизму нашего стараго учителя Гёте, вѣчно юнаго, научившаго насъ видѣть въ каждой отдѣльной единицѣ всегда только часть цѣлаго, а въ кажущемся цѣломъ символъ вселенной, научившаго насъ изслѣдовать вещи, не только разлагая ихъ на части, но и разсматривать ихъ въ связи съ цѣлымъ, однимъ словомъ, познавать цѣлое въ частяхъ.— Кто захочетъ упрекнуть меня въ томъ, что я указалъ и другимъ людямъ, встрѣтившимся на моемъ жизненномъ пути, на то, что сдѣлало меня счастливымъ!

Такимъ образомъ, изъ отдѣльныхъ начинаній это сдѣлалось для меня пріятной привычкой, а затѣмъ и обязательной дѣятельностью: въ торжественный часъ поднимать довѣрившихся мнѣ людей надъ ихъ собственной личностью на свѣтлыя вершины религіознаго созерцанія, гдѣ они въ опьяненіи отъ одолюющихъ ихъ чувствъ расправляютъ свои крылья, внимая шуму міровыхъ событій, и на мгновеніе познаютъ ихъ во всей ихъ глубинѣ.

Когда такія бури проносятся черезъ внутренній міръ больного, то онѣ дѣйствуютъ съ необыкновенной очищающей силой на все мелкое, жалкое и связанное въ его повседневной душевной жизни, и когда врачъ убѣдится, что излѣченіе нервныхъ болѣзней можетъ быть достигнуто черезъ углубленіе всего содержанія жизни и всего поведенія, когда онъ убѣдится, что большинство его больныхъ страдаетъ не отъ боли въ нервахъ или отъ судороги въ суставѣ, а отъ своей судьбы, короче, если онъ хочетъ быть творцомъ людей въ высшемъ смыслѣ этого слова, тогда онъ долженъ безостановочно итти къ этому высокому пункту своей жизненной дѣятельности!

Это—вторая причина, почему я выступаю публично съ тѣмъ, что я иначе скрылъ бы какъ святыню отъ взоровъ свѣта. Но внутренній голосъ говоритъ

миѣ, что такъ и слѣдовало поступить, что существуютъ люди, которые нуждаются въ толчкѣ именно въ этомъ направленіи и въ указателѣ на этомъ пути.

Только бы удалось какъ слѣдуетъ разобрать надпись на немъ: „Къ спокойствію въ божествѣ!“ гласить она и „Къ миру черезъ познаніе!“

Если ты любишь солнце,

Возьми свой посохъ—ты знаешь свою цѣль:

„Имѣй стремленіе въ душѣ и иди“.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Отъ редакціи	I
Вступленіе	III
Предисловіе ко 2-му изд.	IV
Введеніе. Значеніе проблемъ міровоззрѣнія во вра- чеваніи	VI 1
I. Нервность, разсматриваемая какъ душевный кон- фликтъ и роль логики	25
II. Полезныя примѣненія. Объ ошибочномъ понима- ніи и состояніи обиженности	34
III. О ложномъ вниманіи къ болѣзненнымъ состоя- ніямъ	40
IV. О ложной цѣли и о ложной волѣ	46
V. О произвольномъ. О настоящемъ могуществѣ и о понятіи достижимости	56
VI. Зависимость тѣла отъ головного мозга (психо- генія).	63
VII. О психофизическомъ параллелизмѣ и о тожде- ственномъ процессѣ на два фронта (душа и тѣло).	68
VIII. О смыслѣ міровой жизни	73
IX. О формирующей силѣ окружающаго міра и о личной реакціи, какъ собственномъ дѣйствіи. (Бредъ зависимости)	80
X. О необходимости. О нравственной свободѣ и объ отвѣтственности.	87

	Стр.
XI. Обь эгоизмѣ и альтруизмѣ	98
XII. О случаѣ, о цѣли и о предвидѣніи	102
XIII. Обь уравнивающей справедливости, о грѣхѣ, наказаніи и наградѣ и о совѣсти.	108
XIV. О сохраненіи энергіи и матеріи и о законѣ воз- растающихъ цѣнностей.	113
XV. О подъемѣ и упадкѣ въ развитіи и обь „актив- номъ самоотреченіи“ въ широкомъ смыслѣ слова	118
XVI. О цѣнности жизни и о содержаніи будущей жизни	126
XVII. О Божествѣ	138
XVIII. О человѣкѣ и его идеалахъ	150
XIX. Обь исполненіи желаній.	154
XX. Обь образующей силѣ мысли	162
Заключеніе	168

9775

